

ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ КОНФРОНТАЦИИ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА

**Сборник материалов международной научно-практической
онлайн-конференции
4 декабря 2024 г.**

**Москва
2025**

УДК 327
ББК 66.4

Ответственный редактор:

Иванов О.П., доктор политических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Рудницкий А.Ю., доктор исторических наук;

Миронов С.И., кандидат военных наук;

Фаустова Н.А., кандидат филологических наук

Глобальная и региональная безопасность в условиях конфронтации: вызовы XXI века: материалы международной научно-практической онлайн-конференции / отв. ред. О.П. Иванов; Дипломатическая академия МИД России. – Москва, 2025. – 195 с.

ISBN 978-5-6052666-8-6

В сборник вошли материалы международной научно-практической онлайн-конференции «Глобальная и региональная безопасность в условиях конфронтации: вызовы XXI века» (4 декабря 2024 г.). Организатор – кафедра международной и национальной безопасности Дипломатической академии МИД России. В конференции приняли участие российские и зарубежные политологи, экономисты и историки. Обсуждались вопросы безопасности в современном мире с точки зрения глобального, регионального и функционального аспектов.

Сборник предназначен для специалистов в области международных отношений, студентов и аспирантов профильных вузов, а также для всех, кто интересуется данной тематикой.

ISBN 978-5-6052666-8-6

© Коллектив авторов, 2025

© Дипломатическая академия МИД России, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Видеообращение Директора Департамента информации и печати МИД России М. В. Захаровой.....	7
РАЗДЕЛ I. Архитектура безопасности в современном мире.....	10
Иванов О.П. Изменит ли новая американская администрация стратегию НАТО по отношению к России?.....	10
Томанн П.-Э. Геополитические сценарии для Европы и России при новом мировом порядке и новые подходы Вашингтона.....	13
Сурма И.В. Трансформация архитектуры европейской безопасности: Североатлантический альянс и ЕС.....	23
Чжан Жунпэн, Чжан Цянь. Экономика и безопасность: анализ политики России и Китая в отношении Евразии	33
Егоров В.Н. Региональные и глобальные аспекты безопасности.....	49
Миронов С.И. Актуальные аспекты неядерного сдерживания в противоборстве РФ с коллективным Западом.....	59
Клауберг Р. Влияние искусственного интеллекта на международную безопасность в современном геополитическом противостоянии в XXI веке.....	68
Румэйт Ф. Вепонизация искусственного интеллекта в условиях глобального конфликта: формирование нового мирового порядка.....	73
Рогожина Е.М., Рыжков В.И. Виртуальные государства в условиях глобальной безопасности XXI века.....	81
Батмаз М.В. Экуменический орден цифровизации.....	92
Шляхтунов А.Г. Гуманитарная политика России на современном этапе: тенденции и перспективы развития.....	101
Хохлышева О.О., Колобов О.А. Международно-правовое регулирование практики обеспечения системы международной безопасности в современных условиях.....	110
Мозер А.Е. Изучение языков – верный путь к взаимопониманию.....	131
РАЗДЕЛ II. Региональный ракурс: конфликты и сотрудничество.....	138

Вакарелу М. Сотрудничество ради мира в Восточной Европе: ограничения и возможности.....	138
Деньщиков А.Л. Проблематика новых вызовов и угроз в КНР.....	145
Маслакова-Клауберг Н.И. Израиль и Иран: истоки геополитического прокси-конфликта.....	151
Гуселетов Б.П. Центрально-Азиатский регион: Камо Грядеши.....	157
Рудницкий А.Ю. Афганистан во власти талибов: разрешение конфликта или новые вызовы безопасности?	165
Сидорова Г.М. Проблема безопасности в Сахаро-Сахельской зоне.....	173
Тимакова О.А. Стратегия Европейского союза в Африке южнее Сахары.....	180
Лилеев И.Л. Региональная и континентальная интеграция в Африке и ее влияние на военно-политическую безопасность континента.....	188

CONTENTS

Video address by the Director of the Information and Press Department of the Russian Foreign Ministry Maria V. Zakharova.....	7
PART I. Security architecture in the modern world.....	10
Oleg P. Ivanov. Will New U.S. Administration Change NATO's Strategy Towards Russia?.....	10
Pierre-Emmanuel Thomann. Geopolitical Scenarios for Europe and Russia in the New World Order and Washington's New Positioning.....	13
Ivan V. Surma. Transformation of the European Security Architecture: The North Atlantic Alliance and the EU.....	23
Zhang Runpeng, Zhang Jian. The Dual Drivers of Economy and Security: An Analysis of China's and Russia's Perceptions and Policies Toward Eurasia.....	33
Vyacheslav N. Egorov. Global and regional security dimensions.....	49
Sergey I. Mironov. Current aspects of non-nuclear deterrence in Russia's confrontation with the collective West.....	59
Rolf Clauberg. International geopolitical confrontations and Artificial Intelligence.....	68
Fatima Roumate. Weaponization of AI and the Global Conflict: Shaping the New World Order.....	73
Evgenia M. Rogozhina, Igor V. Ryzhov. Virtual states in the context of global security of the 21st century.....	81
Mehmet Veysel Batmaz. The Ecumenical World Order of Digitalism.....	92
Andrey G. Shlyakhtunov. The present humanitarian policy of Russia: trends and prospects of development.....	101
Olga O. Khokhlysheva, Oleg A. Kolobov. International legal regulation of the practice of ensuring the international security system in modern conditions.....	110
Andreas Mozer. The study of languages – the best way for a mutual understanding.....	131
PART II. Regional Perspective: Conflicts and Cooperation.....	138

Marius Vacarelu. Cooperation for peace in Eastern Europe: Limits and opportunities.....	138
Alexander L. Denschikov. New security challenges and threats: Chinese perceptions.....	145
Natalia I. Maslakova-Klauberg. The Middle East in Modern Geopolitics: Escalation of the Conflict between Israel and Iran.....	151
Boris P. Guseletov. Central Asia Region: Quo Vadis.....	157
Artem Yu. Rudnitskiy. Afghanistan under the Taliban: conflict resolution or new security threats?.....	165
Galina M. Sidorova. The security problem in the Sahara-Sahel zone.....	173
Olga A. Timakova. The European Union Strategy for Sub-Saharan Africa.....	180
Ivan L. Lileev. Pan-African and regional integration issues and its impact on African security.....	188

ВИДЕООБРАЩЕНИЕ

**ДИРЕКТОРА ДЕПАРТАМЕНТА ИНФОРМАЦИИ И ПЕЧАТИ МИД
РОССИИ М.В. ЗАХАРОВОЙ**

**VIDEO ADDRESS BY THE DIRECTOR OF THE INFORMATION AND
PRESS DEPARTMENT OF THE RUSSIAN FOREIGN MINISTRY
MARIA V. ZAKHAROVA**

Dear colleagues and friends,

It is both my pleasure and privilege to greet the distinguished participants of this highly topical conference.

We live in a very difficult though very interesting time. The entire global community finds itself at a crucial historical juncture, when the unjust and unjustified unipolar world order has turned into a thing of the past. We are not just witnessing the dawn of a new era of international relations. We are actively participating in its establishment. The word of the day is multipolarity. It means equal respect towards cultural and civilizational diversity of the population of our planet. It means interaction between sovereign states, which is more transparent and equitable.

This process, which answers the expectations of the Global Majority, evokes panic and rejection among the Western elites. They had grown accustomed to view the world as their “playground”, where they hold the unchallenged right to establish and alter at their own will some mysterious “rules”, the contents of which are as unclear as their origin. All we know is that these constantly shifting goal-poles are supposed to be the framework for the so-called “rules-based order” fiercely promoted by the West. This concept together with the widely used instrument of illegal sanction is meant to serve the purpose of constant manipulation aimed at preserving the hegemony of the states who paradoxically call themselves “democracies”.

Manipulation comes in various forms and penetrates almost into every sphere of life. One such sphere, where it has reached unprecedented levels in recent years, is media.

Russia is not the first country to be subject to an information attack waged upon it by the collective West. But we are most probably the first ones to experience the full-scale information war against us of such bloated, surrealistic proportions.

The West is using every means, from censorship, banning and suspending the Russian media, to the mass blocking of their accounts by social media platforms, intimidation, psychological pressure exerted on opinion leaders and bloggers who take an impartial position on Russia, including pressure from the security services. Literally every day, we witness blatant provocations being vigorously hyped by Western media giants on the global scale.

It would not be completely right even to call this an ‘information war’, because the weapon our opponents use most widely is disinformation and barefaced lies. Since the start of the special military operation, the amount of anti-Russian fake news emanating from the collective West has exceeded every conceivable and even inconceivable limit. Our slanderers’ inventions include fictitious atrocities of the Russian military, accusing Russia of, as they said, “shelling the Zaporozhye nuclear power plant” (although Kiev admitted that the Ukrainian military was doing it), and the alleged deportation and, as they called it, “Russification” of Ukrainian children. Our opponents, and in this case – our enemies, as they shape themselves, spare no expenses to peddle these fake stories. In fact, traditional media, the internet and social media have become a “theater of war”. They are using the racist “cancel culture” to de-Russify every aspect of society and suppressing dissent at the legislative level.

Talking about security threats of now-a-days, I would say this one – manipulation of public opinion by spreading lies and blocking access to alternative sources of information – is one of, if not the most dangerous.

How can we stand this? How can we fight it? There is no other remedy against it, but the truth. And there is no better environment for spreading the truth than the one where every voice is heard, where there is space for conversation of equal partners and no space for dictate of a self-proclaimed hegemon. This is what we call multipolarity.

I am sure, the outcome of your exchanging ideas during the Conference will not only bring us closer to finding answers to the most actual issues of the day, but by virtue of frank and open discussion will help the truth prevail over lies. Because the truth is the basis, the content and the result of every professional dialogue.

I thank you and wish you very interesting and productive work.

РАЗДЕЛ I. АРХИТЕКТУРА БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

PART I. SECURITY ARCHITECTURE IN THE MODERN WORLD

Иванов О.П.,

доктор политических наук, профессор,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Oleg P. Ivanov,

PhD (Political Science),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: oleg.ivanov@dipacademy.ru

ИЗМЕНИТ ЛИ НОВАЯ АМЕРИКАНСКАЯ АДМИНИСТРАЦИЯ СТРАТЕГИЮ НАТО ПО ОТНОШЕНИЮ К РОССИИ?

WILL NEW U.S. ADMINISTRATION CHANGE NATO'S STRATEGY TOWARDS RUSSIA?

Under the current conditions of the ongoing European security crisis the role of NATO will remain significant. The U.S. foreign policy strategy under President-elect Trump is likely go through transformation and will probably bring changes in the NATO's strategy towards Russia.

Before addressing the question in the title of the report it is advisable to consider some Trump's administration future foreign policy basics, his perception of NATO and its strategy towards Russia.

My understanding is that President Trump will continue his grand strategy that he put forward during his first term though with some changes.

During his first term President Trump indicated that he was not interested in NATO as much as his predecessors. It made the U.S. Congress adopt the NATO Support Act on January 23, 2019 which stated "the President shall not withdraw the

United States from NATO” and it also went on stating “It is the policy of the United States (1) to remain a member in good standing of NATO; (2) to reject any efforts to withdraw the United States from NATO, or to indirectly withdraw from NATO by condemning or reducing contributions to NATO structures, activities, or operations, in a manner that creates a de facto withdrawal” [1].

During Trump’s previous presidency, there were strong misgivings that the U.S. would break away from NATO. However, they seem to be groundless. During coming term President Trump will not ignore NATO as a vital tool to defend the U.S. interests and security and to promote the U.S. influence. However, he will try to move security and financial burden more to the U.S. allies, as he needs to have free hands to deal with the ongoing China’s rise. In this context Trump will put responsibility for European security more on his allies and first of all on NATO.

To realize the move, the new administration will put pressure on NATO members to surpass the requirement of 2% spending of GDP on defense. The U.S. leaving NATO would mean the collapse of the alliance as the U.S. contributes 68% of NATO’s budget. So far the U.S. has been the biggest contributor of NATO modernization and the Congress confirmed it in 2019 in the same Act. “It is the policy of the United States (3) to continue to work with NATO members to meet their 2014 Wales Defense Investment Pledge commitments; and (4) to support robust United States funding for the European Deterrence Initiative, which increases the ability of the United States and its allies to deter and defend against Russian aggression” [1].

As for NATO’s strategy towards Russia it will go on being aimed at deterring Russia, but it may change its intensity depending on several variables. The first one is related to the evolvement of the Ukrainian crisis. If the sides manage to reach a mutually acceptable solution of the conflict and sign a peace agreement President Trump will diminish the U.S. support for NATO putting major burden on its allies and divert his attention towards Indo-Pacific. The second variable has to do with relations between the U.S. and China. President Trump’s major long-term

international challenge will be China but not Russia. Today the peculiarity of the U.S. policy is an application of sanctions as a regular means to achieve its both economic and political goals. Trump will not cancel them and the same goes for the Law № 3364 “Countering America's Adversaries Through Sanctions Act” that was adopted by the Congress in 2017. What Trump may do is to soften sanctions against Russia where it may be beneficial for the U.S. business and to turn their application against China.

If the U.S. – Chinese relations worsen because of the Taiwan issue or the security situation in the South Chinese Sea the new administration will have to move its focus of attention and resources from Europe to Indo-Pacific and South-Eastern Asia in particular. As for the European security the U.S. involvement is likely to be the last resort if NATO fails to achieve its objectives towards Russia. NATO will keep on regarding Russia as an adversary but it will be more based on its members’ capability so NATO’s strategy will be as much assertive in rhetoric towards Russia as it is today but less powerful. At the same time the degree of assertiveness will depend more on the U.S. willingness to confront China rather than Russia.

References

1. H.R. 676(116th): NATO Support Act // Govtrack.us. – URL: <https://www.govtrack.us/congress/bills/116/hr676/text> (accessed: 26.11.2024).

Томанн Пьер-Эммануэль,
доктор геополитики,
профессор Католического института (Вандея),
Института социальных, экономических и
политических исследований (Лион),
президент «Евроконтинента» (Брюссель).

Pierre-Emmanuel Thomann,
Phd (Geopolitics), Professor in Geopolitics in
ICES (Institut Catholique de Vendée) - La
Roche-Sur-Yon and ISSEP (Institut de Sciences
Sociales Économiques & Politiques) - Lyon,
France, President of Eurocontinent (Brussels)
E-mail: pierre-emmanuel.thomann@eurocontinent.eu

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ СЦЕНАРИИ ДЛЯ ЕВРОПЫ И РОССИИ ПРИ НОВОМ МИРОВОМ ПОРЯДКЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ ВАШИНГТОНА

GEOPOLITICAL SCENARIOS FOR EUROPE AND RUSSIA IN THE NEW WORLD ORDER AND WASHINGTON'S NEW POSITIONING

The expected opening of negotiations between Washington and Moscow by Donald Trump will inevitably lead to the *de jure or de facto* neutralization of Ukraine – namely, its renunciation of NATO membership, which is the minimum condition for resolving the crisis [6]. If negotiations falter, Russia's military operation, launched in 2022, will continue until its stated objectives are achieved [3], or even beyond, as the reduction of aid to Kyiv is inevitable – the only alternative being escalation. Russia will not relinquish its geopolitical vital interests.

With Ukraine's NATO membership abandoned and its EU accession increasingly unrealistic, Moscow will seek to anchor this new geopolitical configuration in a new European security architecture – its central objective – along with the establishment of new borders. However, this will be the most difficult objective to achieve. This scenario carries profound systemic implications: abandoning NATO expansion, introducing the principle of indivisible security, and

setting new borders would mean accepting a new multipolar geopolitical order based on spheres of influence, which means, in practice, recognizing Russia's geopolitical aspirations as legitimate, acknowledging the defeat of the Washington – NATO – EU – Kyiv axis, and enshrining it in a new international treaty [4]. Consequently, negotiations between Moscow and Washington are likely to be protracted, and the conflict will persist unless Kyiv collapses.

A prolonged fracture in Europe after a potential cessation of military hostilities is likely if European states fail to seize the opportunity of a Russian victory to establish a new relationship with Moscow independently of the United States. In any case, NATO and EU member states will become increasingly divided over their approach toward both Russia and the U.S.

The central geopolitical question is whether the new Trump administration will distance itself from the Anglo-Saxon geopolitical doctrine aimed at encircling and fragmenting Eurasia [1], redefining the U.S. position within a multipolar world. There is currently no indication that the new administration would abandon this posture, but it cannot be ruled out in the long term.

Trump has declared his intention to reclaim the Panama Canal and even acquire Greenland and Canada under a new Pan-American doctrine [5]. While these provocative declarations are likely bargaining tactics aimed at securing concessions – such as permanent military bases and exclusive access to resources – they are nonetheless indicative of the evolving vision of the American presidency.

From a geopolitical perspective, there is continuity in the U.S. policy of encircling Eurasia against Russia and China. To compensate for setbacks in the Rimland since the withdrawal from Afghanistan, and soon Ukraine – and likely Syria – Washington is strengthening its foothold in the Arctic (with Greenland and Canada in its sights) and in the Indo-Pacific (through the AUKUS alliance). The European front, far from being abandoned, would instead be delegated to the Europeans. Under the pretense of greater strategic autonomy – illusory, of course [7] – and burden-sharing, Europeans would be recruited as auxiliaries in the American maneuver

against China and Russia. A substantial rapprochement between Washington and Moscow remains highly uncertain and would be surprising, as it would pave the way for a German-Russian alignment, which the U.S. views as a direct challenge to its dominance in Europe. Washington will continue to impose its geopolitical priorities, even if negotiations serve to contain rivalries temporarily.

Simultaneously, a shift is occurring toward regional zones of influence, avoiding overextension and promoting a world structured around major geopolitical blocs. With the consolidation of the Anglo-Saxon sphere centered on the United States, Trump's vision aligns with the broader global trend: the recomposition of territories around central powers and a process of geopolitical and civilizational tightening – such as the restructuring of the Russian world, the Greater Eurasia project, China's reunification efforts (targeting Taiwan) and the Belt and Road Initiative, the pan-Turkish project, and the European project (which, until now, has remained a subset of the Greater West, directed by Washington). It is the explicit return of territorial conquests, zones of influence, buffer states, and shifting borders that adjust dynamically among major geopolitical blocs. In this fluid environment, precarious and temporary alliances between states will determine the global geopolitical configuration.

During negotiations between Washington and Moscow, the primary challenge will be to mitigate the humiliation of Washington and its allies in a conflict they themselves provoked through successive NATO enlargements, aggravated by increasing cobelligerence in Kyiv's favor against Russia.

Russia's inevitable victory over the Washington – NATO – EU axis in Ukraine will have profound repercussions on NATO and the EU. Rimland – the maritime periphery of Eurasia – has long been of strategic importance for controlling the Heartland, embodied by Russia and, to a lesser extent, China. Under Washington's leadership, the Rimland has been in retreat since the Afghanistan withdrawal, with the war in Ukraine bringing NATO's expansion to a halt. The Euro-Atlantic geopolitical bloc, led by Washington and structured around NATO and the EU, will

no longer be able to shape Eastern Europe and Eurasia according to its unipolar vision. NATO's enlargement as an instrument of American expansion into the Russian sphere has reached its limits, as further expansion would now provoke direct conflict. The paradox is that Russia might not even oppose the EU's enlargement to include Ukraine, Georgia, and Moldova, as this could ultimately weaken the EU.

After electoral failures for the EU-backed opposition in Georgia and Moldova, and the military defeat of NATO-aligned forces in Ukraine, an alternative scenario is emerging. NATO and the EU, as they currently function, will not expand to include these states. At the same time, a reorientation toward Russia is perceptible even within the EU, seen in Hungary, Slovakia, and even Romania – where the first round of elections was canceled to prevent the success of a pro-Russian candidate – as well as in Austria and opposition movements in Germany and France.

Depending on the approach pursued by Trump and his administration, the geopolitical order could develop in one of three ways: continued but controlled rivalry between Washington and Moscow, a moderate reset in relations, or a military escalation – though the latter remains unlikely for now. In any case, Europe, particularly the EU and its member states aligned with NATO, will find itself largely excluded from negotiations unless it asserts an independent geopolitical stance.

The European Union and its member states that supported Kyiv will be the ultimate losers, whatever the scenario. Washington's objective was also to torpedo any continental Paris – Berlin – Moscow agreement – most clearly demonstrated by the sabotage of Nord Stream [2] – and, for now, it has (temporarily?) succeeded.

With Trump's election, Europe's strategic position remains unchanged: it is a Rimland, a geopolitical periphery expected to manage its defense – primarily by purchasing American arms – while aligning with Washington's geopolitical agenda. Russia remains designated as an adversary, ensuring that Europeans maintain a hardline stance while the U.S. pivots toward confronting China. Trump's "America First" doctrine does not include supporting Europe's geopolitical independence.

The ultimate interest of the United States under Trump, if he succeeds in withdrawing from the conflict it provoked through NATO expansion, is to shift the burden onto NATO and the EU while maintaining control over geopolitical doctrine – thus ensuring Europe’s continued subordination.

For the NATO-aligned European leadership, this is the ideal scenario. The military-industrial elites within NATO and the EU, incapable of independent strategic thinking, remain firmly opposed to any reassessment of their auxiliary status. Any true change would require dismantling these entrenched networks – an outcome that could emerge only from deeper crises resulting from NATO and the EU’s geopolitical failures.

Without a shift toward European independence, only a deep systemic crisis within the Euro-Atlantic structure would be capable of altering this configuration. The precondition for such a crisis to become more likely is a decisive Russian victory over the Washington – NATO – EU axis and its proxy, Kyiv.

The alternative Scenario: the Pivot to Russia, the path to sovereignty for Europeans

The dominant narrative in the media and political circles repeats the claim that a defeat for Ukraine would also be a defeat for Europe. Yet, when analyzing the consequences of the Ukraine conflict from a purely geopolitical perspective, it is a Russian victory against Kyiv and the Washington/NATO/EU axis that could offer strategic advantages for France and some of its European partners in the long run, if Paris is able to leverage it effectively. This is, of course, a long-term scenario, as the current crisis will take at least several years to unfold.

Ukraine’s defeat and Russia’s victory are primarily problematic for those who have positioned France as a vassal state within the Washington/NATO/EU framework, operating under the illusion of European strategic autonomy – an autonomy that remains nothing more than a sub-component of NATO.

The idea of France as a balanced and sovereign nation within a Europe of nations may once again emerge as a long-term objective if a new generation of

political leadership arises with the ambition to reposition the country within a multipolar geopolitical order.

Russia does not present a military threat to France but rather a geopolitical challenge to the exclusive Euro-Atlantic order, which limits France and Europe's strategic room for maneuver.

The EU, incapable of adapting to a post-Western world, is increasingly becoming a geopolitical periphery, a mere theater of confrontation, since it lacks the status of an independent geopolitical pole. The rhetoric promoted by Euro-Atlantic institutions about an “existential Russian threat” obscures the true stakes. Existential for whom? There is no threat to the vital interests of France and its European partners, but rather to the Euro-Atlantic order dominated by Washington, which sustains itself through confrontation with Russia and China. By constantly designating adversaries, it ensures the mobilization of its European auxiliaries, preventing any defections, and reinforcing European subservience.

The EU cannot maintain its structure without designating Russia as an enemy, as this narrative justifies its outdated paradigms and continued alignment with NATO, without which it carries little geopolitical weight. For NATO, the EU functions as a complementary tool to extend the Euro-Atlantic zone of influence, making European integration a by-product of Washington-led globalization rather than a project of independent European sovereignty.

With Russia's victory, the EU risks losing its monopoly over the discourse on Europe to the competing vision of a Europe of sovereign nations. The advocates of this alternative model would see their voices amplified by Russia's success and NATO's loss of credibility. With the Euro-Atlantic doctrine weakened, the EU would lose its primary external backer – Washington – and the expansionist project it relies on for its own legitimacy. As a result, the EU would struggle to continue its enlargement.

The EU and NATO were created within a geopolitical order fundamentally different from today's emerging multipolar world. Initially conceived during the Cold

War as part of the Western capitalist bloc, these organizations were later maintained under the American-led unipolar system. Now, however, they find themselves in a precarious position, as their survival is being challenged by a shifting geopolitical landscape in which nations and peoples seek to reclaim their sovereignty from globalization and the unrelenting Americanization of European politics. The fear surrounding Donald Trump's election stems from the possibility that he may genuinely challenge this geopolitical framework.

Washington's objective is to disengage from the war in Ukraine without addressing the systemic geopolitical crisis underlying it. Russia remains the designated adversary, ensuring that Europe remains divided for the benefit of the United States. However, for the Europeans – particularly the French, Germans, and Italians – there is a far greater interest in moving beyond this fracture to stabilize the continent as a whole. Over the long term, these European states share more common interests with Russia, their geographical neighbor, in building a new security architecture that prevents Europe from being reduced to a battlefield of great-power conflict. The United States, by contrast, remains insulated between the Atlantic and Pacific oceans.

In the final analysis, the prospect of negotiating a new European security framework, overcoming the geopolitical divide within Europe, and avoiding a new Cold War remains unlikely. However, it is the only path that would allow Europeans to reclaim their strategic autonomy and defend their own geopolitical interests, rather than remaining locked into Euro-Atlantic integration, which keeps Western Europe subordinated to Washington's bloc politics.

According to the alternative scenario of a Europe of sovereign nations, negotiations between European states and Russia on a new security architecture – one based on the principles of geopolitical balance and indivisible security – would offer a more stable foundation than the current structure, which integrates Europe into a NATO – EU system that excludes Russia. This scenario would mean a return to the traditional European balance-of-power negotiations that have shaped past geopolitical

orders, such as the Treaty of Westphalia (1648), the Congress of Vienna (1814–1815), and the Treaty of Moscow (1990). While these arrangements were always precarious and temporary, they remain preferable to escalating military tensions.

In conclusion, if France, as a nation of strategic equilibrium, and its European partners seek to regain their geopolitical autonomy, a Russian victory would serve their long-term interests. This is not a consideration for the current political leadership, which remains trapped in an outdated worldview, but rather for the political elites of the next decade. In such a scenario, the European project could be reformed, as the geopolitical paradigms of the EU and NATO lose their relevance, bringing Europe closer to the Gaullist vision of a Europe of nations, more independent from the United States. A pivot toward Russia would once again be an option, facilitating the development of a Eurasian zone of stability and prosperity and fostering a renewed France-Germany-Russia axis. This approach would align with the broader European civilization and help prevent an eventual U.S. – China duopoly.

The alternative would be direct confrontation with Russia, without the United States, if Donald Trump chooses to disengage quickly, acknowledging the decline of the Americanized Western order and the rise of a multipolar world. Such a scenario would lead to an inevitable European defeat – only postponed, but ultimately more destructive for Ukraine and its Western backers.

The worst-case scenario would be an unchecked escalation of the conflict. If Washington, under Trump's leadership, were to refuse Russian demands – demands that Moscow is unlikely to abandon – Europe could become the battleground for a direct, possibly nuclear, confrontation between the great powers, with all the catastrophic consequences that such a conflict would entail.

References

1. *Gurfinkel M.* Can the 'Rimland' Contain China and Russia? The West is restoring the global strategic vision that gave it victory in the world wars and the Cold War. – URL: <https://www.wsj.com/articles/can-the-rimland-contain-china-and-russia-spykman-mackinder-eurasia-nato-aucus-quad->

- i2u2-middle-east-economy-technology-strategy-11659125573 (accessed: 07.02.2025).
2. *Hersh S.* How America Took Out The Nord Stream Pipeline. – URL: <https://seymourhersh.substack.com/p/how-america-took-out-the-nord-stream> (accessed: 07.02.2025).
 3. Kremlin says Ukraine war will go on until Putin's goals are met on battlefield or by negotiation. – URL: <https://www.reuters.com/world/europe/kremlin-says-ukraine-war-will-go-until-putins-goals-are-met-battlefield-or-by-2024-12-10/> (accessed: 07.02.2025).
 4. Ministry of Foreign Affairs of the Russian, Treaty between The United States of America and the Russian Federation on security guarantees. 17 December 2021. Agreement on measures to ensure the security of The Russian Federation and member States of the North Atlantic Treaty Organization 17 December 2021 table. – URL: https://mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1790818/?lang (accessed: 07.02.2025).
 5. Press conference: Donald Trump Holds a Media Event at Mar-a-Lago. January 7, 2025. – URL: <https://rollcall.com/factbase/trump/transcript/donald-trump-press-conference-mar-a-lago-january-7-2025/> (accessed: 07.02.2025).
 6. Trump's plan for Ukraine: Territorial concessions but NATO off the table. – URL: <https://www.euractiv.com/section/global-europe/news/trumps-plan-for-ukraine-territorial-concessions-but-nato-off-the-table/> (accessed: 07.02.2025).
 7. 2027: The year of the European Strategic Autonomy, Groupes d'Etudes Géopolitiques, 2023. – URL: <https://geopolitique.eu/en/2023/04/10/2027-the-year-of-european-strategic-autonomy/> (accessed: 07.02.2025).

Stratégie géopolitique des Etats-Unis contre la Russie et la Chine dans le contexte de la nouvelle rivalité des puissances

Pierre-Emmanuel Thomann 2025
www.eurocontinent.eu

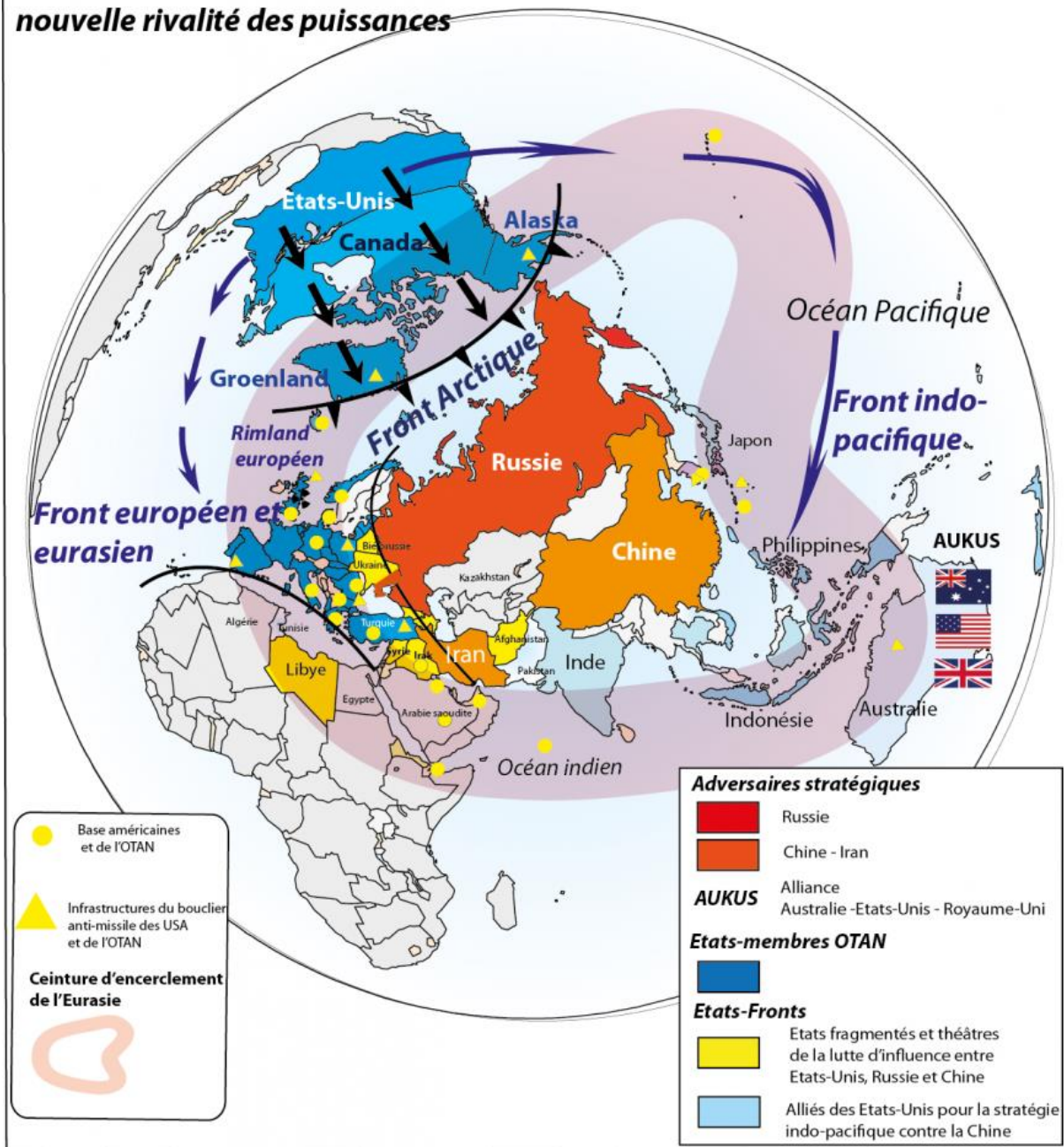

Figure 1.

Сурма И.В.,

кандидат экономических наук,
доцент Дипломатической академии МИД РФ,
профессор Академии военных наук,
член-корреспондент РАН, Москва.

Ivan V. Surma,

Candidate of Economic Sciences,
Associate Professor, Diplomatic Academy of Russian
Ministry of Foreign Affairs,
Professor of the Academy of Military Sciences,
Head of the Department of the National Association
for International Information Security, Moscow.
E-mail: surma@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ АРХИТЕКТУРЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКИЙ АЛЬЯНС И ЕС

TRANSFORMATION OF THE EUROPEAN SECURITY ARCHITECTURE: THE NORTH ATLANTIC ALLIANCE AND THE EU

One of the key parameters of international relations is their structure. In its current form, it was formed on the basis of agreements between the victorious countries in World War II. They laid the foundation for the creation of the United Nations Organization and other institutions that so far coordinate and partially regulate the actions of states at the global level. This set of institutions (organizations and norms) was intended to set the universal political framework.

In addition to the institutional framework, there is another part of the structure of international relations, determined by the balance of power. It affects the dynamics of interaction between states, it has less normative element, so it is more flexible and mobile. Different constructions of “polarity” reflect the dynamics (real or desired) of the balance of power.

The international system can be:

- unipolar (concentration of a significant share of power in the hands of one power with relatively small capabilities of the rest);
- bipolar (two rival powers and grouping of the others around two centers of power);
- multipolar (several major powers or their alliances).

In the second half of the twentieth century, after a series of global and regional crises, after world decolonization with the formation of dozens of new countries, by the 70-s, a political consensus was reached in world politics and the world came to a relative geopolitical balance.

The Helsinki Final Act, following the results of the Conference on Security and Cooperation in Europe, actually consolidated the division of spheres of influence between the United States and the USSR with the recognition of formal (state) and informal (political) borders that had developed at that time. The confrontation turned into a mental and ideological plane.

The next few decades gave rise to the illusion that the political landscape would no longer change, despite the historical and strategic illogicality of the established borders. But those agreements on the inviolability of the dividing lines were reached in the conditions of the current approximate balance of forces. The end of the Cold War changed the entire system of accepted agreements and shook the conditional balance of power.

With the end of the Cold War, the West decided that the previous approach to international relations through the prism of geopolitical interests was outdated. The world must be built through the affirmation of universal values that are important to all: human rights, the fight against climate change, free trade and the ubiquity of similar institutions. It took almost 30 years to see the fundamental failures in the calculations of the architects of the new world order. The basic mistakes were based on the idea that the West, as the winner in the cold war, would determine not only the rules of the game, but also the winner in this very game. If you don't win according to the rules for some reason. A clear proof of this is how the West began to manipulate

the application of the fundamental and seemingly unchangeable values of the market economy in its interests.

V.V. Putin rightly noted that “...in the interest of maintaining their dominance, some countries have consistently sought to replace the current global architecture, based on the central role of the UN, with some kind of rules-based order. What rules? It is unclear who made up these rules” [3].

Considering the evolution of the position of the Russian Federation in relation to this process, three stages can be distinguished. The first was that the stated US aspiration to a unipolar world and dominance is the main threat to the stability of the international system and the sustainability of its structure. Conclusion: everyone should act in strict compliance with the UN Charter and under the auspices of the UN Security Council, and let European security issues be resolved through the OSCE.

Secondly, since the U.S. brings a power factor into world politics, thereby disrupting the stability of the structure, in the conditions of emerging multipolarity, the others are allowed to do the same. U.S. intervention in the internal affairs of other countries thus became a precedent. A forceful rebalancing is not a unique “moral duty” in the name of protecting the normative and value rules of the universal system, but only an act of defending one's national interests.

The third line of resistance: the rejection of normative-value imperatives, which were postulated by Western countries as the main constraints in the structure of international politics. Hence the narrative of opposing sovereignty and universalism.

February 24, 2022 was a turning point – the structure of international relations has completely changed. It is impossible to return it to its previous state under any outcome of the current conflict. And the new situation on the world arena (probably, for a long time it will not even be possible to apply the term “order” to it, and the clearly defined structure is in question) will be formed under completely different conditions. Today we are only at the first stage of global geopolitical transformation. The liberal-democratic model of the world led by the United States has been dismantled and its global monopoly has been replaced by a polycentric model of world order. Europe is becoming more

vulnerable, which will allow for a more pragmatic format of dialogue with Europe and the United States in the future. The end of the Special Military Operation will lead to the definition of geographical and geopolitical fault lines between Russia and the West, concluding the military confrontation with diplomatic outcomes consolidating the new geopolitical contours of the world. In the new geopolitical realities it will be possible to predict the aggressiveness of the collective West, and its boldness will be determined by the fact that the war has a proxy character – waged on foreign territory and by foreign hands. The peculiarity of the modern confrontation is manifested in its hybrid character, i.e. the combination of force and peaceful means, the combination of traditional warfare with large-scale information and psychological impact, special operations and the use of proxy formations.

Today we can state the return of the world system to the era of the primacy of military might and power. In this regard, we can distinguish geopolitical sources of challenges and threats:

- Attempts by the US and its allies to maintain a unipolar world;
- Inefficiency of traditional arms limitation control mechanisms;
- The US renunciation of treaties limiting its dominance in the world;
- Formation of new centers of development and power – Russia, China, India and others;
- Declaring Russia a major threat to the viability of the U.S. and NATO;
- The desire of the united states to stop the growth of China's power and influence in the world.

The coming world crisis is seen by the West as a manageable chain of three interconnected theaters of war. The outcome of the NATO summit in Madrid (June 29–30, 2022) confirmed NATO's strategic confrontation with Russia. Russia was declared the most significant and direct threat to Allied security and to peace and stability in the Euro-Atlantic region. It was decided to invite Sweden and Finland to become NATO members. It was also decided to take new measures to strengthen targeted political and practical support to partners, including Bosnia and Herzegovina, Georgia,

and Moldova. China was named as a country whose policies challenge NATO's interests, security and values. It was decided to continue to provide political and practical support to Ukraine. Commitments were made to deploy additional strong combat-ready forces on the eastern flank.

On the other hand, the main contradictions between the EU and Russia have defined Russian-European relations in the 21st century. Let us note just a few reasons for the crisis in EU-Russia relations. “Freezing” of official and unofficial negotiations. Lack of trust in each other. Economic and diplomatic sanctions. Chronic confrontational rhetoric and the supply of arms and mercenaries to Ukraine by EU countries. Dissolution of the treaties that defined the European security architecture. Dissolution of the treaties that defined the European security architecture. One of the treaties terminated at the initiative of the United States was the Treaty on the Elimination of Intermediate-Range and Shorter-Range Missiles (INF), the main treaty that defined European security for more than 30 years. The second most important treaty was the Open Skies Treaty (OST), signed on March 24, 1992, in Helsinki, Finland, by the 27 member states of the CSCE (since 1995, the OSCE), which gave participating states the right to overfly any of each other's territory in accordance with agreed quotas for observation missions.

The START-3 Treaty, in the context of U.S.-Russian relations, has had an enormous impact on European security. The Treaty on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (START-3) was signed on April 8, 2010 in Prague, Czech Republic, and became the world's only treaty regulating the arsenals of the two largest nuclear powers. TREATY on Measures for the Further Reduction and Limitation of Strategic Offensive Arms (START-III) – extended until February 5, 2026 (in 2023 Russia suspended the START-3 Treaty).

Consequences of the termination of the treaty-based strategic arms control system: destruction of the strategic arms control mechanism, a new round of strategic arms race, lack of trust between military agencies, emergence of new threats to international security, unleashing of military conflicts, militarization of space, etc.

Risks of Nuclear Conflict. UN Secretary General António Guterres, speaking at the 10th Review Conference of the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons stated: “...Geopolitical tensions are reaching a new high..... Competition is beginning to trump cooperation.... Risks of nuclear war are at their highest level since the height of the Cold War.... ” [5]. But in the meantime, NATO has launched the Steadfast Noon 2024 air exercise in Europe to practice the use of nuclear weapons. More than 60 aircraft and 2,000 troops from 13 countries are taking part in the two-week exercise. Table 1 shows that Steadfast Noon involves personnel from eight air bases and a variety of aircraft types, including nuclear-capable aircraft, bombers, escort fighters, refueling aircraft, and reconnaissance and electronic warfare aircraft. Steadfast Noon is conducted in accordance with NATO's Joint Nuclear Missions Program, which provides for the possibility of using tactical U.S. nuclear weapons from aircraft of non-nuclear powers of the alliance. Participants in the Joint Nuclear Missions Program are five non-nuclear NATO states – Belgium, Germany, Italy, the Netherlands and Turkey – with 20 U.S. tactical bombs stockpiled on air bases for each of the participating countries, according to leaks. The U.S. has refused to withdraw its tactical nuclear weapons from Europe since the end of the Cold War. Other NATO countries, in addition to these five nations and the alliance's three nuclear-armed nations (U.S., U.K., France), participated in the exercise with supporting missions.

Table 1

NATO Steadfast Noon Tactical Nuclear Weapons Exercise Participants

NATO Steadfast Noon Tactical Nuclear Weapons Exercise Participants					
Country	Participating Combat Aircraft				
Belgium	Nuclear-capable F-16				
Czech Republic	JAS-39				
Denmark	F-16				
Finland	F/A-18				
Germany	Nuclear-capable Tornado; EF-2000				
Greece	F-16*				
Italy	Nuclear-capable Tornado				
Netherlands	Nuclear-capable F-35A				
Poland	F-16				
Romania	F-16				
Turkey	F-16*				
United Kingdom	Typhoon, F-35B				
United States	Nuclear-capable F-35A, F-15E, and B-52H				

Source: Dino Carrara, "Exclusive: Nuclear Exercise Steadfast Noon Participants Revealed," *Key.Aero*, 12 August 2024, <https://www.key.aero/article/nuclear-exercise-steadfast-noon-participants-revealed>

* In addition to the four main nuclear-sharing countries Belgium, Germany, Italy, and the Netherlands, Greece and Turkey also provide dual-capable aircraft to the nuclear mission but only on a lower readiness contingency basis.

All other participating countries do not serve a nuclear role but are part of the Conventional Support to Nuclear Operations (CSNO) mission that provides support the nuclear strike mission.

W88	Reentry body warhead	Trident II D5 submarine-launched ballistic missile	LANL/SNL	Underwater to surface	Navy
Bombs—Aircraft Platforms					
B61-3/4	Nonstrategic bomb	F-15, F-16, certified NATO aircraft	LANL/SNL	Air to surface	Air Force/Select NATO forces
B61-7	Strategic bomb	B-2 bomber	LANL/SNL	Air to surface	Air Force
B61-11	Strategic bomb	B-2 bomber	LANL/SNL	Air to surface	Air Force
B61-12	Strategic bomb	F-15, F-16, F-35, B-2 bomber, certified NATO aircraft	LANL/SNL	Air to surface	Air Force
B83-1 ^b	Strategic bomb	B-2 bomber	LLNL/SNL	Air to surface	Air Force
Warheads—Cruise Missile Platforms					
W80-1	Air-launched cruise missile strategic weapons	B-52 bomber	LLNL/SNL	Air to surface	Air Force

LANL = Los Alamos National Laboratory
LLNL = Lawrence Livermore National Laboratory
NATO = North Atlantic Treaty Organization
SNL = Sandia National Laboratories

* The suffix associated with each warhead or bomb type (e.g., "-0/1/2" for the W76) represents the modification associated with the respective weapon.

^b The 2022 *Nuclear Posture Review* directed the retirement of the B83-1. Specific details of the B83-1 retirement and dismantlement plan remain classified.

LANL = Los Alamos National Laboratory

NATO = North Atlantic Treaty Organization

LLNL = Lawrence Livermore National Laboratory

SNL = Sandia National Laboratories

^a The suffix associated with each warhead or bomb type (e.g., "-0/1/2" for the W76) represents the modification associated with the respective weapon.

^b The 2022 *Nuclear Posture Review* directed the retirement of the B83-1. Specific details of the B83-1 retirement and dismantlement plan remain classified.

Moreover, let's look at Figure 1, which shows the deployment of U.S. nuclear weapons in Europe (data for 2024). The U.S. keeps 150 B61 tactical thermonuclear bombs at six of its own military bases in five European countries – Germany, Belgium, the Netherlands, Italy, and Turkey. U.S. nuclear weapons have been on the territory of U.S. NATO allies since the mid-1950s. According to NATO, at the peak of the Cold War, the United States deployed about 7,300 nuclear weapons in Europe.

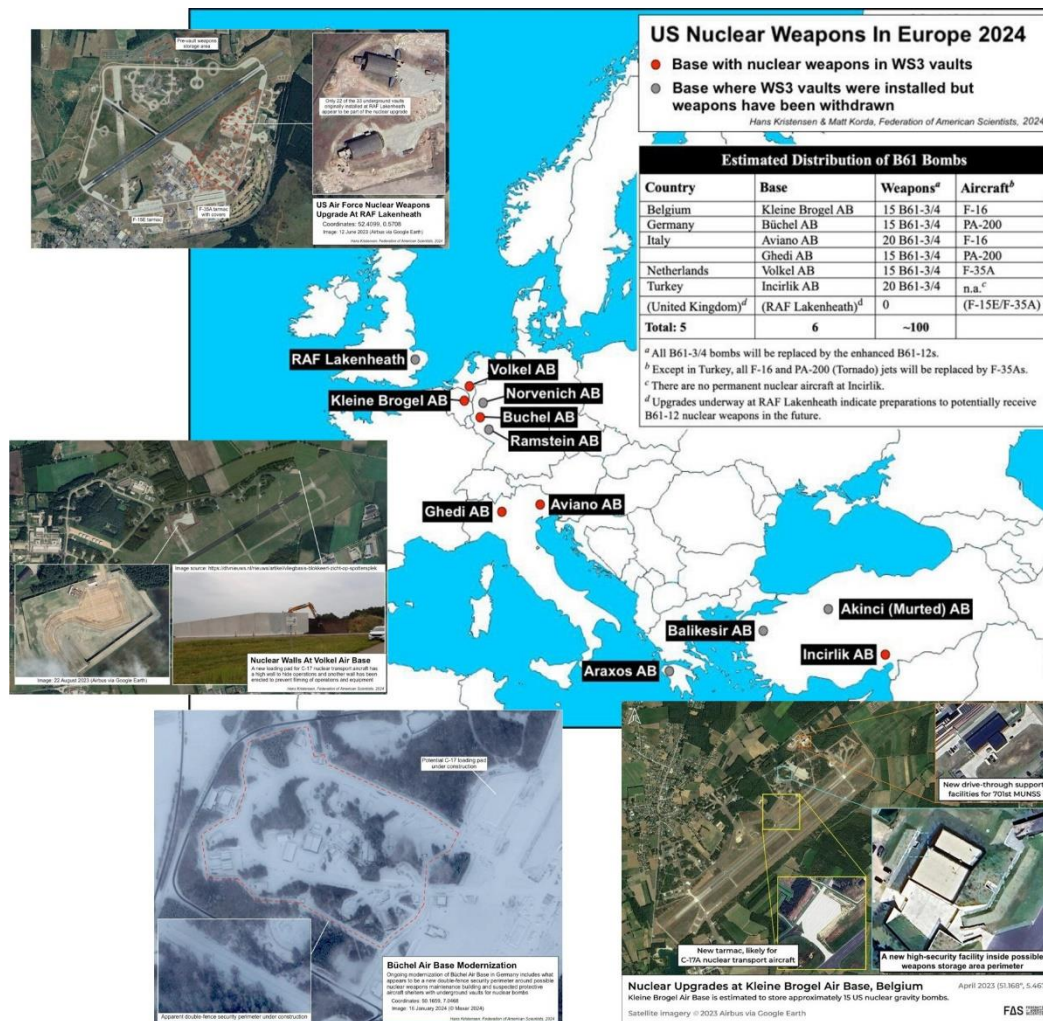

Figure 1. The deployment of U.S. nuclear weapons in Europe (data for 2024)

Risks associated with new technologies. The DIANA (DEFENCE INNOVATION ACCELERATOR FOR THE NORTH ATLANTIC) program focuses on deep technologies: big data processing, AI, quantum technologies, ICT, hypersonics and space, especially where they are dual-use in nature. On 30.03.2023 the DIANA department was opened at the Innovation Center of Imperial College London (in partnership with Estonia). DIANA experts work at more than 20 sites and 90 test centers in 20 countries.

The intensification of European assistance to the armed forces of Ukraine forms the configuration of the World War. Various theaters of military operations (Theater of Operations) are “distributed” between the United States and its satellites in various regions, and on the other hand, it must be assumed that an undoubtedly practical test in regional conflicts is being developed, such as the current mechanisms for maneuvering

forces and means between Theater of operations, the management of which, as well as their content, the Pentagon, apparently, He's going to keep it for himself. That is, a complex, two- or three-level configuration is being formed. Inside it, the main headquarters is in Washington, and a “visiting” one is being created in the UK at the European Theater of Operations. It is largely commanded by London itself in the spirit of the famous concept of “managing the continental European equilibrium”. A Middle East “visiting headquarters” is also being formed, the functioning of which is provided by Israel, and the strategic management is provided by the American-British alliance.

Europe is not just being “surrendered”, but it is being formed into a “fourth Reich” – a tolerant green one. As predicted back in the mid-1970s. And they are throwing into battle against Russia, bearing in mind that the escalation of European military supplies to the Armed Forces – Germany alone has already announced the purchase of fifth-generation F-35 fighters for Ukraine (this is not even F-16), Chinook helicopters, as well as Arrow missile defense systems. And it seems that this is not the whole list. It is clear that in the case of basing this equipment on Ukrainian airfields, it will be quickly destroyed, therefore, the information received recently about the likely provision of the Romanian Fetesti airfield for the needs of the AFU makes escalation, up to a direct military clash with NATO forces, almost inevitable. Acting as a supplier of military equipment to European satellites, the United States is simultaneously trying to avoid direct involvement in the “big” European conflict.

Instead of a conclusion. Based on the presented material, we can try to predetermine the foreign policy vectors of development of international relations for Russia in the XXI century:

- Strengthening of the defensive belt of military and political alliances around Russia.
- Unification of post-Soviet states around Russia based on the principles of equality, mutual benefit and non-interference in internal affairs.
- Creation of a system of military alliances and partnerships to counter the United States and its allies.

- Development of the idea of creating a Eurasian Union based on a unified system of common security and a unified Eurasian space of collective security.
- Development of partnership and friendly relations with states in various regions of the world in order to protect national interests.
- Creation of temporary military coalitions to address various emerging security challenges in conflict regions of the world.

References

1. *Gorelikov E.S., Shlyahunov A.G.* Pravovoe Obespechenie Deyatel'nosti Mezhdunarodnyh Voennyh Tribunalov I Mezhdunarodnogo Ugolovnogo Suda. V knige: Aktual'nye problemy razvitiya rossijskogo gosudarstva i prava. Kollektivnaya monografiya / Pod red. S. G. Kiseleva. – Moskva, 2018. — S. 133–156.
2. *Gorelikov E.S., Shlyahunov A.G.* Sovershenstvovanie Pravovogo Regulirovaniya Deyatel'nosti Mezhdunarodnogo Ugolovnogo Suda. V knige: Rossiya v epohu peremen: problemy gosudarstva i prava. Kollektivnaya monografiya. – Moskva, 2019. – S. 197–214.
3. *Putin V.V.* BRICS Plus Meeting. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/68700> (accessed 03.12.2024).
4. *Surma I.V.* Struktury i modeli // Zhurnal dlya akcionerov. – Moskva, 2002. – №6. – S.17–26.
5. Tenth Review Conference of the Parties to the Treaty on the Non-Proliferation of Nuclear Weapons (NPT). – URL: <https://www.un.org/en/conferences/npt2020> (accessed 30.12.2024).

Чжан Цзянь,
научный сотрудник,
Университет международных отношений, Пекин.
Zhang Runpeng,
Research Assistant,
Master's Candidate in Diplomatic Studies,
Center for Russian Studies, China Foreign Affairs University, Beijing.
E-mail: zhangrunpeng@mail.cfau.edu.cn

Сон Синьянь,
кандидат наук, доцент,
заместитель директора Центра российских исследований,
Университет международных отношений, Пекин.
Zhang Jian,
PhD, Associate Professor,
Deputy Director, Center for Russian Studies,
China Foreign Affairs University, Beijing
E-mail: zhangjian@cfau.edu.cn

ЭКОНОМИКА И БЕЗОПАСНОСТЬ: АНАЛИЗ ПОЛИТИКИ РОССИИ И КИТАЯ В ОТНОШЕНИИ ЕВРАЗИИ

THE DUAL DRIVERS OF ECONOMY AND SECURITY: AN ANALYSIS OF CHINA'S AND RUSSIA'S PERCEPTIONS AND POLICIES TOWARD EURASIA

Eurasia possesses both geographical and geopolitical significance and has long served as a hub for exchanges between Eastern and Western civilizations. With the deepening of globalization, its strategic importance has become increasingly prominent. After the Cold War, Eurasia's geopolitical significance was reassessed, emerging as a core arena for global power competition. The region boasts abundant resources, vast market potential, and serves as a crucial link between the European and Asian economic spheres, playing a key role in facilitating global cooperation.

As major powers in Eurasia, Russia and China have proposed different regional cooperation frameworks and strategic visions, exerting a significant influence on the

region's stability and development. While their policy objectives and strategic frameworks overlap in certain areas, their policy practices and perspectives differ.

This study aims to explore the strategic perceptions and policy differences between China and Russia regarding Eurasia, analyzing their potential impact on regional cooperation and the global order. Particularly in the context of global multipolarity and regional integration, the research examines how the two nations can achieve cooperative coordination while maintaining independent policy objectives. By providing theoretical support and practical recommendations for advancing regional cooperation, this paper offers a fresh perspective on the interactions and collaborations of major powers in Eurasia.

The Concept of Eurasia

Eurasia, as a concept with both geographical and geopolitical dimensions, has seen its connotations continuously enriched and expanded throughout historical development. Initially, Eurasia was primarily defined as the vast landmass connecting Europe and Asia. This concept originated from ancient geographical divisions, emphasizing the continuity and unity of the land. With the opening of the Silk Road, Eurasia became a vital bridge for the exchange of civilizations between the East and the West. At different stages of history, due to its strategic position and resource endowment, Eurasia has played a crucial role in the global political and economic landscape.

Following the end of the Cold War, the geopolitical and economic significance of Eurasia has been re-evaluated and redefined amidst accelerating globalization. Nations have increasingly recognized that Eurasia is not only a treasure trove of global resources and markets but also a critical link between the Asian and European economic spheres, driving global cooperation. The geographical location of Eurasia makes it a convergence point for various economic, cultural, and political interactions, thereby becoming a key factor in the transformation of the global order. Consequently, as globalization progresses, the concept of "Eurasia" has gained

prominence in academic and policy circles, emerging as an important subject for the study of global cooperation and geopolitics.

The diverse interpretations and widespread application of the concept of Eurasia are reflected not only in academic research but also in national policies. Russia and China have proposed their respective regional cooperation frameworks from the perspectives of geopolitics and economic collaboration, promoting the integration and cooperation of the Eurasian continent.

Russia's Perception and Policy Toward Eurasia

As a major power in Eurasia, Russia's perception of and policies toward the region significantly shape the geopolitical and economic landscape.

Russia's Perception of Eurasia

Russia's understanding of Eurasia is deeply rooted in its unique geopolitical history and strategic culture. This conceptual framework is reflected in several key aspects:

From a conceptual perspective, Russia perceives Eurasia as a vast geographical space stretching from East Asia to Europe, extending eastward to the Korean Peninsula and the Taiwan Strait while encompassing European countries to the west [13]. Eurasia is viewed as a key arena for global power competition, where Russia, owing to its unique historical and geographical position, exerts significant influence.

Due to its Soviet legacy, Russia regards Eurasia as a natural extension of the post-Soviet space. Following the dissolution of the Soviet Union, Russia faced both challenges and opportunities in reshaping its regional influence. In this context, Eurasia became central to Russia's geopolitical strategy, particularly concerning the former Soviet republics in Central Asia. Maintaining traditional ties and influence within the Commonwealth of Independent States (CIS) is crucial for sustaining Russia's presence in Eurasia. Russia leverages its historical connections in infrastructure, politics, and language to foster connectivity and integration with CIS countries, thereby consolidating its influence in Eurasia and advancing its broader objective of shaping a new global order.

Russia's unique geographical position has also given rise to the theory of Eurasianism, which provides both feasibility and a strong cultural and civilizational foundation for its foreign policy. As a transcontinental country spanning Europe and Asia, Russia possesses a dual identity that it seeks to emphasize through Eurasianism, leveraging its geographical and cultural uniqueness to unify the Eurasian region while competing with the West [14, p.114]. The Russian government positions itself as a vast and powerful northern Eurasian state, serving as an independent Eurasian power center in a multipolar world [1, p.102–103]. Under the framework of Eurasianism, Russia's dual identity allows it to act as a bridge between East and West, facilitating both “hard connectivity” through infrastructure and “soft connectivity” through cultural and political ties. This approach enables Russia to gain economic benefits, enhance geopolitical influence, and promote a new world order.

Policy Evolution

To consolidate its influence in Eurasia and promote regional cooperation, Russia has introduced several specific policies and initiatives:

The cornerstone of Russia's Eurasian policy is the Greater Eurasian Partnership (GEP), a comprehensive strategic vision aimed at integrating multilateral cooperation mechanisms across Eurasia to form a broad political and economic community. In 2016, Russia proposed the GEP to establish an open and inclusive integration framework for all Eurasian countries and organizations [12]. The initiative focuses on three main areas: infrastructure connectivity, economic integration, and security and defense cooperation, with various projects and regional organizations supporting its implementation.

In terms of infrastructure connectivity, Russia prioritizes the development of railways, maritime routes, and energy pipelines. In railway development, Russia promotes the expansion of the Trans-Siberian Railway (TSR) and the Baikal-Amur Mainline (BAM), enhancing railway connectivity with China and Central Asian countries to improve Eurasian freight corridors. Regarding maritime routes, Russia is accelerating the development of ports along the Northern Sea Route (NSR) and

expanding its icebreaker fleet to establish an alternative shipping route between Asia and Europe. In the energy sector, Russia has strengthened energy exports to China, notably through the Power of Siberia gas pipeline, and is planning a new gas pipeline through Mongolia to reduce its dependence on the European market.

Economic integration is another crucial component of Russia's Eurasian strategy. The Eurasian Economic Union (EAEU), established in 2015, serves as a key economic instrument for integrating the post-Soviet space. The EAEU currently comprises Russia, Kazakhstan, Tajikistan, Belarus, and Armenia, with the goal of achieving the free movement of goods, services, capital, and labor within the bloc by 2025, alongside coordinated economic policies [3]. According to publicly available data, as of 2024, the EAEU has successfully reduced trade barriers among its member states, leading to a steady increase in intra-bloc trade volume. Furthermore, the EAEU has institutionalized cooperation with China's Belt and Road Initiative (BRI), signing multiple agreements to support infrastructure development and economic growth in member states [16, p.18].

Security and defense cooperation is another pillar of Russia's Eurasian policy, with Russia actively leveraging multilateral platforms such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO) and the Collective Security Treaty Organization (CSTO) to enhance regional security collaboration. The SCO, co-led by China and Russia, primarily focuses on counterterrorism and economic cooperation to promote regional stability. The CSTO, led by Russia and comprising CIS countries, serves as a collective defense mechanism to maintain Russia's military influence in the post-Soviet space. Through these platforms, Russia engages in joint counterterrorism exercises, intelligence sharing, and long-term cooperation in non-traditional security areas with China and Central Asian countries. In recent years, regional joint security operations have significantly improved, effectively combating terrorism and transnational crime. Additionally, member states have conducted multiple large-scale military exercises to enhance military coordination and preparedness.

Policy Objectives

Russia's Eurasian policy objectives revolve primarily around security, which can be analyzed across three dimensions: traditional security, economic security, and systemic security.

In the realm of traditional security, Russia aims to maintain strategic influence over the post-Soviet space and counter NATO's eastward expansion. Through the CSTO and SCO, Russia seeks to preserve its military presence in Central Asia and prevent external interference in the security affairs of Central Asia and Eastern Europe. Strengthening security cooperation with Central Asian states allows Russia to curb the influence of cross-border terrorism, separatism, and extremism. By conducting joint military exercises and defense collaborations, Russia enhances regional defense cohesion, ensuring stability along its borders, within the CIS, and in broader Eurasian security arrangements.

Economic security constitutes another core policy objective, with Russia seeking to reduce dependence on the West and enhance its strategic autonomy. The EAEU serves as the primary vehicle for regional economic cooperation, designed to minimize reliance on Western markets and financial systems while mitigating the impact of Western sanctions. Russia is diversifying its energy exports through projects such as the Power of Siberia gas pipeline and the planned gas pipeline through Mongolia to lessen its dependence on European markets while ensuring that Central Asian countries remain integrated into Russia-dominated energy networks. Additionally, initiatives like the Northern Sea Route (NSR) and the Trans-Siberian Railway (TSR) function not only as economic cooperation tools but also as strategic logistics corridors, positioning Russia as a central transit hub in Eurasia, independent of Western-controlled maritime routes. To further its financial independence, Russia has been promoting local currency settlement mechanisms within the EAEU, aiming to reduce the dominance of the U.S. dollar and the euro in regional transactions while strengthening its own financial system.

At the systemic level, Russia seeks to establish a Eurasian – and ultimately global – governance system that is not dominated by the West. The Greater Eurasian Partnership serves as a conceptual framework for redefining relations among Eurasian states based on mutual trust and shared security interests. It envisions a transition toward a new geostrategic community – an integrated space of development, cooperation, peace, and security across Greater Eurasia. This vision aims to overcome the divisions left by the Cold War, prevent new geopolitical rifts, and mediate disputes and frictions among regional partners [7]. Russia sees itself as the central power within Greater Eurasia, striving to construct an alternative regional order that counters Western sanctions and political isolation while positioning the Greater Eurasia region as a pillar of the emerging international system.

China's Perception and Policy Toward Eurasia

As a major power with significant influence in Eurasia, China's perception of and policy practices in the region exhibit distinct characteristics.

China's Perception of Eurasia

China's understanding of the concept of Eurasia can be categorized into two perspectives. The first is a narrow definition, which views Eurasia as primarily referring to the geographic space of the former Soviet republics, now members of the Commonwealth of Independent States (CIS), or as a historical-political concept encompassing the regions under Russian foreign policy influence. The second is a broader definition, which considers Eurasia as a geographical entity that includes both Europe and Asia. In China's Russian studies community, the first perspective is highly prevalent [4, p. 69–70; 5; 8, p. 85]. Even in the functional division of responsibilities within the Chinese Ministry of Foreign Affairs, the Department of European-Central Asian Affairs oversees twelve countries, all of which are former Soviet republics [6].

However, in China's foreign policy discourse and academic studies on China's external strategies, the broader geographical concept of Eurasia is more commonly adopted. Notably, when using this concept, China typically does not include East

Asia and Southeast Asia. Within this broader conceptual framework, China frequently uses the terms “Asia-Europe continent” (亚欧大陆), “Eurasian continent” (欧亚大陆), and “Eurasia” (欧亚) interchangeably [2; 11; 15]. Given the focus of this study on China’s foreign policy, this paper adopts the broader geographical definition of Eurasia.

China’s core perception of Eurasia is that it serves as a hub for China’s economic cooperation and connectivity efforts. Eurasia represents a crucial economic, energy, and logistics corridor connecting Asia, Europe, and the Middle East, with its primary value lying in the economic opportunities it provides for China’s development. Given the diverse economic structures of Eurasian countries, China can achieve complementary development with many of them, particularly in energy cooperation and goods exports.

Eurasia is also an essential platform for China to develop international relations, promote economic globalization, and contribute to a multipolar world order. It provides China with opportunities to expand its international influence while avoiding direct confrontation with Western powers. The region hosts a variety of state and institutional actors, including Russia, Central Asian countries, Eastern and Western European states, the CIS, the European Union (EU), and the North Atlantic Treaty Organization (NATO). By prioritizing economic cooperation, China aims to minimize geopolitical confrontations and maintain strategic balance in Eurasia.

Policy Evolution

China’s policy practices in Eurasia primarily focus on the Belt and Road Initiative (BRI) and regional small multilateral cooperation mechanisms, demonstrating significant flexibility and adaptability in implementation.

The BRI serves as China’s core policy for promoting regional development in Eurasia. Covering infrastructure, trade, finance, energy cooperation, and cultural exchanges, its objective is to establish a connectivity network spanning Eurasia, foster regional economic integration, and enhance China’s economic influence across

the continent. In infrastructure development, China has spearheaded the construction of six major economic corridors across different subregions, encompassing roads, railways, and ports, thereby strengthening linkages between the Asia-Pacific and European economic zones. In trade and investment, China has facilitated free trade negotiations to reduce tariff barriers, established financial institutions such as the Silk Road Fund to finance regional infrastructure projects, and promoted the use of the Chinese renminbi (RMB) for settlements in Central Asia, Russia, and Eastern Europe to enhance its financial influence. In energy cooperation, China has built oil and gas pipelines with Russia and Central Asian countries to secure stable energy supplies. In cultural exchanges, China has established Confucius Institutes to promote cultural ties, launched the Silk Road Scholarship program to attract students from BRI countries to study in China, and expanded educational cooperation.

Within the framework of the BRI, China has also engaged with various regional small multilateral platforms to enhance cooperation with Eurasian countries and ensure the effective implementation of its policies. In Central Asia, China has strengthened regional security and economic collaboration through the Shanghai Cooperation Organization (SCO), including the establishment of regional counterterrorism centers and the organization of joint military exercises to combat terrorism, separatism, and extremism. These efforts contribute to securing China's periphery while facilitating regional economic growth. In Eastern Europe, China has promoted economic engagement through the China-Central and Eastern European Countries (14+1) Initiative, focusing on infrastructure projects such as the Hungary-Serbia Railway, trade and investment partnerships, and financial support mechanisms. This strategy allows China to deepen economic ties with Eastern European states while bypassing broader EU regulatory constraints.

Policy Objectives

China's policy objectives in Eurasia revolve around three key dimensions: promoting economic development, ensuring border security and regional stability, and shaping a new global governance framework.

The primary objective of China's Eurasian policy is to stimulate domestic economic growth and secure long-term development momentum. Eurasia represents one of the most critical economic zones globally, with abundant resources and serving as a vital corridor linking China with European markets. To leverage these advantages, China has implemented a series of measures, including strengthening infrastructure connectivity, expanding access to foreign markets, securing stable energy supplies, advancing the internationalization of the RMB, and consolidating its role in global supply chains. Through expanded trade, energy partnerships, and financial integration, China envisions Eurasia as a significant market for Chinese exports, a stable source of energy imports, and a key destination for outbound investment, thereby reinforcing its economic growth trajectory.

Another crucial policy objective is maintaining border security and protecting Chinese investments abroad. China's security cooperation under the SCO framework, bilateral border security agreements with neighboring states, and diplomatic engagements with investment-recipient countries all serve to mitigate risks associated with terrorism, separatism, and extremism, particularly along China's western borders. Additionally, China has implemented security measures to ensure the successful execution of BRI projects, including strengthening security arrangements for overseas Chinese enterprises and enhancing consular protection mechanisms for Chinese nationals working on infrastructure and investment projects. These measures ultimately contribute to economic stability, as security threats – whether in the form of terrorist attacks or regional conflicts – could disrupt China's economic initiatives in Eurasia.

Beyond economic cooperation and security, China's long-term strategic goal in Eurasia is to contribute to a multipolar global governance system that reduces Western dominance in international affairs. By promoting the BRI, strengthening South-South cooperation, and advancing RMB-denominated trade settlements, China aims to create alternative economic linkages within Eurasia, reshape global governance structures, and bolster its international discourse power. These efforts are

intended to foster a more balanced and diversified international order while enhancing China's global influence.

The Dual Drivers of Economy and Security in China-Russia Engagement with Eurasia

When analyzing China's and Russia's strategic positioning in Eurasia, it is essential to examine the distinct motivations behind their respective policies, as these drive regional cooperation and exert profound influence on the geopolitical and economic landscape.

Russia's Security-Driven Perspective

Russia's Eurasian policy can be characterized as a security-driven regional integration strategy, which follows a hybrid model of security primacy with economic supplementation. Russia's strategic priority is national security, ensuring regional strategic control and preventing external forces – primarily the West – from interfering in Eurasian geopolitics.

Under this objective, the core of Russia's policy is to enhance regional connectivity through the Greater Eurasian Partnership (GEP). In terms of hard connectivity, military and defense cooperation is a crucial component, with Russia relying on the Collective Security Treaty Organization (CSTO) to maintain its military influence in the post-Soviet space. This ensures border security against threats such as extremism and terrorism while countering NATO and other external interventions. It also prevents the infiltration of "color revolutions" in the region. Regarding economic and infrastructure cooperation, Russia leverages the Eurasian Economic Union (EAEU) to sustain its economic influence over Central Asia and CIS countries, reducing their dependency on external markets. Additionally, through energy pipelines, Russia strengthens its position in the Eurasian energy export network. Infrastructure projects, such as the Northern Sea Route (NSR), further support Russia's strategic development by securing its logistics capabilities across Eurasia.

In the realm of soft connectivity, Russia fosters cultural and social integration by reinforcing Russian-language identity, promoting labor mobility, and deepening socio-cultural ties with post-Soviet states. This also serves as a mechanism to counteract the infiltration of Western cultural and ideological influences.

Russia's economic cooperation and infrastructure projects are not purely market-driven; rather, they serve its national security objectives by ensuring sustained strategic influence in Eurasia.

China's Economy-Driven Perspective

China's Eurasian policy can be described as an economy-driven global connectivity strategy, following a hybrid model of economic primacy with security supplementation. Unlike Russia's security-driven regional integration strategy, China prioritizes domestic economic growth, expanding its influence in global supply chains, and, on this basis, maintaining regional security while shaping global governance structures.

Under this objective, the core of China's policy is to promote regional connectivity through the Belt and Road Initiative (BRI). In terms of hard connectivity, China focuses on infrastructure development, trade and investment, and energy cooperation to ensure the smooth functioning of global supply chains while enhancing its competitiveness in the international economic system. In terms of soft connectivity, China advances financial cooperation, cultural exchanges, and digital economy initiatives. By promoting RMB internationalization and strengthening cross-cultural collaborations, China aims to expand its global influence and establish an alternative economic system independent of the West.

China's economic cooperation and infrastructure development are not solely driven by market logic; they are integral to its national development strategy. By enhancing connectivity, China stimulates economic growth while increasing its voice in global governance. Compared to Russia's security-driven approach, China's Eurasian policy prioritizes economic cooperation, with security considerations acting as a stabilizing factor and global governance as a long-term goal.

Amid growing competition with other major powers, China and Russia continue to strengthen communication and collaboration. The dual drivers of security and economy provide stability for Eurasian development. During the China-Russia summit in Kazan in October 2024, President Xi Jinping emphasized that both sides would continue deepening their comprehensive strategic partnership and expanding practical cooperation in various fields. He reaffirmed the commitment to aligning the Belt and Road Initiative with the Eurasian Economic Union to drive high-quality economic growth in both countries [10]. The steady development of China-Russia relations has also become a stabilizing factor in the international landscape.

On January 21, 2025, President Xi Jinping and President Vladimir Putin held a virtual summit. President Xi stressed that the stability and resilience of China-Russia relations serve as a counterbalance to uncertainties in the external environment, facilitating mutual development and revitalization while upholding international fairness and justice. He reaffirmed the need for both sides to deepen strategic coordination, support each other firmly, and safeguard their legitimate interests. President Putin responded by emphasizing that China and Russia have always maintained mutual trust, reciprocal support, and equal cooperation, free from external political influences [9].

Against this backdrop, China-Russia cooperation in Eurasia has continued to deepen, yielding significant achievements across multiple fields. Moreover, both countries have closely coordinated within multilateral frameworks such as the United Nations and BRICS, advocating for reforms in global governance and securing greater development opportunities for the Global South.

Overall, the deepening of China-Russia cooperation not only strengthens economic integration and security stability in Eurasia but also accelerates the global trend toward multipolarity. This transformation contributes to a more autonomous and balanced development trajectory for the region.

Conclusion

While China and Russia share overlapping goals and actions in Eurasia, numerous opportunities for cooperation also exist. To promote the stability and prosperity of Eurasia, both countries must enhance communication and coordination. On the one hand, they should seek greater alignment in areas of mutual interest while respecting each other's core interests and policy objectives. Deeper collaboration in infrastructure development and energy sectors, for instance, could yield mutual benefits and create win-win outcomes. On the other hand, China and Russia should work together to build a more inclusive and diversified regional cooperation framework by aligning mechanisms such as the Belt and Road Initiative (BRI) and the Eurasian Economic Union (EAEU). Additionally, they should leverage multilateral platforms such as the Shanghai Cooperation Organization (SCO) to foster political trust, enhance security cooperation, and jointly address regional and global challenges.

Looking ahead, as the global landscape continues to evolve, China and Russia have vast potential for further cooperation in Eurasia. Deepening their collaboration will not only strengthen their influence in regional and global affairs but also inject new momentum into the peace, stability, and development of Eurasia. Ultimately, this cooperation will contribute to the construction of a more just and equitable international order.

References

1. *Alexander Lukin, Vladimir Yakunin. Eurasian integration and the development of Asiatic Russia // Journal of Eurasian Studies. – 2018. – Vol. 9. – P. 100–113.*
2. Belt and Road Portal: Deguo qian fuyizhang: “yidai yilu” shi ouya dalu lianxi gengwei jinmi [Former Vice President of the Bundestag: “Belt and Road Initiative” Strengthens Eurasian Connectivity”. – URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/060EE7RU.html> (accessed: 31.01.2025).
3. Belt and Road Portal: Eluosi: ouya jingji lianmeng [Russia: Eurasian Economic Union]. – URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/1062.html> (accessed: 31.01.2025).

4. *Chen Yu*. Eluosi dui yiqing xia guoji geju yanbian de zhanlue sikao – Jiyu zhanlue jie, xuejie de fenxi panduan yu zhengce jianyi [Russia's Strategic Thinking on the Evolution of the International Landscape under the COVID-19 Epidemic – Analytical Judgment and Policy Recommendations Based on the Strategic and Academic Communities] // *Heping yu fazhan* [Peace and Development]. – 2020. – P. 53–72.
5. *Chen Zhiye*. Shijie lishi yanjiusuo Chen Zhiye: Zhongshi he jiaqiang eguoshi yanjiu [Chen Zhiye from The Institute of World History Chinese Academy of Social Sciences: Emphasizing and strengthening the study of Russian history]. – URL: http://www.cass.cn/xueshuchengguo/xscg_lsyjy/201309/t20130924_424108.shtml (accessed: 31.01.2025).
6. China Daily. Waijiaobu ouyasi zhineng jieshao [Introduction to the functions of the Department of European-Central Asian Affairs of the Ministry of Foreign Affairs]. – URL: https://www.chinadaily.com.cn/hqgj/wjdjt2/2012-01/06/content_14424083.htm (accessed: 31.01.2025).
7. *Evgeny Pavlov*. “Da ouya” mengxiang jiqi shixian zhilu [The Dream of “Greater Eurasia” and the Path to its Realization]. – URL: <https://sputniknews.cn/20241029/1062343727.html> (accessed: 31.01.2025).
8. *Luo Yifu, Xu Xiujun*. Hou Lengzhan Shidai Ouya Dalu Kongjian: Liyi Chongzu yu Zhili Tiaozhan [The Post-Cold War Eurasian Space: Interest Restructuring and Governance Challenges] // *Quyu yu quanqiu fazhan* [Regional and Global Development]. – 2022. – P. 85–106.
9. Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. President Xi Jinping Has Virtual Meeting with Russian President Vladimir Putin. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202501/t20250121_11542093.html (accessed: 31.01.2025).
10. Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. Xi Jinping Holds Meeting with Russian President Vladimir Putin. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/xw/zyxw/202410/t20241025_11516002.html (accessed: 31.01.2025).
11. *Ning Liufu*. “Yidai yilu” weiyi Zhong-Ou zhitong zoulang: lianjie fanrong, gongying tiaozhan [The Only Direct Corridor between China and Europe in the Belt and Road Initiative: Connecting Prosperity, Meeting Challenges Together]. – URL: <https://cn.chinadaily.com.cn/a/202401/25/WS65b1f4f9a310af3247ffd4af.html> (accessed: 31.01.2025).
12. *Sergey Lavrov*. Eluosi yu Zhongguo: jiujiing kaoyan de huoban guanxi yu youyi [Russia and China: a Time-tested Partnership and Friendship]. – URL: <https://beijing.mid.ru/zh/news/27462389654892740/> (accessed: 31.01.2025).

13. Sputnik: E waizhang: ouya dalu he yintai diqu de anquan wenti yingyou gaidiqu geguo erfei beiyue lai jue ding [Russian Foreign Minister: Security in Eurasia and Indo-Pacific should be decided by countries in the region, not NATO]. – URL: <https://sputniknews.cn/20250114/1063625785.html> (accessed: 31.01.2025).
14. *Wang Zhi, Niu Jialu*. Eluosi diqu yitihua zhengce de yanjin: tezheng, xiaoguo, yu qianjing [The Evolution of Russian Regional Integration Policy: Characteristics, Effects and Prospects] // *Xinjiang Shehui kexue* [Xinjiang Social Science]. – 2023. – P. 107–115.
15. Xinhua Net. “Yidai yilu” wei yaou hezuo dailai xin qiji [“Belt and Road Initiative” Brings New Opportunities for Asia-Europe Cooperation]. – URL: http://www.xinhuanet.com/world/2017-09/20/c_129708920.htm (accessed: 31.01.2025).
16. *Zhang Jian, Yang Ruiyi*. “Yidai yimeng” duijie shiyuxia ouya jingji lianmeng guojia dui “yidai yilu” zhongda changyi renzhi Pingxi [An Analysis of Eurasian Economic Union Countries’ Perceptions of the Belt and Road Initiative Under the Framework of ‘Belt and Road’ and ‘EAEU’ Integration] // *Xibei daxue xuebao (zhexue shehui kexue ban)* [Journal of Northwestern University (Philosophy and Social Science Edition)]. – 2025. – P. 17–32.

Егоров В.Н.,

кандидат исторических наук,
заместитель директора Института актуальных международных проблем,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Vyacheslav N. Egorov,

Ph.D. in History,
Deputy Director of the Institute of Actual International Problems,
Diplomatic Academy of the MFA of Russia, Moscow.
E-mail: slava.vne@mail.ru

РЕГИОНАЛЬНЫЕ И ГЛОБАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ БЕЗОПАСНОСТИ

CONFRONTATION AND COOPERATION: GLOBAL AND REGIONAL DIMENSIONS

Несмотря на переживаемую международным сообществом глобальную турбулентность и экзистенциальную неопределенность, несущую в себе в том числе риски возникновения нового мирового военного конфликта [5], в последнее время в национальных истеблишментах всё более отчетливо можно услышать мнения в пользу восстановления международного обсуждения темы возвращения к системному решению проблем безопасности. Это само по себе создавало бы гарантии от неконтролируемой военной конфронтации, особенно если в рамках такого обсуждения наметятся контуры обустройства, применительно к нынешним условиям, новой или актуализированной структуры безопасности как в глобальных рамках, так и в форматах отдельно взятых регионов, прежде всего тех, которые характеризуются высокой интенсивностью конфликтно-кризисных ситуаций. Ощущение такое, что в руководящих элитах, в том числе тех, которые высказывают диаметрально противоположные российским взгляды на причины и пути выхода из нынешней напряженности и отвергают любые российские идеи на этот счет, постепенно начинает улавливаться настрой на то, чтобы отказаться от абсурдной идеи о

возможности изолировать Россию, давно являющуюся де-факто одним из главных гарантов международной безопасности, от международного сообщества, признать неизбежность опоры на совместные с Россией общепризнанные концептуальные постулаты и набор совместных структур и мониторинговых мер, которые не позволяли бы как минимум пройти ту «точку невозврата», после которой международная ситуация «пойдет вразнос» по пути ничем не сдерживаемой гонки вооружений и военной конфронтации.

Нельзя, конечно, не приветствовать эти пробивающиеся мировоззренческие движения вокруг темы глобальной и региональной безопасности, которые стабилизировали бы нынешнюю международную ситуацию и создали бы необходимый каркас для дальнейшего мирного развития межгосударственных отношений и сотрудничества в различных сферах. Важно, однако, отметить, что эти размышления, с какой бы стороны они не анонсировались, пока не оформились в целостную картину взглядов, которая могла бы более или менее претендовать на презентацию альтернативы последней – Ялтинско-Потсдамской – из известных систем международного обустройства, 80-летие со дня становления которой мы недавно отмечали. Правда, новая администрация США во главе с президентом Д. Трампом довольно близко подошла к формулированию для себя этой задачи – представить *Urbi et Orbi* некие наброски такой всеохватывающей схемы мироустройства, оттолкнувшись от возможной схемы урегулирования военного конфликта на Украине.

И в этом плане принципы Ялтинско-Потсдамской системы, прежде всего ее военно-стратегические и военно-политические аспекты, оформившие международную структуру безопасности после Второй мировой войны, сохраняют свое значение в качестве исходной модели-маяка и на последующую перспективу. В том смысле, что с этими принципами, поддерживавшими международную стабильность на протяжении десятилетий, неизбежно придется сопоставлять и рихтовать любые современные попытки сформировать новые

конструкции безопасности. Даже при том понимании, что за последние десятилетия эта модель уже претерпела трансформацию в силу различного рода международных процессов и событий, включая распад Советского Союза, вооруженный конфликт на Украине, формирование нового варианта многополярного мира, а также вследствие целенаправленной политики некоторых держав по ее дискредитации. Свою роль в этом контексте сыграла, к примеру, Франция, которая еще в 70–80-х годах прошлого века проводила на международных площадках и в двустороннем порядке активную диффамационную кампанию против «системы Ялты». Соблазн «подвести черту» под периодом «системы Ялты-Потсдама» испытывали и в американском истеблишменте, провозглашая, к примеру, что в 90-е годы произошел переход от Ялтинско-Потсдамской системы миропорядка к новому историческому этапу «постхолодной войны» [2], или трактуя военную конфронтацию на Украине как начало еще одного нового исторического этапа – «глобального соперничества великих держав» [6].

Действительно, как бы подытоживая этот мини-обзор рассуждений вокруг «Ялты-Потсдама», нельзя не признать, что за последние десятилетия модель Ялтинско-Потсдамской системы оказалась серьезно деформированной. «Поплыли» прежние военно-стратегические балансы сил, ранее удерживавшие геостратегическую стабильность в Европе и в целом в Евро-Атлантическом регионе. Обозначились односторонние военно-стратегические преимущества на некоторых полюсах системы безопасности, скажем, в пользу НАТО вследствие расширения этого блока. Рухнула система российско-американских и многосторонних договоров по контролю за вооружениями, «похоронив» международно-правовые гарантии от гонки вооружений и усиления рисков военной конфронтации. Универсальная многосторонняя структура, Совет Безопасности ООН, который, в соответствии с мироустройством Ялта-Потсдам, также был призван гарантировать глобальную безопасность, во многом парализован. В Европу, где зародились две мировые войны, постепенно

вернулась военная конфронтация. Военные конфликты активизировались и в других регионах мира.

Вместе с тем Ялтинско-Потсдамская модель безопасности хотя и подверглась сильной эрозии, полностью, однако, не снята с повестки дня как безнадежно канувшая в Лету. Во многом по той причине, что именно в рамках этой модели, благодаря ее принципам, была реализована уникальная глобальная предохранительная конструкция – сформировалось примерное равенство стратегических ракетно-ядерных потенциалов противостоящих друг другу «сверхдержав» – США и России [4; 1; 7]. Ее уникальность в том, что она нигде не признана де-юре, но признана де-факто. И эта паритетная конструкция продолжает работать и сегодня, несмотря на то, что, повторимся, некоторые другие балансы соотношения сил по линии США – Россия, Запад – Восток, НАТО – ОВД/ОДКБ оказались деформированными. Это примерное равенство опирается на набор взаимных технических и мониторинговых по сути своей мер, позволяющих переподтверждать наличие паритета, дискретно сигнализировать другой стороне о возникающих на сей счет озабоченностях. Эти геостратегические весы удерживают обе сверхдержавы от задействования самого мощного оружия из имеющегося у них арсенала, которое откладывается на самый крайний случай – создания угрозы для их собственного существования, которая может быть пока создана только противоположной стороной. Последствия же давно просчитаны и доказаны – гарантированное взаимное и планетарное уничтожение. И понятна роль этой конструкции как де-факто действующего стержня глобальной стабильности, даже в условиях эрозии других элементов безопасности прежней системы. И понятна опасность нарушения такого паритета, не по отдельным аспектам состояния ракетно-ядерного арсенала, а с точки зрения получения радикального превосходства одной из сторон в этой категории оружия сдерживания. В целом данный фактор одновременно поддерживает «на плаву» актуальность некоторых фундаментальных принципов миропорядка, которые были положены в основу

Ялтинско-Потсдамской модели, включая наличие универсальной – ООН – и региональных структур безопасности. По сути своей американско-российская конструкция безопасности взяла на себя функцию глобальной конструкции сдерживания, действующей в интересах всего международного сообщества [3]. И это особенно заметно в последние кризисные для международного сообщества годы.

Нарождающаяся в мире новая многополярность, прежде всего в ее военно-стратегическом аспекте, вряд ли способна ослабить или видоизменить в обозримой перспективе эту уникальную американско-российскую конструкцию просто потому, что накопленные США и Россией объемы ракетно-ядерных вооружений, а также их качественные характеристики исключают возможность для других центров силы, как бы интенсивно они не прогрессировали экономически и военно-технически, быстро нарастить свои собственные и претендовать на аналогичную для США и России роль в мире. С другой стороны, очевидно, что становление военно-стратегической многополярности повлечет за собой актуализацию темы региональных систем безопасности. Не в плане их подчинения американско-российскому ракетно-ядерному «диктату», который к тому же вряд ли может сложиться чисто объективно, или создания некоей соподчиненной «этажности» между глобальным и региональным «уровнями», а в плане консолидации новых центров силы с другими регионально близкими странами, заинтересованными в системном решении вопросов безопасности, сфокусированном на соответствующем регионе. Более того, национальные интересы новых центров силы могут охватывать, по мере продолжающейся глобализации современного мира, не только сугубо региональные или субрегиональные горизонты видения системы безопасности, но и поощрять продвижение их позиций в глобальном контексте имеющихся проблем. В целом здесь можно предвидеть усиление общего тренда на взаимозависимость и взаимосвязь глобальных, региональных и национальных уровней и систем международной безопасности.

Всё это предполагает, что восстановление взаимосвязанной международной системы безопасности, которая исходила бы из перспективы утверждения мировой многополярности, пойдет по пути возврата фокусировки внимания на понятиях равной и неделимой безопасности [3]. Это изначально приемлемый принцип для двусторонних военно-стратегических балансов в отношениях обеих сверхдержав. И это понятная и во многом уже принятая основа для многосторонних системных конструкций безопасности. Констатация того, что интересы безопасности членов международного сообщества не могут обеспечиваться в ущерб интересам безопасности других стран, правомерность которой подтверждена тяжелым опытом международного развития последних десятилетий, могла бы стать одной из движущих идей, закладываемых в основу концепции новой системной международной конструкции.

Пока же, в сегодняшней ситуации, когда глобальные коллективные структуры Ялтинско-Потсдамской модели деформированы и не имеют ясной перспективы выживания и нового использования, российско-американская *sui generis* конструкция поддержания ракетно-ядерного сдерживания тесно соотносится с учетом военно-стратегической обстановки и становления многополярной системы безопасности в различных регионах. Она обеспечивает тщательную фильтрацию обстановки в регионах каждой из сверхдержав с учетом их высших национальных интересов. И эти интересы всё более предметно сопоставляются с региональными аспектами безопасности, в том числе кризисными и конфликтными ситуациями. Это прекрасно видно сейчас на тех проекциях, которые имеют для американо-российского баланса сил конфликты вокруг Украины, на Ближнем Востоке, рост напряженности вокруг Тайваня, Корейского полуострова или Ирана. И многое зависит от того, будет ли превалировать на уровне отношений США – Россия конфронтационная философия, которая может подтолкнуть пренебрежением опасениями нарушить взаимное сдерживание, связанное с использованием ракетно-ядерных

потенциалов. И в этом плане нельзя не выразить обеспокоенности в связи с концептуальным видением дальнейших международных отношений как «соперничества великих держав», декларированного бывшим госсекретарем США Э. Блинкиным, соперничества, которое неизбежно оформится в борьбу за мировое доминирование.

Другой аспект этой темы связан с тем, что приоритетное стратегическое внимание США и России применительно к ситуации в отдельных регионах является исторически и политически флюидной категорией и может видоизменяться с течением времени. Что мы сейчас и наблюдаем на примере кризиса европоцентричной модели международной безопасности. Европа, которая в Ялтинско-Потсдамской системе занимала центральное место, расстановка сил в которой воспринималась как играющая основную роль с точки зрения приоритетных интересов безопасности США и СССР/России, заметно утратила это значение, прежде всего в понимании США, центр тяжести стратегических интересов которых явно смещается из Европы в сторону Индо-Тихоокеанского региона. Последствия ослабления проекции жизненно важных интересов США на Европу очевидны – появились сомнения в автоматической готовности США использовать свой ракетно-ядерный потенциал для защиты интересов союзников в Европе в случае военного столкновения с СССР/Россией. Американские «ядерные гарантии» Европе, которые казались все послевоенные десятилетия незыблемыми и само собой разумеющимися, девальвируются, вызывая шок и панику в западной структуре организации европейской безопасности, основанной на НАТО. Если посмотреть на тему европейской значимости с российского «полюса», то надо признать, что для России вопрос Европы более болезненный, чем для США, просто в силу геостратегической принадлежности России к европейскому географическому пространству. Поэтому России сложнее отвязать свои приоритетные интересы безопасности от Европы и перестать ею заниматься, как бы не снижалось ее абсолютное значение в современном мире и как бы не возрастала

стратегическая притягательность других регионов для России. У России, к сожалению, в этом плане меньший маневр, нежели у США.

Американцы, судя по всему, уже продвинувшись в своей переоценке значения Европы, времени не теряют и принимают практические меры по обеспечению национальных интересов безопасности в регионах Глобального Юга, развернув здесь стратегическое планирование и практическое созидание новых военных блоковых структур, подтягивая к ним НАТО, AUKUS и до некоторой степени QUAD – их можно рассматривать как уже состоявшиеся вехи на этом пути. В свою очередь Россия, вслед за США, также активизируется на данном направлении в Азии, пытаясь успеть за американцами и сопрячь различные региональные векторы своих усилий. Пример тому – амбициозный проект системы безопасности Евразии и евразийской Хартии безопасности, идею которого озвучил сравнительно недавно Президент РФ В.В. Путин. Ощущается также стремление США и России двигаться по тому же пути в Африке, заполняя в том числе «ниши безопасности», оставляемые прежними европейскими метрополиями, прежде всего Англией и Францией. Последние всё более явно выдавливаются африканцами из региона.

В связи с этим процесс становления многополярной безопасности создает некую надежду стабилизирующего влияния на глобальный уровень безопасности со стороны Глобального Юга, особенно в случае появления здесь эффективных систем безопасности регионального уровня, поддерживающих перспективу глобальной стабильности. Прежде всего в случае наличия в регионах Глобального Юга потенциальных или уже проявившихся конфликтных и кризисных ситуаций, имеющих тенденцию к дальнейшему расширению. В этой связи созидание такого рода региональных механизмов представляется не только как политически обусловленная необходимость, но и как объективного характера международный процесс.

По какому пути пойдет обустройство региональных систем безопасности – к этому сводится сейчас основной вопрос для стран Глобального Юга. Формирующаяся международная многополярность создает для них мощный стимул для консолидации вокруг принципа неделимой, равной безопасности государств – участников таких систем. И эта перспектива явно не соответствует вариантам создания здесь военно-блоковых структур с участием сил, не относящихся к данному региону, замыкающихся на продвижении и поддержке интересов безопасности, несвойственных данному региональному формату. Это касается в том числе как варианта распространения формата НАТО на пространства Глобального Юга, так и реанимации здесь прокси военных блоковых структур. В то же время условиям многополярности могла бы в большей степени отвечать российская концепция панъевразийской системы безопасности, которая ожидает, однако, своей дальнейшей детализации.

Вне всякого сомнения, в случае цементирования принципа неделимой, равной безопасности на пространстве Глобального Юга была бы создана ее реальная проекция на глобальный механизм безопасности в лице Совета Безопасности ООН. Вполне возможно было бы ожидать некоторой стабилизации деятельности этой универсальной управляющей структуры, которая во многом зависит от состояния региональной безопасности, представленной постоянными и непостоянными членами Совета.

В целом международная безопасность переживает в настоящее время переломный период, предопределяемый разнонаправленностью национальных интересов формирующихся в мире новых центров развития и влияния. В этой ситуации содержание комбинации глобального и региональных аспектов безопасности, того, как эта комбинация будет складываться в перспективе, остается неопределенным. И пока всё это будет складываться, развиваться, формироваться и утрясаться на дипломатических площадках, американо-российский стержневой фактор глобальной безопасности призван

гарантировать планетарную стабильность и выживаемость. В этом его поистине историческое значение.

Литература

1. Военная доктрина Российской Федерации. – URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/461>, (дата обращения: 07.01.2025).
2. *Киссинджер Г.* Дипломатия. html. Internet Archive. (дата обращения: 07.01.2025).
3. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 07.01.2025).
4. Обзор ядерной политики США. Февраль 2018 г. – URL: [EXhttps://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872876/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY-TRANSLATION-RUSSIAN.PDF](https://media.defense.gov/2018/Feb/02/2001872876/-1/-1/1/EXECUTIVE-SUMMARY-TRANSLATION-RUSSIAN.PDF) (дата обращения: 07.01.2025).
5. Путин ответил на вопрос, идет ли сейчас мировая война / Газета.Ru. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2024/12/22/24685508.shtml?ysclid=m71u0fl1yd105088418> (дата обращения: 07.01.2025).
6. Secretary Antony J. Blinken Remarks to the Johns Hopkins School of Advanced International Studies (SAIS). – URL: <https://et.usembassy.gov/secretary-antony-j-blinken-remarks-to-the-johns-hopkins-school-of-advanced-international-studies-sais> (дата обращения: 07.01.2025).
7. The 2022 National Defense Strategy. – URL: <https://media.defense.gov/2022/Oct/27/2003103845/-1/-1/1/2022-NATIONAL-DEFENSE-STRATEGY-NPR-MDR.PDF> (дата обращения: 07.01.2025);

Миронов С.И.,

кандидат военных наук, доцент,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Sergey I. Mironov,

Ph.D (Military Sciences), Associate Professor,
Diplomatic Academy of the Russian Ministry of Foreign Affairs
E-mail: sergmirn1959@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ НЕЯДЕРНОГО СДЕРЖИВАНИЯ В ПРОТИВОБОРСТВЕ РФ С КОЛЛЕКТИВНЫМ ЗАПАДОМ

CURRENT ASPECTS OF NON-NUCLEAR DETERRENCE IN RUSSIA'S CONFRONTATION WITH THE COLLECTIVE WEST

В условиях небывалого обострения отношений России с коллективным Западом всё чаще звучит вопрос о возможности применения в конфликте на территории Украины ядерного оружия. Военно-политические круги государств Западной Европы и США всеми силами стремятся подтолкнуть Россию к применению ядерного оружия, чтобы в ответ нанести обезоруживающий ядерный удар по нашей территории и причинить тем самым неприемлемый ущерб нашему государству. При этом Западом игнорируется сам факт апокалипсических последствий после начала применения ядерного оружия, поскольку использование даже тактического ядерного оружия может очень быстро перерасти в массированное применение тяжелых стратегических вооружений, способных уничтожить всё живое на Земле.

В отличие от западных политиков наше военно-политическое руководство достаточно четко понимает катастрофические последствия начала применения ядерного оружия. Тем не менее и в Военной доктрине РФ, и в Основах государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания от 19.11.2024 г. говорится о ядерном сдерживании, где в соответствии с ст. 13, гл. II указано, что «ядерное сдерживание обеспечивается наличием в составе Вооруженных Сил РФ боеготовых сил и средств,

способных путем применения ядерного оружия гарантированно нанести неприемлемый ущерб потенциальному противнику в любых условиях обстановки, а также готовностью и решимостью Российской Федерации применить такое оружие» [9].

Однако наряду с ядерным сдерживанием в Военной доктрине РФ 2014 г. впервые было введено понятие «неядерного сдерживания». При этом в гл. I, ст. 8 п. н) указано, что «система неядерного сдерживания – комплекс внешнеполитических, военных и военно-технических мер, направленных на предотвращение агрессии против Российской Федерации неядерными средствами» [1]. Такое определение практически не дает понимания этого достаточно сложного комплекса мер. Постараемся раскрыть суть данного комплекса и проанализировать, как он может обеспечить противоборство с коллективным Западом.

Чтобы понять роль и место системы неядерного сдерживания обратимся к определению общего понятия стратегического сдерживания. По мнению ряда экспертов, в основе стратегического сдерживания лежит комплекс мер военного (силового) и невоенного характера, связанный с действиями по устрашению, убеждению, ограничению и принуждению потенциального агрессора. Видоизменяясь и дополняя друг друга, данные меры образуют эффективный базис сдерживающих действий, проводимых военно-политическим руководством государства в рамках единой системы, позволяющей выбирать и эффективно реализовывать тот или иной вариант сдерживания в зависимости от складывающейся обстановки и поставленных целей в мирное время, в период непосредственной угрозы агрессии, а также в условиях начавшегося военного конфликта до этапа массированного применения ядерного оружия.

Содержание стратегического сдерживания составляет комплекс мероприятий в политической, экономической, военной, информационной и других сферах, реализуемых государством в одностороннем порядке или на

коалиционной основе и направленных на внушение противоборствующей стороне мысли о невозможности достижения ее военно-политических целей насильственными методами из-за неприемлемых последствий в результате ответных действий.

Основная цель стратегического сдерживания – недопущение силового давления и предотвращение агрессии путем убеждения потенциального противника в бесперспективности развязывания военных действий вследствие угрозы получения неприемлемого ущерба в результате ответного применения комплекса военных и невоенных мер [4].

Таким образом, можно заключить, что стратегическое сдерживание включает комплекс военных мер в виде ядерного и неядерного сдерживания, а также комплекс мер политического, экономического, информационного и другого характера. Остановимся более подробно на рассмотрении мер неядерного сдерживания в противоборстве с коллективным Западом.

Начнем с того, что неядерное сдерживание, как и ядерное, может быть стратегическим или нестратегическим. Стратегическое неядерное сдерживание осуществляется нанесением ударов стратегической авиацией с бомбами в обычном снаряжении, неядерными крылатыми ракетами морского и берегового базирования. В настоящее время в ходе СВО российская авиация продемонстрировала применение авиабомб с управляемым модулем планирования и коррекции (УМПК), позволяющим переделать свободнопадающие авиабомбы в планирующие управляемые боеприпасы. При этом уже были использованы фугасные авиационные бомбы (ФАБ) с мощностью от 500 до 3 000 кг. Есть планы по применению ФАБ с УМПК мощностью 5 000 и 9 000 кг. Использование авиабомб с такой мощностью сравнимо с применением ядерных авиабомб небольшой мощности.

Кроме того, с появлением в составе РВСН комплекса «Орешник», испытательное применение которого было продемонстрировано при нанесении удара по производственному объединению «Южмаш» в г. Днепре на Украине

21 ноября 2024 года, можно говорить, что в эту категорию попадают и баллистические ракеты среднего радиуса действия с дальностью до 5 500 км.

Военный эксперт Владимир Орлов, взяв во внимание характеристики ракеты «Орешник», рассчитал, что энергия удара суббоеприпаса боевого блока нового оружия даже без тротиловой начинки составляет 198.201196 МДж, что сравнимо с показателями фугасной авиабомбы ФАБ-250. По его словам, этого более чем достаточно, чтобы разрушить не только бетонные, но и стальные конструкции [3].

Также необходимо сказать о еще одной возможности использования российских стратегических комплексов в виде комплекса «Авангард» для стратегического неядерного сдерживания. Гиперзвуковой блок «Авангард» способен достигать невиданной ранее скорости, в 28 раз превышающей скорость звука, что соответствует 9,5 км/с (при этом 1 космическая скорость для выведения космических аппаратов на околоземную орбиту составляет всего 7,8 км/с) [10]. Двигаясь на такой скорости, блок «Авангард» и без ядерного или конвенционального боезаряда способен уничтожить любую, даже высокозащищенную цель, нанеся гораздо более существенное поражение, чем то, которое продемонстрировал «Орешник». А если «Авангард» снабдить обычным боезарядом, то поражение объектов противника будет сравнимо с взрывом маломощного и даже средней мощности ядерного боеприпаса.

Также к стратегическому неядерному сдерживанию относят системы стратегической обороны: СПРН, СККП, обеспечивающие раннее предупреждение о ракетном и космическом нападении, а также комплексы ПРО и ПВО, обеспечивающие защиту стратегически важных объектов на территории России от ракетного и воздушного нападения.

Нестратегическое неядерное сдерживание проводится тактической авиацией с бомбами в обычном снаряжении, силами и средствами наземного, морского и берегового базирования, ракетно-артиллерийскими

формированиями, которые должны выполнять боевые задачи на глубину 800–2000 км, а также дивизионной и бригадной артиллерией [6].

Данная подсистема включает довольно большое разнообразие ударных и других средств, обеспечивающих как поражение, так и подавление объектов противника.

К наиболее известным и часто применяемым боевым средствам в этой подсистеме можно отнести:

- отечественные ракетные комплексы «Искандер» с дальностью поражения до 500 км;

- крылатую гиперзвуковую ракету воздушного базирования «Кинжал» с дальностью порядка 2000–3000 км, крылатые ракеты воздушного базирования большой дальности Х-555 (дальность 2500 км), Х-101, Х-102 (дальность до 5500 км);

- крылатую ракету наземного и морского базирования «Калибр» с дальностью от 300 до 2600 км, а также гиперзвуковую крылатую ракету «Циркон» с дальностью до 1000 км.

Помимо чисто ударных средств поражения противника в систему неядерного сдерживания также необходимо включать следующие подсистемы:

- Информационные, навигационные и связные космические комплексы отечественной орбитальной группировки, обеспечивающие необходимой разведывательной, навигационной и связной информацией как Генеральный штаб ВС РФ, так и командные пункты войск стратегического и оперативно-тактического уровней.

- Силы и средства информационного сдерживания, которые используют средства и методы информационного противоборства (кибероружие). В этой связи стоит отметить, что в России были созданы и функционируют войска информационных операций. 14 января 2014 года Министр обороны РФ С.К. Шойгу подписал приказ о создании в составе Генерального штаба ВС России кибернетического командования, основная задача которого заключается

в защите от несанкционированного вмешательства в электронные системы управления России [2]. Основными задачами кибервойск являются централизованное проведение операций кибервойны, управление и защита военных компьютерных сетей России, защита российских военных систем управления и связи от кибертерроризма и несанкционированного доступа к ним. В ВС РФ также созданы и функционируют подразделения психологических операций (ППсО) – это подразделения, оказывающие психологическое воздействие на войска противника и население с целью их деморализации и склонению к прекращению сопротивления.

— Средства радиоэлектронной борьбы, включающие как средства радиоэлектронного подавления, так и средства радиоэлектронного поражения. Особенностью данных систем является довольно большая номенклатура этих средств от стратегического до тактического уровня. Кроме того, эти средства могут как существенно затруднить применение противником различных радиоэлектронных систем связи, наблюдения и прицеливания, так и полностью исключить использование этих средств при ведении боевых действий. При этом средства радиоэлектронного поражения способны физически разрушать радиоэлектронные устройства противника, не причиняя вреда человеческому организму.

— Комплексы оружия на новых физических принципах, к которым в настоящее время относят лазерное, инфразвуковое, электромагнитное оружие. Данный класс вооружений активно разрабатывается в России, о чем сказал Президент РФ В.В. Путин, выступая на сессии Восточного экономического форума в сентябре 2023 года [5]. Электромагнитное оружие уже используется против дронов. Могут даже создаваться электромагнитные пушки, физически выжигающие электронику в различных радиоэлектронных средствах противника. Лазерное оружие у нас также создано, и боевой лазер «Пересвет» уже несет боевое дежурство, выполняя задачи противовоздушной и

противоракетной обороны стратегически важных объектов от разведывательных беспилотных летательных аппаратов [8].

— Системы и средства нелетального действия и воздействия на физическую среду. Это довольно широкий класс средств воздействия на противника с широким спектром действия: от химических веществ, превращающих взлетно-посадочные бетонные полосы для боевой авиации в вязкое месиво, специальных бактерий, превращающих топливо для двигателей в гель, до средств, вызывающих продолжительные дожди в зоне боевых действий и землетрясения различной интенсивности.

Все перечисленные системы и средства представляют собой далеко не полный перечень того, что может включать система неядерного сдерживания. Например, сюда же могут быть отнесены усилия, предпринимаемые как Президентом РФ В.В. Путиным, так и сотрудниками МИД России, а также российскими дипломатами в европейских государствах и США, направленные на налаживание переговорных процессов со всеми заинтересованными государствами по сглаживанию имеющихся и вновь возникающих противоречий.

Однако, даже не вдаваясь в подробности действия всех представленных систем и средств, становится понятно, что у России имеется достаточно серьезный арсенал средств и методов, обеспечивающих неядерное сдерживание наших противников на Западе. Необходимо отметить, что по созданию оружия, входящего в категорию средств неядерного сдерживания, мы существенно опережаем не только страны Европы, но и США. Наш ОПК работает 24/7, а новейшие разработки наших ученых в сфере создания гиперзвукового оружия и некоторых других оружейных систем на несколько лет опережают аналогичные разработки на Западе. По словам министра обороны Германии Б. Писториуса, «Россия производит за три месяца столько оружия и боеприпасов, сколько весь Европейский Союз за год» [7].

Кроме того, надо иметь в виду, что даже самое современное оружие не будет эффективным, если нет специалистов, способных его применять. Можно привести мнение множества западных военных экспертов, которые говорят о существенно возросшем мастерстве наших военачальников, офицеров, солдат, получающих и совершенствующим боевой опыт в ходе СВО. Нередко даже на Западе говорят о том, что в настоящее время российским воинам нет равных по боевой выучке.

Все это позволяет заключить, что в противоборстве с коллективным Западом, несмотря на достаточно большой военный потенциал НАТО и их численное превосходство, Россия даже с использованием средств только неядерного сдерживания способна обеспечить победу в случае прямого военного столкновения с войсками НАТО. Если же Запад по невероятному стечению обстоятельств создаст реальную угрозу суверенитету и территориальной целостности нашего государства, у нас всегда есть мощный ядерный потенциал, который мы сможем применить в любых условиях обстановки и нанести неприемлемый ущерб любому агрессору.

Литература

1. Военная доктрина Российской Федерации Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 26 декабря 2014 года. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70730556/> (дата обращения: 03.12.2024).
2. Войска информационных операций Министерства обороны РФ. – URL: <https://rus.team/articles/vojska-informatsionnykh-operatsiy-ministerstva-oborony-rf> (дата обращения: 23.01.2025).
3. Дерзкий план Белоусова, страшная правда о прилете «Орешника»: что дальше. – URL: <https://news.ru/russia/derzkij-plan-belousova-strashnaya-pravda-o-prilete-oreshnika-chto-dalshe/> (дата обращения: 17.01.2025).
4. Калганов В.А., Рыжов Г.Б., Соловьёв И.В. Стратегическое сдерживание как фактор обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Военная мысль. – 2022. – №8. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategicheskoe-sderzhivanie-kak-faktor-obespecheniya-natsionalnoy-bezopasnosti-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 29.01.2025).

5. Названо оружие на новых физических принципах, упомянутое Путиным. – URL: <https://www.mk.ru/politics/2023/09/12/nazvano-oruzhie-na-novykh-fizicheskikh-principakh-upomyanutoe-putiny.html> (дата обращения: 03.02.2025).
6. Неядерное сдерживание – URL: <https://topwar.ru/99234-neyadernoe-sderzhivanie.html> (дата обращения: 18.01.2025).
7. Писториус сравнил объемы производства оружия в России и Евросоюзе. – URL: <https://crimea.ria.ru/20241124/pistorius-sravnil-obemu-proizvodstva-oruzhiya-v-rossii-i-evrosoyuze-1142092083.html> (дата обращения: 03.02.2025).
8. Применение «Пересвета» в спецоперации: Почему боевой лазер не сбивает дроны ВСУ? – URL: <https://avia.pro/blog/primenenie-peresveta-v-spesoperacii-pochemu-boevoy-lazer-ne-sbivaet-drony-vsu> (дата обращения: 03.02.2025).
9. Указ Президента Российской Федерации от 19 ноября 2024 года № 991 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области ядерного сдерживания». – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/51312> (дата обращения: 03.12.2024).
10. 28 Махов и 18000 км: что представляет собой гиперзвуковой комплекс «Авангард» – самый быстрый в мире. – URL: https://overclockers.ru/blog/Hardware_inc/show/134038/28-Mahov-i-18000-km-chto-predstavlyaet-soboj-giperzvukovoj-kompleks-Avangard-samyj-bystryj-v-mire (дата обращения: 17.01.2025).

Рольф Клауберг,

доктор физико-математических наук, доцент,
профессор, Высшая школа социальных наук,
ННГЛУ им. Н.А. Добролюбова, Нижний
Новгород.

Rolf Clauberg,

Doctor in Natural Sciences (Dr. rer. nat.),
Associate Professor, Higher School of Social
Sciences, NSLU, Nizhny Novgorod.
E-mail: r.clauberg@hispeed.ch

ВЛИЯНИЕ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА МЕЖДУНАРОДНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОТИВОСТОЯНИИ В XXI ВЕКЕ

INTERNATIONAL GEOPOLITICAL CONFRONTATIONS AND ARTIFICIAL INTELLIGENCE

In the case of geopolitical confrontations involved countries usually use all tools and methods available to them to decide the conflict to their advantage. In the last years the number of tools available increased substantially through the evolution of artificial intelligence (AI). One example of an early application of AI in the military area was the start of project Maven in the USA operating as an “Algorithmic Warfare Cross Functional Team” in 2017 [7; 10]. In the beginning the goal of this project was the analysis of all kinds of data, e.g. airborne or satellite pictures, to identify objects in a battlefield. However, in the year 2020 Maven was expanded by coupling it to an artillery rocket system demonstrating the automatic destruction of an object identified from photographs [7] as well as the potential of wars completely directed by AI. In the same direction of fully automatic activities goes the evolution in Israel [3; 11], where drone swarms as well as AI directed rockets were used by the military at least as early as 2023. Also, in the last two years small, inexpensive drones in large numbers, overwhelmed expensive border protection systems in Israel, even

the famous Iron Dome came close to its limits. They also damaged cargo ships in the Gulf of Aden, thereby stopping corresponding commercial traffic. These attacks came from relatively small groups supported by Iran, not the USA or China which are considered as leaders in artificial intelligence.

All these observations should make it clear that we must understand the character of AI, its potential, and the entire range of its capabilities to impact the outcome of geopolitical confrontations.

In 2020 it was already clear that all hardware and software components, as well as all necessary knowledge to build AI-controlled drones were openly available [1]. Also, most components are cheap. The important point is that AI is not simply a military application, it is a tool used in many different areas, mostly non-military ones. In principle, AI is based on algorithms. Algorithms are sequences of instructions with the goal to enable specific applications. Algorithms may be created completely in software or as a physical implementation using artificial neural networks (ANNs) based on specific architectures and trained with large amounts of data. The pure software implementation is much less flexible than the ANN solution, but its results can be fully analyzed with the help of its source-code. At least up to now, there is no solution to fully guaranty the correct decisions of an ANN, because the basic architecture of the ANN is modified by training the ANN. Presently, the best way to ensure correct operation is testing the ANN with large amounts of data which were not used to train the ANN. That however seems to mean that we never can be 100 percent sure of the correct operation of an ANN-based system.

Many analysts believe that we are presently in a hype phase of AI, but that things will stabilize still at a very profitable level. Together with the military activities of the last two years, this documents the need for a substantial shift in military strategies to adapt to the new AI-based tools. The much lower costs of drones and small robots in comparison to standard military weapon-systems like airplanes, ships, and tanks, as well as the much faster evolution of the cheaper AI-based tools requires a change from 10-year procurement cycles for military

equipment to include the new cheaper and fast changing tools. In addition, drone-based surveillance enables control of much larger areas and with higher resolution than standard solutions. And drones usually rely neither on GPS nor on satellite connections but use other means like visual objects to identify their position and to find their path to an aim. Swarms of small drones may be able to survey very large areas to detect hidden military units. For Mark A. Milley (Chairman of the USA Joint Chiefs of Staff from 2019 to 2023) and Eric Schmidt (Ex-Chair of Google) [9] these enhanced surveyance capabilities require substantial changes in military strategy and education.

Kissinger, Schmidt, and Mundie [6] consider the use of artificial intelligence for decision making and conclude that AI on the one hand introduces a new possibility for objectivity in strategic decision making, but they also report that AI uses more excessive actions in war-games than humans do, leading more often to escalation. We should not forget that AI has no emotions and therefore also no scruples.

Today many computer-controlled infrastructure systems and industrial production systems are connected to the public internet. This exposes previously protected operational technology to the known attacks of information technology. Hence, these systems are now exposed to cyber-attacks by highly sophisticated computer viruses and worms [1; 4]. Computer worms and viruses are based on algorithms in software instructions. The Stuxnet worm [2; 4] destroyed industrial production systems only after analyzing the system and identifying it as one of the group it should destroy. Destruction happened by modifying the systems parameters. Hence, we can expect that artificial-intelligence based attacks on infrastructure are able to change or destroy important control-systems for water and energy as well as disturbing all kinds of transport.

After considering mostly direct war strategies, we need to analyze the possibilities to influence geopolitical confrontations through the creation of false information [5; 8]. This includes discriminating fake photographs, audio reports, or

videos of politicians or other important public figures. Advanced creation of fake pictures, audio messages, and videos started with the appearance of Generative Adversarial Networks. Here, one ANN is used to test the fit of a presented object against a large number of known real objects and presents a measure of deviation to another ANN which creates and adapts new objects-to-test until the testing neural network accepts the new creations as true objects. Pictures of art as well as fake videos of famous politicians have been presented which look extremely real. The search to improve the methods to identify fakes is of course in a race with the search to improve the quality of fakes so that they are indistinguishable from real pictures or videos.

All these dangers stemming from the use of artificial intelligence systems, will drive many politicians to the conclusion that an extreme control of artificial intelligence products is necessary. But AI is already an important tool in many technologies and components for AI systems as well as the necessary knowledge for creating arbitrary AI tools from available components, are freely available. So, the best choice seems to be the adaptation of military and public security systems as well as politics to the new reality.

References

1. *Clauberg R.* Cyber-physical systems and artificial intelligence: chances and threats to modern economies // *Мировые цивилизации*. – 2020. – № 3–4 (5). – P. 1–9.
2. *Farwell J.P., Rohozinski R.* Stuxnet and the Future of Cyber War // *Survival*. – 2011. – № 1 (53). – P. 23–40.
3. *Gross J.A.* In apparent world first, IDF deployed drone swarms in Gaza fighting // *The Times of Israel*. – URL: <https://www.timesofisrael.com/in-apparent-world-first-idf-deployed-drone-swarms-in-gaza-fighting/> (accessed: 06.01.2025).
4. *Karnouskos S.* Stuxnet worm impact on industrial cyber-physical system security // *IECON Proceedings (Industrial Electronics Conference)*. – 2011. – P. 4490–4494.
5. *Kaur A.* [et al]. Deepfake video detection: challenges and opportunities // *Artificial Intelligence Review*. – 2024. – № 159 (57). – P. 1–47.
6. *Kissinger H.A., Schmidt E., Mundie C.* War and Peace in the Age of Artificial Intelligence // *Foreign Affairs*. – URL:

- <https://www.foreignaffairs.com/united-states/war-and-peace-age-artificial-intelligence> (accessed: 18.11.2024).
7. *Manson K.* AI Warfare Is Already Here // Bloomberg.com. – URL: <https://www.bloomberg.com/features/2024-ai-warfare-project-maven/> (accessed: 13.12.2024).
 8. *Maras M.-H., Alexandrou A.* Determining authenticity of video evidence in the age of artificial intelligence and in the wake of Deepfake videos // The International Journal of Evidence & Proof. – 2019. – № 3 (23). – P. 255–262.
 9. *Milley M.A., Schmidt E.* America Isn't Ready for the Wars of the Future // Foreign Affairs. – 2024. – № 5 (103). – P. 26–37.
 10. *Mohsin S.* Inside Project Maven, the US Military's AI Project // Bloomberg.com. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/newsletters/2024-02-29/inside-project-maven-the-us-military-s-ai-project> (accessed: 08.01.2025).
 11. *Newman M.* Israel Quietly Embeds AI Systems in Deadly Military Operations // Bloomberg.com. – URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-07-16/israel-using-ai-systems-to-plan-deadly-military-operations> (accessed: 06.01.2025).

Фатима Румэйт,
профессор международного публичного права,
Международный институт научных исследований, Марокко.

Fatima Roumate,
Dr. Prof.
Diplomacy and Artificial Intelligence International,
Institute of Scientific Research, Morocco.
E-mail: roumate.fatima@gmail.com

ВЕПОНИЗАЦИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОГО КОНФЛИКТА: ФОРМИРОВАНИЕ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА

WEAPONIZATION OF AI AND THE GLOBAL CONFLICT: SHAPING THE NEW WORLD ORDER

Introduction

The transition to a society based on the massive use of artificial intelligence (AI) is changing the world and its impact on international life is unlimited. AI technologies is transforming international security and global conflicts. These technologies are used in different ways during conflicts. It enhances the threats and creates new risks linked to the weaponization of AI which is the goal of the military strategy because it's altering the nature of war and it's reshaping the global power dynamics.

The key questions that could guide us are as follows:

How AI become a key element in the military strategy? How the weaponization of AI is altering the nature of war? and how weaponization of AI is reshaping the global power dynamics in this new world order?

We try to answer these questions, first by explaining how AI is weaponized especially with the appearance of new wars and new weapons. Second, we will try to underline AI impact on the global power dynamics.

Weaponization of AI altering the nature of war

Artificial Intelligence (AI) and Gen AI are significantly reshaping global dynamics, particularly through their role in increasing soft and smart power, and by introducing new forms of warfare—specifically information, psychological, and cyber warfare.

While traditional soft power relies on cultural, diplomatic, and ideological appeal, Gen AI introduces new dimensions to information, psychological, and cyber warfare, particularly in the creation and dissemination of content.

Gen AI enhances information processing and enables the analysis of human behaviors, moods, and beliefs based on available data. This capability plays a crucial role in the creation of deepfakes, which can exacerbate misinformation due to the high quality of fake images, audio, and video.

The malicious use of Gen AI poses a significant threat to individuals, institutions, and political systems. Deepfakes generated by Gen AI are not limited to content creation alone; they can also be used to create fake websites, facilitating the distribution of fake content and enabling it to go viral, thus influencing decisions during both peace and war.

However, Gen AI also enables the development of detection technologies, such as Intel's "FakeCatcher" and the "Detect Fakes" system developed by the Massachusetts Institute of Technology, which can help identify AI-generated content.

While deepfakes in marketing have potential, with the global market for AI in marketing expected to reach 36 billion U.S. dollars by 2024, they also pose risks. Citizens, politicians, and celebrities are often targeted by deepfakes, influencing the relationship between content creators and consumers. We all saw the double standards and double measures using AI and Gen AI in global affairs for example to support Ukraine Regime and how it was used in different ways in the information war against Russia. These technologies were used to deny and cover up all war crimes against Palestinians during the war in Gaza.

Interaction between AI and key fields like science, education, culture, and media – pillars of soft power. We need to understand how AI and Gen AI are reshaping citizens' identities and how we can protect cultural diversity and elections in an open society. The world is witnessing a fundamental shift in the relationships that have historically defined interactions between international actors.

International society has been at the forefront of the changes related to AI and Gen AI, and it's time to rethink the impact of citizen diplomacy on national and international security.

The weaponization of Gen AI in information warfare and cyberwarfare is altering the global balance of power. Nations at the forefront of Gen AI development could gain significant military and geopolitical advantages, potentially triggering a new arms race.

New weapons are being used in new forms of warfare, with new players emerging, particularly as U.S. global leadership has failed and new powerful actors take the stage. Even traditional weapons are increasingly relying on AI, as nations adopt pro-innovative approach that involves coordination between military, academia, and the private sector.

The new global technological era is changing the nature of warfare. Lethal autonomous robots, genetic engineering, and laser weapons illustrate how AI is becoming a new “weapon”. Countries investing in these technologies, such as killer drones, driverless tanks, and autonomous airplanes, are reshaping modern battlefields, sparking intense global debate. The United Nations is focusing on the challenges posed by these new weapons empowered by Gen AI.

AI and Gen AI also increase the risks related to the use of biological agents, especially as terrorist organizations gain easier access to information in the AI and AGI era. The World Health Organization highlights the threat posed by biological agents such as anthrax, botulinum toxin, and plague, which could cause mass casualties and potentially lead to epidemics.

The technological revolution, particularly in AI, has transformed fields like genetic engineering, intensifying the race among global powers to gain dominance in this field.

Justine Calma, a science reporter with a decade of experience in environmental, climate, and energy reporting, argued in her article for *The Verge* that drug-developing AI could invent 40,000 potentially lethal molecules in less than six hours [2]. The misuse and malicious use of AI in biological research raise concerns about AI's potential to pose existential threats. Researchers have warned that AI designed to search for helpful drugs could be repurposed for harmful uses, such as developing toxins, instead of predicting their toxicity [2]. This means that AI could be used to develop biological weapons, and the malicious use of AI could quickly spiral out of control [2].

One of the most alarming trends is the increasing autonomy of AI in laboratories. According to Urbina et al. [9], “autonomous synthesis, a complete design-make-test cycle, applicable to making not only drugs but toxins, is within reach”. This raises serious ethical concerns about the distinction between human and AI responsibility. In this context, the Biological Weapons Convention (BWC) – the first international treaty to ban an entire category of weapons of mass destruction – effectively prohibits the development, production, acquisition, transfer, stockpiling, and use of biological and toxin weapons [8]. However, the BWC does not currently address the possibility of autonomous AI developing biological agents, raising critical questions about responsibility and accountability.

The BWC has played a key role in addressing the proliferation of weapons of mass destruction, setting a strong norm against biological weapons, with 185 state parties and 4 signatories [7]. Article 1 of the BWC states that “Each State Party to this Convention undertakes never in any circumstances to develop, produce, stockpile or otherwise acquire or retain: (1) microbial or other biological agents, or toxins whatever their origin or method of production, of types and in quantities that have no justification for prophylactic, protective or other peaceful purposes; (2) weapons,

equipment or means of delivery designed to use such agents or toxins for hostile purposes or in armed conflict” [8]. But what happens if biological agents are developed by autonomous AI? This raises the need to rethink international laws and mechanisms more urgently than ever before.

Weaponization of AI and the current global dynamics

The weaponization of AI is rapidly becoming a driving force in the evolution of global power dynamics. It is reshaping traditional notions of military strength, creating new centers of power, and influencing international alliances and diplomacy.

GEN AI is significantly reshaping global dynamics, particularly in terms of the growing influence of soft and smart power, military strategies, and international peace and security. Countries that lead in AI technology will wield unprecedented influence, while those that fail to keep pace risk becoming vulnerable. The weaponization of AI is redefining warfare and altering the geopolitical order, fostering new forms of cooperation, rivalry, and global governance. Ultimately, the outcome will hinge not only on technological advancements but also on how the international community chooses to regulate and govern the military use of AI.

AI and GEN AI are accelerating the transition to a multipolar world order, enhancing the global dominance of new superpowers like China, and Russia. GEN AI might enable these powers to develop unprecedented economic and military capabilities, ranging from fully autonomous vehicles and weapons to advanced tools to face information, psychological, and cyber warfare, considering how big western media and big western technologies was invested in the information and psychological warfare from the west against Russia and China.

The integration of AI technologies into national capabilities is fundamentally altering the balance of power, with a growing focus on geostrategic interests and the race toward technological sovereignty. The principal competition between China and the USA is centered on securing technological sovereignty, which, according to

Nicholas Westcott, means having a seat at the global governance table in the AI era [11].

Power is now evaluated in terms of three fields related to AI: science and technology, the economy, and the military. AI is a cornerstone of hard, soft, and smart power, accelerating the potential for conflict while simultaneously lowering the perceived costs of war. Autonomous weapons systems are making warfare more accessible, reducing human and political costs, especially in scenarios involving peer adversaries [6]. Furthermore, AI is extending warfare to virtual spaces, including cyber warfare, information warfare, and psychological warfare. This dynamic increases the likelihood of frequent “low-intensity” conflicts that risk escalating into broader warfare [6].

The current global race toward GEN AI is evident in several areas, including countries’ investment rankings, regulatory frameworks, national AI strategies, and the competition for emerging brands and innovators. This dynamic is also marked by the significant involvement of non-state actors, as AI and GEN AI are enabling them to acquire sophisticated capabilities, potentially fueling asymmetric conflicts and destabilizing geopolitical stability [4]. In a sense, terrorist organizations are using AI and GEN AI in cyberspace for information warfare, posing a gr threat to national security. As terrorists gain access to AI, the scope for cybercrime and malicious use increases, with advanced technologies enabling devastating attacks [5]. According to Mikko Hyppönen, Chief Research Officer at F-Secure, one of the greatest threats is that terrorists could use autonomous vehicles, such as self-driving cars, to carry out bombings—eliminating the need to recruit suicide bombers [1]. Given these threats, countries must rethink international law to anticipate the malicious use of AI by terrorists. This includes protecting state infrastructure from cyberattacks.

Conclusion

The weaponization of AGI is profoundly reshaping global dynamics by transforming military strategies, introducing new forms of power, and challenging established international norms and governance structures.

To fully harness the potential of AGI, significant investments in national AI strategies and ambitious AI initiatives across multiple dimensions of international peace and security are essential. However, this technology also presents significant risks related to responsibility, accountability, ethical use, and geopolitical instability, while providing powerful tools for both state and non-state actors. In this multipolar world order, the USA may no longer be the sole leader but rather one of the leaders. Only those states able to ensure sovereign AI and technological sovereignty will emerge as true leaders. Achieving sovereign AI requires a national strategy that fosters innovation. Addressing these challenges will require international conventions and a global AI governance, considering how international organizations can balance public and private interests in this rapidly evolving landscape. International cooperation will be critical to managing the risks posed by AI and ensuring that technological advancements are harnessed for good.

References

1. *Bigelow P.* ISIS Could Use a Self-Driving Car to Deliver a Bomb: Experts Warn of Security Threats in the Transportation Realm // Autoblog. March 15, 2016. – URL: <https://www.autoblog.com/2016/03/15/isis-terrorists-bomb-self-driving-cars-sxsw/>.
2. *Calma J.* (2022), AI suggested 40,000 new possible chemical weapons in just six hours // The verge. Mars 17, 2002.
3. *Gu P.* (2023, June 30). Global artificial intelligence governance: Challenges and complications. Science Insights. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Global-Artificial-Intelligence-Governance%3A-and-Gu/f19c90df1cb6000a1b2334482d747d96c4aefb27>
4. *Pöhler L., Schrader V., Ladwein A., von Keller F.* (2024). A technological perspective on misuse of available AI. – URL: <https://www.semanticscholar.org/author/Valentin-Schrader/2293169689>

5. *Roumate F.* (2024). Artificial intelligence and the new world order. Springer Nature Switzerland. – URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-031-50312-2>
6. *Simmons-Edler R., Badman R., Longpre S., Rajan K.* (2024). AI-powered autonomous weapons risk geopolitical instability and threaten AI research. In Proceedings of the International Conference on Machine Learning. – URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/AI-Powered-Autonomous-Weapons-Risk-Geopolitical-and-Simmons-Edler-Badman/31c10fdf47b9cd507913b75d2ed9aa290f7c54ba>
7. United Nations Office of Disarmament UNODA. Biological Weapons Convention, Accessed on August 09, 2023. – URL: <https://disarmament.unoda.org/biological-weapons/>
8. United Nations Office of Disarmament UNODA (1972). Convention on the prohibition of the Development, Production and Stockpiling of Bacteriological (Biological) and Toxin Weapons and on their Destruction, Accessed in August 9, 2023. – URL: [BWC-text-English-1.pdf \(un-arm.org\)](#)
9. *Urbina F., Lentzos F. Invernizzi C., Ekins S.* (2022). Dual use of artificial-intelligence-powered drug discovery // Nature Machine Intelligence. – Vol. 4. – P.189–191. – URL: [Dual use of artificial-intelligence-powered drug discovery | Nature Machine Intelligence](#)
10. *Westcott N.* (2008). Digital Diplomacy: The Impact of the Internet on International Relations, Oxford Internet Institute // Research Report. 16, July. – URL: <https://www.oii.ox.ac.uk/archive/downloads/publications/RR16.pdf>
11. World Health Organization (2023). Biological Weapons, Accessed at August 09. – URL: https://www.who.int/health-topics/biological-weapons#tab=tab_1

Рогожина Е.М.,

кандидат политических наук,
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова, Нижний Новгород.

Evgenia M. Rogozhina,

PhD (Political Sciences)

Nizhny Novgorod State Linguistic

University named after N.A. Dobrolyubov, Nizhny Novgorod.

E-mail: evgenia-amiga@yandex.ru

Рыжов И.В.,

доктор исторических наук, профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород.

Igor V. Ryzhov,

Doctor of Historical Sciences, professor,

N.I. Lobachevsky National Research

Nizhny Novgorod State University, Nizhny Novgorod

E-mail: ivr@fmo.unn.ru

ВИРТУАЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ XXI ВЕКА

VIRTUAL STATES IN THE CONTEXT OF GLOBAL SECURITY OF THE 21ST CENTURY

Виртуальные государства (от англ. *micronations*) как социально-политический феномен [6] с момента своего появления в 1967 году стали определенной площадкой для граждан различных стран мира, где можно создать более подходящие условия для жизни и выражения своей общественной и социальной позиции. Сегодня в мире насчитывается более двух сотен виртуальных государств, и они могут быть представлены в разных физических и квазиправовых формах.

Прежде всего необходимо понять, чем виртуальные государства отличаются от обычных.

Обычные, классические, государства классифицируются по четырем признакам, нашедшим свое юридическое основание в Конвенции Монтевидео 1933 года [7]:

- постоянное население (территория должна иметь устойчивое население, которое постоянно проживает на этой территории);
- определенная территория (для признания территории государством необходима ее четкая и признанная граница);
- эффективное правительство (создание правительства, которое будет осуществлять контроль и управление на территории);
- способность вступать в международные отношения (государство должно иметь способность вести переговоры, подписывать международные договоры и участвовать в международных организациях, таких как ООН).

Иногда эти признаки также дополняют монополией на легитимное насилие, то есть наличие в государстве стабильной правоохранительной системы, а также необходимостью признания субъектом международного права со стороны большинства других государств.

От реальных государств виртуальные отличаются не только и не столько отсутствием признания со стороны других стран (поскольку известен феномен полноценных независимых государств, которые не имеют международного признания, например Республика Косово, Приднестровская Молдавская Республика, Турецкая Республика Северного Кипра), а именно несоответствие этим четырем основным признакам, которые они лишь имитируют.

Виртуальные государства можно разделить на два типа:

1. Микронации – псевдогосударственные образования, претендующие на суверенитет над какой-то определенной территорией. Как правило, эти территории принадлежат реальному государству, и микронации зачастую не пытаются реально оспаривать их суверенитет.

2. Полноценные виртуальные государства – псевдогосударственные образования, которые не претендуют на суверенитет над какой-либо территорией, а существуют лишь в виде воображаемого проекта.

При этом их не стоит путать с так называемыми карликовыми государствами, которые являются полноценными независимыми и признанными субъектами мирового сообщества и международного права, и просто занимают сравнительно небольшую территорию (например, Ватикан, Монако и Лихтенштейн).

Хотя виртуальные государства и микронации часто не обладают первичными признаками государств, они активно разрабатывают вторичные признаки, например разнообразную государственную символику в виде флагов, гербов, гимнов, валют, монет и почтовых марок. Их представители могут участвовать в международных мероприятиях и организовывать собственные или даже предлагать свое гражданство представителям других государств. Подобные образования могут иметь самые разнообразные формы управления и политического устройства, от абсолютных монархий до прямых демократий. Некоторые из них могут иметь собственную космическую и ядерную программу. Порой они сами отказываются признавать себя в качестве государств, провозглашая альтернативные формы организации.

Мотивы создания виртуальных государств весьма разнообразны. Авторы данной статьи предлагают собственную классификацию известных на сегодняшний день виртуальных государств.

Одни виртуальные государства образованы на территориях, подлежащих земельным спорам, и имеют географическое местоположение, например: Либерленд (спорная территория между Сербией и Хорватией), Себорга (Италия), Хатт-Ривер (Австралия), Княжество Силенд (Великобритания).

Другие появились как общественный протест на деятельность некоторых правительств суверенных демократических государств: Королевство геев и лесбиянок в Австралии как ответная реакция на решение парламента запретить

однополые браки; Королевство другого мира в Чешской Республике как проекция феминистского движения в Европе; Республика Конк и Республика Лакота как попытка протеста местного населения против властей США (в первом случае багамцев европейского происхождения во Флорида-Кис, во втором случае индейцев, объявивших о создании собственной независимой нации на территории штатов Северной и Южной Дакоты, Небраски, Вайоминга и Монтаны).

Третьи представляют собой так называемые арт-проекты, например: «Кугельмугель» (основатель – венский художник Эдвин Липбургер); «Империя Коупмана» (проект британского писателя Ника Коупмана, созданный в целях популяризации его книги); «Республика художников и людей искусства Ужупис» в одноименном квартале Вильнюса; неформальный проект или объединение группы словенских музыкантов, художников и театральных групп «Новое словенское искусство», отрицающий территориальные границы как необходимый атрибут государственности и доступный для «творческих людей всего мира» [14].

Четвертые созданы как шуточный проект физических лиц, граждан суверенных государств, с ярким желанием выделиться из толпы. Так, например, существуют «Республика Молоссия» (США), состоящая из 37 человек; «Королевство Таллоса»; «Велкое Герцогство Фландренсис», заявившее о своих «претензиях» на часть территории Антарктиды в 2008 году; «Королевство Прекрасного» (Великобритания), находящееся территориально на пространстве обычной квартиры в Лондоне.

Пятые созданы как лоббистский проект международных неправительственных организаций, например Гринпис (Greenpeace): Waveland или «Роколл» как протест на добычу нефти у берегов Великобритании, «Республика Гласьер» как протест против горнодобывающих корпораций, которые строились прямо на леднике в Чили.

Шестые – как туристические проекты с попыткой ухода от налогов: Rose Island на антропогенной платформе у берегов Италии, Республика Минерва (в южной части Тихого океана) и искусственный остров Новая Утопия (США).

Седьмые – как научно-технический проект глобального масштаба: «Космическое государство Асгардия» [12].

Восьмые – как попытка исторического ревизионизма или альтернативной формы государственности, в том числе и российской: «Романовская империя» или «Суверенное государство Императорский престол» [10].

Девятые – как попытка проявления сепаратистских настроений в суверенных акторах международных отношений – страна или территория с особыми условиями ведения бизнеса для иностранных компаний (офшоры) в обход национального и международного экономического законодательства, например «Азания» (бывший «Джубаленд»), Вейшнория (Республика Беларусь) [1].

Десятые – как реакция социальной группы на ухудшение своего социально-экономического положения на политику государства, на территории которого она проживает, путем образования новой структуры непосредственно на его территории (выкупленной или samozaxваченной). К ним относятся, например, «Христиания» (Дания), «Емтланд» (Швеция).

Отдельно следует выделить веб-государства. Они базируются только в интернете и представляют собой веб-сайты, на которых граждане могут в цифровом формате общаться друг с другом или с органами управления по вопросам получения и оформления документов данного государства, медицинского обслуживания, обмена национальной валюты, покупки титулов, смены имени, различных услуг в бизнес-среде. Под веб-государством подразумевается существующее в цифровом мире сообщество людей, сформировавшее в интернете фактически полноценную модель настоящего государства (есть аналоги «настоящих» органов власти, силовых структур), но

обладающее суверенитетом или претендующее на суверенитет только над «территорией» внутри цифрового мира.

Важным критерием, отличающим веб-государство от виртуального или микрогосударства, можно считать наличие у такого образования действующей экономики, позволяющей не только производить некие товары и/или услуги внутри веб-государства, но и конвертировать средства, заработанные в цифровом мире, в денежные знаки физического мира (в полной мере под такое определение сейчас попадает только «Государство Децентурион» [4]. Манифест Децентуриона определяет его как первое блокчейн-государство [9].

Далее следует провести градацию ультрасовременных виртуальных государств. В данном случае мотивацией их создания служат как минимум две причины: во-первых, разочарованность ряда граждан в существующих политических элитах в классических государствах, а также возможность вложения финансового капитала в реализацию собственного бизнес-проекта под названием «виртуальное государство»; во-вторых, существующие новые тренды в мировой политике и экономике в виде ТНК и других негосударственных участников, обладающих реальным доступом к глобальной политике, экономике и процессу принятия политических решений, которые сами подталкивают к формированию корпоративных национальных государств (искусственных островов, архипелагов, плавучих модулей, круизных лайнеров, онлайн-платформ) с советом директоров или акционеров вместо правительства.

Существует несколько проектов ультрановых виртуальных государств будущего.

1. Первое корпоративное национальное государство – остров Гугл (остров Google), регулирующееся советом директоров и акционеров во главе с генеральным директором вместо классического правительства. Основу государства составляют так называемые Googlements – бизнес-предприятия или некоммерческие организации, которые в состоянии формировать «виртуальные нации». Территориально остров Google – это онлайн-платформа, похожая на

среду управления Facebook (запрещена на территории Российской Федерации) [11].

2. Проект постройки стыкующихся плавучих жилых модулей – Институт сестейдинга (Seasteading Institute). Это своего рода эффективный бизнес-инкубатор мирного сосуществования людей, чьи идеи могли бы изменить системы управления странами во всем мире. Финансируется проект за счет пожертвований и краудфандинга. Руководителями проекта являются идеолог сестейдинга Патри Фридман и основатель платежной системы PayPal Питер Тиль [3].

3. «Проект Венера» автора термина «ресурсо-ориентированная экономика» Жака Фреско. Ресурсо-ориентированная экономика – это система, в которой все товары и услуги доступны каждому человеку без денежной платы, долговых обязательств, бартера или низкопоклонства в любой форме. «Это проект перехода к новому обществу, в основе которого лежит забота о людях и окружающей среде в эру технологического прогресса» [16].

4. Сегодня существует целое интернет-сообщество New Country Projects, в котором зарегистрированы около 60 виртуальных государств. Самое любопытное из них в контексте новых трендов международной безопасности и развития планеты – это виртуальное государство Федеративное Содружество Малатора (Federated Commonwealth of Malatora, FedCom). Целью данного содружества является стремление вывести человечество на следующую ступень социального и эволюционного уровня с помощью достижений науки. Данное виртуальное государство заметно отличается от любой микронации вследствие создания ими де-факто суверенитета, а также их революционной социальной политики и уникальной системы правления [15].

Также интересным является проект Джеймса Деринга и Михаила Анисимова по типу Ноева ковчега под названием «Спасательная шлюпка Фонда научно-консультативного совета» (Lifeboat Foundation Scientific Advisory

Board)», представляющий собой резервную «территорию» для человеческой цивилизации [13].

5. Экологический вариант проекта виртуального государства представлен Федерацией Даманхур – центром всемирно известных духовных, творческих и социальных исследований. Строго говоря, Даманхур существует с 1975 года. За это время его социальная структура и политическая система претерпели многочисленные изменения. Сегодня Даманхур сочетает в себе свободное предпринимательство с солидарностью и общими формами собственности. Цель федерации состоит в создании наилучших возможных условий и уровня жизни в индивидуальном и коллективном плане. Данное виртуальное государство получило приз ООН как модель устойчивого будущего (граждане федерации организовали более 60 предприятий в сфере экономики и услуг) [2].

6. Нишу социальных проектов занял проект SOCIALDESIGNFORWICKEDPROBLEMS – место взаимодействия художников и дизайнеров с государством в социально значимых целях. Жителям Народной Демократической Республики Коламбусплейна предоставляется возможность переписать собственную историю, создать собственную нацию и идентичность. Главный принцип работы Коламбусплейна – использование потенциальных возможностей вместо «работы над проблемными зонами» [5].

В целом, подводя итог, следует отметить следующие перспективы развития подобных проектов и образований. В среднесрочной перспективе начнут появляться всё новые и новые формы правления и необычные политические модели виртуальных государств (корпоративные национальные государства, религиозные государства, беспоплинные зоны, однофункциональные страны и даже аренда национальных государств организациями или бизнес-корпорациями на определенный срок для проверки и оценки эффективности их проектов на практике).

Концепция создания виртуальных государств, в которых граждане не должны обязательно проживать, становится всё более популярной сегодня. Поэтому, вероятно, появится услуга открытой регистрации граждан, которая, в свою очередь, станет причиной формирования новой законодательной базы.

С точки зрения международного права сегодня создание нового государства, например, на искусственном острове, архипелаге, плавучем модуле или нефтяной платформе в международных водах вызывает вопросы суверенитета и юрисдикции. Согласно принципу *terra nullius* (земля, не принадлежащая никакому государству) не все территории, находящиеся в международных водах, могут быть использованы для создания нового государства. Согласно статье 1 Конвенции ООН по морскому праву (1982) «территория, находящаяся в международных водах, не может быть присвоена без согласования с другими государствами» [8]. Такие действия могут рассматриваться как нарушение международного порядка и установленных стандартов, особенно если это приводит к потенциальной угрозе безопасности.

Классические государства могут интерпретировать такие действия как создание непризнанной зоны или даже территориальный конфликт, поскольку это может нарушить установленные нормы по морским границам и суверенитету. Некоторые страны могут использовать принцип “*intervention for national security*” (вмешательство в вопросы национальной безопасности) для защиты своего правового порядка. Признание нового государства может столкнуться с сопротивлением и даже с санкциями от ООН, так как его создание нарушает принципы территориальной целостности и политической независимости, закреплённые в международном праве.

В целом у существующих сегодня виртуальных государств отсутствует суверенитет и международное признание. Однако они не на столько безобидны, как может показаться на первый взгляд. Некоторые, действительно, созданы как бизнес-проекты или шуточные проекты физических лиц, как игровые модели, но некоторые из них являются серьёзной угрозой для

государственности ряда стран с претензией на реальный суверенитет, а также площадкой отмывания теневого капитала. Также виртуальные государства сегодня представляют собой испытательную лабораторию правовых норм и концепций «нового» общества XXI века.

Литература

1. Белоруссия признала экстремистскими соцсети вымышленного государства Вейшнория. – URL: <https://www.gazeta.ru/politics/news/2022/08/30/18444824.shtml> (дата обращения: 23.12.2024).
2. Даманхур / Сайт Лотоса. – URL: <http://ariom.ru/wiki/Damanhur> (дата обращения: 23.12.2024).
3. Дивный водный мир: как целая страна превратилась в один большой стартап // РБК Стиль. – URL: <http://style.rbc.ru/news/hobby/2014/04/05/18151/> (дата обращения: 13.12.2024).
4. Государство Децентурион. – URL: <https://decenturion.su/info/decenturion> (дата обращения 10.12.2024).
5. Как создать микронацию: пятничная беседа с художником и членом сообщества TED Хорхе Маньес Рубио // TED RUS. – URL: <http://tedrus.com/ted-talks-kak-sozdat-mikronatsiyu-pyatnichnaya-beseda-s-hudozhnikom-ichlenom-soobshhestva-ted-horhe-manes-rubio/> (дата обращения: 21.12.2024).
6. *Кирчанов В.М.* Виртуальные государства и символические рынки идентичности // Обсерватория культуры. – URL: <https://observatoria.rsl.ru/jour/article/view/982> (дата обращения 19.12.2024).
7. Конвенция Монтевидео о правах и обязанностях государств от 1933 года. – URL: <https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-02/rights-duties-states.html> (дата обращения 02.01.2025).
8. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 1982 года. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/1900747> (Дата обращения: 07.01.2025).
9. Манифест Decenturion. – URL: <https://decenturion.su/info/decenturion-manifest> (дата обращения 10.12.2022).
10. Суверенное Государство Императорский Престол Домен Царьград. – URL: <https://www.gosrf.ru/news/14811/> (дата обращения: 10.01.2025).
11. *Федоров О.С.* Характеристика проектов создания новых виртуальных государств // ЛОКУС: Люди, общество, культуры, смыслы. – 2017. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/harakteristika-proektov->

sozdaniya-novyh-virtualnyh-gosudarstv/viewer (дата обращения: 04.12.2024).

12. Asgardia: The space nation. – URL: <https://asgardia.space/ru/> (accessed: 10.12.2024).
13. Lifeboat foundation safeguarding humanity: official website. – URL: <http://lifeboat.com/ex/space.habitats> (accessed: 23.12.2024).
14. NSK State. – URL: <https://nskstate.com/> (accessed: 10.12.2024).
15. The Federated Commonwealth of Malatora: official website. – URL: <http://fedcom-online.webs.com/index.htm> (accessed: 13.12.2024).
16. The Venus Project beyond politics, poverty and war: official website. – URL: <https://www.thevenusproject.com/> (accessed: 11.12.2024).

Мехмет Вейсель Батмаз,
доктор наук, профессор,
Университет Бейкент, Стамбул.

Veysel Batmaz,
PhD (Political Science and Communication),
İstanbul Beykent University.
E-mail: veyselbatmaz@beykent.edu.tr

ЭКУМЕНИЧЕСКИЙ ВСЕМИРНЫЙ ОРДЕН ЦИФРОВИЗАЦИИ

THE ECUMENICAL WORLD ORDER OF DIGITALISM

In daily life, in the sphere of production and consumption, the infrastructure of digital technology turns each individual of the capitalistic society of today into the new/digital “hunters and gatherers” of goods and information. This will create a new social and economic phase just like slavery, feudalism, and capitalism that I call “digitalism”.

It seems that digitalism is going to form an ecumenical order, “representing the entire world”. This is different from globalism or neoliberalism. Perhaps more similar to Mongolian modernity in the 11th century¹ [11].

"Ecumenical" as a word was formed in English with ecclesiastical connotation, from Late Latin *oecumenicus* “general, universal”, from Greek *oikoumenikos* “from the whole world”, from *he oikoumene ge*, the “inhabited world”.

The Ancient Greeks and their neighbors were considered by the Ancient Greeks themselves (in separation from barbarian lands) as developed human society; in later use in “the Roman world”, the word ecumenic referred to the portions of the world known to Hellenic geographers, subdivided into three continents: Africa, Europe, and Asia. Under the Roman Empire, “ecumenical” came to refer to civilization itself, as well as the secular and religious imperial administration.

1 Prazniak puts forward an inquiry into a critical passage in world history, claiming that the Mongolian era was a prelude to the spin-off to modernity, through examining visual and literary artifacts of Mongolian dynasties.

Social Gatherings and Human Intelligence

Human history, as we know it today, had started from (A) foraging pods to (B) organized hunter-gatherer tribes, then (C) agrarian trading villages, and (E) war-based hierarchical civilizations.

Today it is a (F) global networked learning civilization. The whole process is due to three abilities of the human species: (a) intelligence, (b) collaboration, and (c) structuring.

The nervous system developed accordingly: It started with (I) constant contact of different entities stored in memory and evolved into interconnectedness of growing apart from the other. This developed the (II) nerve cells, as we call them today, in order to function with each other when a stimulus is encountered. Then it became (III) a multi-cell system of the brain to form actions as reactions; (IV) turned into a separation of different functions of the brain as art, knowledge, and faith (three brains) [1, p. 87, 92–93].

The repercussions of the development of the human species as individual units into gathering formations as groups, tribes, and nations enabled human intelligence via the creation of tools and vehicles (technology) to capture nature and turn it into a human environment.

Digital Goods and Services as Opposed to Capitalist Commodity: Energy and Value

All human gatherings took a radical phase after capitalism. This industrial revolution, starting around the 1500s with mechanical textile spinning wheels and steam engines and ending today with artificial intelligence, marks the beginning of digitalism. Capitalism is now withering away with intrinsic ways of production sealed with digital outputs and changing the capitalist commodity/“exchange value” into “use-value of goods and services”. In digitalism, there are abundant goods and services that only have use value and no exchange value. Also, the accumulation of capital is now phasing away. This is the end of the capitalist mode of production. We

are entering the digital mode of production and consumption. This is why the main reason I equate the recent revolution with the digital hunter-gatherer revolution. History always repeats itself in a higher form, technology².

The main importance of ecumenical order in the world is its relation to the behavior of human beings against and for energy, since ecumen is inhabitation, and inhabitation depends upon energy usage.

Energy and food chain are complementary in nature but inclusive in human society: humans eat all (where as cows do not eat animals) ... not only food but all kinds of energy are consumed by human beings: human energy, animal energy, and natural energy, and now digital (atmospheric) energy.

The interaction of the human body with energy is a very important blurring point when we utilize labor in the Adam Smith sense or Marxist sense as “value” in production³. We cannot explain “energy” as a means of production because it is not provided by labor. The tools for utilizing energy are created by labor but not the energy itself.

This must be explained by classical economists and Marxists. Thus, we need another definition of means of labor, including energy in it. To me, technology is the place where human intellect coincides with natural energy.

Isonomia as opposed to Democracy

2 Here is a misleading phenomenon of ideological positions of the political world order as digital world is enlarging. It is seen as a new phase of capitalism. That is the reason why Marxists, like Varoufakis (see: Technofeudalism: What Killed Capitalism, argues that capitalism is being replaced, not by a more progressive system, but by something more reminiscent of the past – feudalism in a digital guise. Varoufakis’ hypothesis is a 50-year-old McLuhan’s hypothesis who coined the term “global village”) are defending capitalism against digitalism with the attack against digital corporations. Digital corporations are only byproducts of technology, not capitalism. Including Varoufakis, most Marxists are not aware that digitalism is changing the exchange value of commodities in capitalism into the use value of goods and services. When he is talking about techno-feudal lords, he is missing that they are sharing the goods and services (thru trade) with the ordinary (oppressed) people as opposed to the feudal lords of the middle ages who are exploiting and seizing the labor of the serfs. He has not read Marx thoroughly and needs to read McLuhan besides Marx. My book *Digitalism vs. Capitalism* (Amazon KDP, July 2024) is another introductory text book for people like Varoufakis. Technology is determinant. The rest of the economy depends on the tools and vehicles we use. Technology is the extension of human organs, including the intellect of the human brain.

3 Karl Marx and Adam Smith: “The labor theory of value (LTV) states that the value of economic goods derives from the amount of labor necessary to produce them”.

Before entering the ecumenical world order as developing in digitalism, we have to look at a very interesting concept: Isonomia⁴ [9]. It means “equality before the law,” ultimately derived from Old Greek *isonomia*, “equality of rights, the equality of a Greek democracy,” from *isos* “equal, identical” and *nomos* “law”. Ancient Greeks also had *isoteleia* as a word in reference to an equality before the law sometimes granted to aliens in Athens, “equality of tax and tribute.” Three words are related to our discussion of the system of ecumenical order: *isonomia*, *isegoria*, and *isokratia*. “.... the principle of *isonomia* (the absence of rule) rather than a relation of rule by representatives on behalf of the represented”. When Herodotus invents a debate among the Persians over what sort of government they should have, he has Otanes speak in favor of *isonomia* when, based on his description of it, we might expect him to call the form of government he favors “democracy”. The rule of the people has the fairest name of all, equality (*isonomia*), and does none of the things that a monarch does. The lot determines offices, power is held accountable, and deliberation is conducted in public”.

“Thucydides used *isonomia* as an alternative to dynastic oligarchy and moderate aristocracy. In time the word ceased to refer to a particular political

4 Isonomia as an Ancient Greek term of Ionian political system was introduced by Kojin Karatani. Karatani is one of the important figures of political thought to revise the shortcomings of Marx. He has a very similar framework as I look at the new world order. He takes a very important conceptualizing the world history and he uses “mode of exchange” instead of Marxist “mode of production.” I do not agree what he suggests but I extend the original “mode of production” concept to “mode of production and consumption. Here is a summary of his framework. Karatani’s “D mode of exchange” is very similar to what I describe as ecumenic world order: “Mode of exchange A originates in sociologist Marcel Mauss’s thesis of archaic societies and is the reciprocity of gift, which must be distinguished from the pooling of resources within a household or community and is a means of building larger communities and relations with other groups. Mode of exchange B also takes place between communities and is manifest when one group plunders and conquers another, or more accurately colonizes conquered land. This is presented by Karatani as a system of continuous plunder, extracted from the conquered land in taxes and tributes, in exchange for comfort and security (such as public works and military protection) for further plunder by other groups. Thus this mode is the basis of the state. Mode of exchange C is presented as commodity exchange by mutual consent. This is how modern capitalist society is defined. It is also important to note that this may be by mutual consent but both parties are not equal in the transaction. Money is exchanged for goods and the person with money shall attempt to accumulate more by engaging in further commodity exchange, hence modern capitalist society. Finally, mode of exchange D is Karatani’s own vision of what comes after capitalist society, the Marxist utopia toward which all human history is believed to be moving. This he characterizes not as a new system, but rather as an amalgamation of the best parts of what has gone before. He argues that “this represents not only the rejection of the state that was generated through mode of exchange B but also a transcending of the class divisions produced in mode of exchange C; we might think of mode of exchange D as representing the return of mode of exchange A in a higher dimension”.

regime; Plato uses it to refer to simply equal rights, and Aristotle does not use the word at all”⁵.

Ecumenical order is much more or less similar to isonomia.

Ecumenical Order

Ulf Hannerz [2] writes in his “Notes on the Global Ecumene” that cultural interrelatedness is increasingly covering more space and time than the old dichotomy polarization of the world: core and periphery; First and Second (and Third) Worlds; developed and underdeveloped countries; West and East; Eurasia and Anglo-Saxon Europe; Global North-Global South. I have already implied how these dichotomies of capitalist modes of production become absolute.

Moore [10] not only agreed with McLuhan but also stated in his article "Global Sociology: The World as a Singular System" that the globalization, or singularity of civilization, is what creates the global world in the age of understanding international relations in dichotomy and poses a fatal paradox that leads to wars. However, the fundamental promises of modernity were those of “liberty, equality, and solidarity” (*Liberté, Egalité, Fraternité*).

Kopytoff [5] defines “‘*ecumene*’ as a region of persistent and sustainable cultural interaction and exchange”. Koroebler [6; 7] cites this term as the “old Greeks used for the inhabited world, which can have modern utility as a convenient designation of the total area reached by the traceable diffusion influence from the main higher centers of Eurasia, at which the newest culture had up then been produced for an interwoven set of happenings and products, stretching from Gibraltar towards India and a rather uncertainly perceived China”.

Weber-Schafer [13] writes about how China ruled the vast territories through ecumenic imperialism.

The definition of “ecumene” is understood as “areas of intense and sustained cultural interaction and production” and has been used among prominent historians such as Arnold Toynbee and Marshall Hodgson [3; 4] in a more conventional sense,

⁵ These paragraphs are extracted from Internet sources.

as in the original usage with reference to religious communities. The concept of ecumene, in a similar sense, was first applied to China in 1968 as a way of designating the flow of different religious ethnicities with the same cultural and linguistic backgrounds.

Digital Ecumens

The current application of the word ecumene in international sociology is now understood as networking. Again, Hannerz [2] is the pioneer of this sort of usage and analysis in his article titled “The global ecumene as a network of networks” in a similar fashion to McLuhan’s “global villagers” or the geographical areas where they inhabit in a digital space.

Control over digital networks is essential to nation-states’ power structures in what is currently regarded as a disastrous multipolar world. However, in addition to “illegal” cryptocurrency, virtual private networks (VPNs), and dark web networking, legitimate social media platforms can also be used to manipulate, indoctrinate, and disseminate false identities to millions of people with the same or different objectives. This poses a risk to the safety and security of citizens. Actually, the target is the welfare of the nation-state.

The implications of digital activity as well as analog nation-states affect the control of multitudes of digital “ecumenes”, which are in reality no different from historical assemblies of culturally creative and economically productive forces. As McLuhan’s global villagers, these digital “ecumenes” are building the future without leaving modernity and their memberships of nation-states but sharing more vital and productive initiatives, just for example, as Owen’s “Lanark” facilities or political and cultural associations of the analog technology in the virtual digitalities.

Now I will mention two recent studies about digital ecosystems:

The first one is done by Kuligowsky Waldemer [8] in his article “Ethnicity in the Internet Ecumen: Is Digital Solidarity Possible?”

He has analyzed the forms of presence of selected ethnic groups on the Internet. The typology of modern ethnic groups, formulated by Thomas Hylland Eriksen, has been used. Eriksen has identified four types of ethnic groups: 1. urban ethnic minorities; 2. indigenous peoples; 3. proto-nations; and 4. ethnic groups in plural societies. Each of the types of ethnic groups identified by Eriksen is illustrated with one example. The urban ethnic minority is represented by the Assyrians, indigenous peoples by the Mapuche from Chile, proto-nations by the Tamils, and ethnic groups in plural societies by the Garifuna in Belize. The question about the 'Internet versions of ethnic identities' is also a question about the nature of the groups and their online relations, the relations between real and virtual culture, as well as about 'digital solidarity,' its potential, and its limitations.

The second research is carried out by Sergey Volodenkov [12] of Lomonosov University, Moscow, as reported in his article titled “State-civilization in the digital ecumene”.

Volodenkov describes his main goal as “to study the features of the construction of digital ecumene on the example of the Russian and Chinese states and civilizations. The methodological optics of this article are the principles of comparative analysis, based on the comparison of similar political phenomena, processes, and phenomena. The methodological optics of this article are the principles of comparative analysis, based on the comparison of similar political phenomena, processes, and phenomena. These were the state civilizations, their civilizational features, as well as the methods of constructing their digital ecumene (state policy of foreign broadcasting; strategic regulatory documents related to the information sphere; digital diplomacy). The features of state civilization as a specific form of polity are compared and clarified. Also, an attempt was made to conceptualize the phenomenon of the digital ecumene: a system of news agencies, corporations, Internet resources, radio, television, and leading media activity in other countries to position and protect the interests, values, and economic agendas of the states that created it. Such a conceptualization is based on the reception of antiquity

and correlates with the understanding of the ecumene as a sphere of influence for the state through digital technologies and communications. Such a reception also presupposes the preservation of the civilizational meaning of the ecumene. It is concluded that civilizational states have sufficient resources to maintain digital ecumene as new fields of technological and cultural strategic actions that can protect the integrity of their own civilizational cores. It has been suggested that the civilizational uncompromisingness of the West, its strategy of *divide et impera*, will most likely contribute to the strengthening of such a form of polity as a state-civilization. In the conditions of the existing geopolitical turbulence, the states and civilizations can focus on building a new, more just system of international relations based on the settlement of political, religious, and ethnic conflicts rather than their escalation and conservation”.

Conclusion

In a nutshell, digitalism is changing the world order, and it makes it more complex in terms of classifications and unifications. I suggest that the developments of new forms of human gatherings with digital technology will determine our economies, political relationships, and sociological analyses.

Notes and References

1. Goerner S.J. et al. The New Science of Sustainability. – 2008. – 396 p.
2. Hannerz U. The global ecumene as a network of networks // Conceptualizing Society / Edited by Adam Kuper. Conference of the European Association of Social Anthropologists held in the summer of 1990 in Coimbra, Portugal. – 1990.
3. Hodgson M. in Edmund Burke, III, “Islamic History as World History: Hodgson’s idea of the “Afro-Eurasian” ecumene”, 1979.
4. Hodgson M. The Venture of Islam // International Journal of Middle East Studies. – Vol. 10. – No. 2 (May 1979). – Pp. 241–264.
5. Kopytoff I. The African Frontier: The Reproduction of Traditional African Societies. – Indiana University Press, 1987.

6. *Kroeber A.L.* Anthropology. – Harcourt Press, 1948. – URL: <https://archive.org/details/anthropologyrace00kroe/page/n9/mode/2up>.
7. *Kroeber A.L.* The ancient Oikoumenê as an historic culture aggregate // Huxley Memorial Lecture to the Royal Anthropological Institute. – 1945.
8. *Kuligowsky W.* Ethnicity in the Internet Internet Ecumen: Is Digital Solidarity Possible? (Etnicznosc w internetowej ekumenie. Czy mozliwa jest solidarnosc cyfrowa?). – 2010. – URL: <https://cejsh.icm.edu.pl/cejsh/element/bwmeta1.element.9c767759-ebdc-346f-ae3c-ee27d86d702b>
9. *Masson G.* Review of Kojin Karatani. The Structure of World History: From Modes of Production to Modes of Exchange. Translated by Michael K. Bourdaghs. – Durham: Duke University Press, 2014.
10. *Moore W.* Global Sociology: The World as a Singular System // American Journal of Sociology. 1 March 1996.
11. *Prazniak R.* Sudden Appearances: The Mongol Turn in Commerce, Belief, and Art. – University of Hawaii Press, 2021.
12. *Volodenkov S.* State-civilization in the digital ecumene // May Journal of Political Research. – 7(1):3-26, 2023. DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-1-3-26
13. *Weber-Schafer P.* Ecumene and Imperium: Studies in Chinese Imperial Civil Theology Munich: Schriftenreihe zur Politik und Geschichte, 1968. Cited in Dirlik, 2008 and 2006.

Шляхтунов А. Г.,

доктор политических наук, кандидат исторических наук,
профессор Дипломатической академии МИД России, Москва.

Andrey G. Shlyakhtunov,

Doctor of Political Sciences, Candidate of Historical Sciences,
Professor,
Diplomatic Academy, Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow.
E-mail: andrey.shlyahtunov@yandex.ru

ГУМАНИТАРНАЯ ПОЛИТИКА РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ: ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

THE PRESENT HUMANITARIAN POLICY OF RUSSIA: TRENDS AND PROSPECTS OF DEVELOPMENT

В настоящее время гуманитарная политика и гуманитарная безопасность нашего государства служат приоритетом в развитии Российской Федерации, как в нашей стране, так и за рубежом. Развитие гуманитарной политики и ее влияние становятся в различных сферах жизнедеятельности приоритетным направлением, особенно в государствах с развитой экономикой, научным и техническим потенциалом и стремлением шире раскрыть свои возможности на международной арене.

Только за последние полгода, с августа 2024 по январь 2025 года, было издано несколько федеральных нормативно-правовых актов, указов Президента РФ в области развития гуманитарной сферы. К ним можно отнести:

— Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской Федерации за рубежом» [5];

— Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 г. № 702 «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» [7];

— Указ Президента Российской Федерации от 22.08.2024 г. № 716 «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации» [8];

— Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2024 г. № 732 «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по государственной политике в гуманитарной сфере» [9].

В последнем указе Президента РФ определено, что вопросами гуманитарной политики в Российской Федерации поручено заниматься Администрации Президента РФ, в связи с чем там было создано новое управление. Данным фактом создания Управления по государственной политике в гуманитарной сфере подтверждается значимость указанной проблемы в нашем обществе.

Гуманитарная безопасность – это состояние общественных отношений внутри страны и на международной арене, гарантирующее защищенность целей, идеалов, ценностей и традиций, образа жизни и культуры человека, семьи, народа, а также беспечивающее нормальную жизнедеятельность, устойчивое функционирование и развитие прав и обязанностей, основных свобод для всех без исключения категорий граждан, различия расы и пола, этнической принадлежности, языка и вероисповедования.

Именно об этом в последнее время много говорится экспертами и учеными на различных уровнях, площадках, форумах.

В настоящее время развитие гуманитарной политики носит адресный характер: она направлена на определенную аудиторию наших граждан, в особенности тех, кто не отказался от российского гражданства, но продолжает жить за рубежом.

Многие, несмотря на то что оказались на чужбине, сохранили преданность своей великой стране, ни на минуту не переставая искренне ее любить и гордиться ее успехами.

Говоря о современном этапе, хочется отметить, что Россия уделяет значительное внимание этой тематике. Как уже было выше сказано, контроль за выполнением поручений по развитию данного направления был возложен на Администрацию Президента РФ с предоставлением отчета о проделанной работе непосредственно главе государства.

Несмотря на критичную международную составляющую, растущую угрозу региональных и локальных конфликтов, вопросы гуманитарной политики сейчас, в современных реалиях, продолжают иметь место, а их значимость нельзя недооценивать.

В этой связи только государства с устойчивым экономическим развитием, экономическим потенциалом и запасом материальных средств могут проводить взвешенную гуманитарную политику у себя в стране и за рубежом. Гуманитарная политика – это стратегическое мышление, которое не даст мгновенной прибыли, ее прибыль трудно посчитать или конвертировать. В первую очередь это человеческий капитал, который поддерживает страну в сложный период истории.

Действительно, общество, переживающее переоценку ценностей, разочарование в своих былых идеалах, обречено на нестабильность и распад, если не найдет в себе силы выйти из этого состояния. Гуманитарная безопасность требует адекватности социальных ценностей, позитивного отношения к ним большинства населения, что органически связано с доверием индивидов к обществу и государству, с готовностью идентифицировать себя с ними.

Ввиду изменившейся геостратегической и геополитической обстановки, наше сотрудничество в гуманитарной сфере на современном этапе перенаправлено с традиционного европейского региона на Африку, страны Латинской Америки и государства Азиатско-Тихоокеанского региона.

В качестве основы для определения приоритетных направлений сотрудничества между странами в области обеспечения гуманитарной

безопасности со стороны России целесообразно опираться на Концепцию внешней политики Российской Федерации от 31 марта 2023 г. [6], где обозначены приоритетные векторы развития внешней политики нашей страны.

В данной стратегии одним из приоритетов становится внимание к странам Латинской Америки, а также традиционным партнерам, которыми являются Индия, Китай, государства Африки, в том числе по линии Министерства энергетики, МВД России, МЧС России, поскольку они имеют прямое отношение к безопасности человека.

Продолжает функционировать и развиваться сотрудничество по линии Министерства иностранных дел в области перспективных направлений гуманитарной помощи в сфере здравоохранения, продовольствия и образования.

Латинская Америка

Латинская Америка для нас относительно новый и одновременно знакомый регион со времен Советского Союза. На международной парламентской конференции «Россия – Латинская Америка» 2023 г. Президент РФ В.В. Путин заявил: «Мы всегда готовы прийти на помощь латиноамериканцам и неизменно протягиваем руку помощи и поддержки в преодолении разрушительных последствий стихийных бедствий, в борьбе с терроризмом, экстремизмом, организованной преступностью и наркотрафиком» [4].

Куба и Никарагуа являются достаточно бедными странами. Сохранившиеся социалистические режимы в этих государствах негативно воспринимаются США, которые проецируют это отношение на своих соседей. Хотя страны обладают небольшими территориями и вряд ли смогут стать надежным мостом для России, это не означает, что не следует наращивать сотрудничество с ними.

Более того, экономические санкции США, введенные в отношении Венесуэлы и Кубы, заставляют последних искать пути сотрудничества с Россией. Так, в 2023 году состоялся визит министра иностранных дел России С.В. Лаврова в Латинскую Америку, в ходе которого он посетил Кубу, Никарагуа, Венесуэлу и Бразилию [2]. В настоящее время для России важно сотрудничество с каждым государством, которое готово к дружескому диалогу.

Поскольку для входа в регион стоит укреплять отношения с более весомыми игроками, следует сосредоточиться на наращивании сотрудничества, в первую очередь, с Бразилией. Бразилия является будущим региональным лидером и членом БРИКС, с ней Россия уже сейчас активно развивает взаимодействие.

Кроме того, к таким государствам нужно отнести Перу, страну с самой стабильной экономикой в регионе и третью по площади в Южной Америке. С этим государством у нас давние связи по линии военно-технического сотрудничества еще со времен СССР.

Африка

На форуме партнерства Россия – Африка на 2023–2026 годы определили ключевые направления, по которым Российская Федерация будет выстраивать новые линии сотрудничества с Африкой: энергетическая безопасность, сфера инноваций и высоких технологий, образование и культура, здравоохранение, разработка новых методов финансовых расчетов, продовольственные отношения. РФ намерена укрепить отношения с африканскими странами, которые являются участниками интеграционных объединений, где присутствует и Россия [3].

Представители от РФ, участвовавшие в сессии «Россия – Африка», назвали главные возможности, которые открываются благодаря сотрудничеству Российской Федерации и африканских государств в экономической и гуманитарной сферах:

— Торговля с Африкой даст России возможность развивать многослойное сотрудничество с внешним миром и способность оплачивать счета национальными валютами.

— Импорт и экспорт в страны Африканского континента планируют развивать и по системе бартерных отношений.

— Россия озаботится вопросом создания банка, который будет выдавать кредиты на реализацию африканских стартапов, поскольку местные организации не способны давать необходимые финансы.

— Примерно 35% от всех полезных ископаемых в мире находятся на территории Африки, поэтому для России важной задачей является создание методов добычи полезных ресурсов и грамотное их использование.

— Российско-африканские отношения в сфере экономики необходимо обезопасить от внешнего воздействия и давления, чтобы избежать использования доллара при сотрудничестве.

— На данный момент стоимость российских инвестиций в Африку оценивается примерно в 40 млрд долларов. Планируется увеличить объем инвестиций, направленных на работу с развитием инфраструктуры в странах и их энергетической отрасли.

— Сотрудничество коснется создания теплоэлектростанций и гидроэлектростанций, а также обучения персонала для поддержания их стабильной работы.

Азиатско-Тихоокеанский регион

С конца прошлого века Россия уделяет значительное внимание отношениям с Китаем, Индией, Ираном, Египтом, бывшими союзниками по социалистическому лагерю – Северной Кореей, Вьетнамом. Примером такого сотрудничества может служить договор о партнерстве России с Китаем: строительство АЭС в китайских провинциях, продажа российского газа,

создание зон свободной торговли, безвизовый обмен в пограничной полосе и др.

За последние полвека Индия, Япония и Китай стали одними из самых важных экономических партнеров для любой страны мира. Для Российской Федерации сотрудничество со странами Азии – выгодное и важное дело, поэтому наша страна планирует наращивать объемы товарооборота и инвестиций [1]. За прошлый год Россия увеличила экспорт в азиатские страны уже на 30% и планирует развивать эту тенденцию и в дальнейшем.

Представители от России на ПМЭФ еще в 2022 году рассказали о том, насколько интересно для страны партнерство с азиатскими бизнесменами, как отечественные производители планируют развернуть вектор отношений на Восток и сколько времени займет поиск новых рынков инвестиций и сбыта. Так, чтобы отношения с восточными партнерами укреплялись стабильно и быстро, России необходимо озаботиться развитием судоходства – покупкой и созданием собственных кораблей, которые будут задействованы в импорте и экспорте. Поворот на Восток, вызванный санкционным давлением на Россию со стороны ЕС и Соединенных Штатов, открыл для страны новые перспективы: РФ сможет увеличить объем услуг и товаров, купленных в Азии и проданных азиатским странам, а также сможет расширить влияние и присутствие в Тихоокеанском регионе. Растет высокими темпами логистический оборот между Россией и азиатскими партнерами [1].

Тенденции развития гуманитарной безопасности

К тенденциям развития гуманитарной безопасности можно отнести следующие:

— Расширение географии гуманитарной безопасности, переориентация с традиционного европейского региона на Азиатско-Тихоокеанский, Африканский и Латиноамериканский.

— Помимо расширения области перспективных направлений гуманитарной помощи в сфере здравоохранения, продовольствия и образования, также будут предлагаться новые формы сотрудничества, к которым можно отнести: безопасность личности во всех ее проявлениях, развитие коммуникационных связей и искусственного интеллекта, экологические проблемы отдельных регионов и влияние климата.

— Упреждение чрезвычайных ситуаций и мониторинг окружающей среды. Одновременно с этим двухсторонним обменом необходимо выносить данные проблемы на международные площадки сотрудничества, такие как ООН, БРИКС, ШОС и другие относительно молодые международные организации.

Гуманитарная безопасность — это именно та сфера деятельности, которая не обходит ни одну страну мира. Проблемы мирового масштаба, в том числе повышение уровня мирового океана, изменение климата, влияют на географию и экономику многих стран и континентов. В связи с этим наращивание сотрудничества по гуманитарным направлениям может открывать новые аспекты и области взаимодействия.

Литература

1. Будет ли Россия наращивать объемы экспорта в Африку, Латинскую Америку и Азию? — URL: dzen.ru/a/YtANEnAk5Ws7R6Ep (дата обращения: 14.01.2025).
2. Визит Сергея Лаврова в Латинскую Америку: проверка связи // РСМД. — URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vizit-sergeya-lavrova-v-latinskuyu-ameriku-proverka-svyazi/> (дата обращения: 12.01.2025).
3. План действий Форума партнерства Россия – Африка на 2023–2026 годы // Президент России. — URL: www.kremlin.ru/supplement/5971 — (дата обращения: 14.01.2025).
4. Путин заявил о готовности РФ помогать странам Латинской Америки в борьбе с преступностью // ТАСС. — URL: <https://tass.ru/politika/18878725> (дата обращения: 14.01.2025).
5. Указ Президента Российской Федерации от 05.09.2022 г. № 611 «Об утверждении Концепции гуманитарной политики Российской

- Федерации за рубежом» // Президент России. – URL: www.kremlin.ru/acts/bank/48280 (дата обращения: 13.01.2025).
6. Указ Президента Российской Федерации от 31.03.2023 г. № 229 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // МИД РФ. – URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 14.01.2025).
 7. Указ Президента Российской Федерации от 19.08.2024 г. № 702. «Об оказании гуманитарной поддержки лицам, разделяющим традиционные российские духовно-нравственные ценности» // Президент России. – URL: www.kremlin.ru/acts/bank/51035 (дата обращения: 14.01.2025).
 8. Указ Президента Российской Федерации от 22.08.2024 г. № 716. «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации» // Президент России. – URL: www.kremlin.ru/acts/bank/51053 (дата обращения: 15.01.2025).
 9. Указ Президента Российской Федерации от 26.08.2024 г. № 732. «Об утверждении Положения об Управлении Президента Российской Федерации по государственной политике в гуманитарной сфере» // Президент России. – URL: www.kremlin.ru/acts/bank/51063 (дата обращения: 11.01.2025).

Хохлышева О.О.,

доктор исторических наук, кандидат юридических наук,
профессор,
зав. кафедрой мировой дипломатии и международного права,
Институт международных отношений и мировой истории,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород.

Olga O. Khoklysheva,

D. Sc. (History of International Relations), PhD in law (international law),
professor,
Head of Department of World Diplomacy and International Law,
Institute of International Relations and World history,
Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod.
E-mail: khokhlysheva@imomi.unn.ru

Колобов О.А.,

доктор исторических наук, профессор,
профессор кафедры мировой дипломатии и международного права,
Институт международных отношений и мировой истории,
Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Нижний Новгород.

Oleg A. Kolobov,

D. Sc. (History of International Relations), professor,
Professor of the Department of World Diplomacy and International Law,
Institute of International Relations and World history,
Nizhny Novgorod State University. N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod.
E-mail: kolobov@imomi.unn.ru

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАКТИКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

INTERNATIONAL LEGAL REGULATION OF THE PRACTICE OF ENSURING THE INTERNATIONAL SECURITY SYSTEM IN MODERN CONDITIONS

Согласно Концепции внешней политики Российской Федерации 2023 года к числу принципов, которыми руководствуется государство в международных отношениях в документе отнесены: верховенство

международного права в регулировании международных отношений, отказ всех государств от политики двойных стандартов; неделимость безопасности в глобальном и региональном аспектах [8]. Следовательно, вопрос о системе международной безопасности, ее природе, концептуализации и практике обеспечения согласно международному праву и в целях оценки реакции на сформировавшиеся проблемы, влекущие необходимость организации государств и в первую очередь великих держав, несущих основную ответственность за обеспечение международного мира и безопасности, к которым относится РФ, требует продолжения исследования ее характера и практики ее политико-правового обеспечения. Таким образом, вопрос о международно-правовом обеспечении системы международной универсальной коллективной неделимой безопасности сохраняет свою актуальность.

В целом система международного права связана с практикой обеспечения и регулирования системы международной безопасности. В основном вопросы международной безопасности связывают с практикой ее политико-правового обеспечения и применением вооруженной силы в международных отношениях в условиях ее запрета и ограничений. Нормы и принципы права международной безопасности связаны с принципом неприменения силы в международных отношениях и практикой его осуществления в отсутствие универсальной концепции безопасности в международных отношениях. Одновременно сложилось единодушное понимание деятельности, связанной с обеспечением международного мира и безопасности в рамках формального толкования основополагающих принципов международного права. Кроме того, нормы и принципы международного права обуславливают эффективность системы международной безопасности, определяя пределы правомерного поведения субъектов международного права, в первую очередь государств.

То есть система международной безопасности является сложным политико-правовым явлением, на которое оказывают влияние требования конкретного исторического периода и его условий. Идеи о международно-

правовом обеспечении и регулировании международной безопасности разнообразны, многочисленны и сопровождают различные исторические этапы и периоды развития человечества. В настоящее время система международной безопасности характеризуется как универсальная, коллективная и неделимая. Международно-правовое регулирование и обеспечение системы международной безопасности прежде всего связано с Уставом ООН, согласно положению статьи 103 документа о приоритете его норм в случае правовой коллизии [17], содержание которого раскрывается и другими нормами, и принципами международного права, содержащимися в его соответствующих источниках.

Система международной безопасности, согласно международному праву, определяется как универсальная, неделимая, коллективная, исключающая возможность обеспечения безопасности одного государства за счет другого и вне контекста военно-политических блоков, коалиций и альянсов государств, созданных в нарушение положений главы VIII Устава ООН, базируется на нормах и принципах Устава ООН и обеспечивается ими. Следует констатировать, что вопрос о международно-правовом обеспечении международной безопасности также сохраняет актуальность, несмотря на постоянные испытания самой системы и ее международно-правового обеспечения. Анализ практики политико-правового обеспечения системы международной безопасности субъектами международного права в соответствии с его нормами и принципами позволяет сориентироваться в дальнейшем повышении ее эффективности, которая зависит от практики осуществления права в политической сфере, а не от норм и принципов международного права как таковых, что требует в том числе согласования и координации усилий его субъектов в рассматриваемой сфере деятельности. Безусловно, развитие отрасли права международной безопасности требует развития и совершенствования нормативного содержания в отношении указанной сферы деятельности, также связанной с разоружением и

ограничением распространения вооружений в условиях практики эффективного контроля, с учетом международно-правового регулирования практики возможности применения силы государством или государствами в одностороннем порядке, в условиях сложившихся и существующих ограничений, с учетом сформировавшихся представлений об угрозах международному миру, включая косвенную форму агрессии. При исследовании природы системы международной безопасности и ее международно-правового обеспечения сохраняет актуальность неурегулированная проблема военно-политических блоков и альянсов, находящихся в противоречии с международным правом, в частности положениями главы VIII Устава ООН, а также вопрос об определении агрессии и его уточнении согласно международному праву.

Практика обеспечения и регулирования системы международной безопасности согласно международному праву связана с определением агрессии и уточнением его. Термин в переводе с латинского языка (*aggressio*) означает неспровоцированное нападение или нападение первым, начало вторжения, причинение вреда, ущерба, начало акта враждебности, начало войны. Согласно международному праву, противоправными являются как агрессивные, так и оборонительные войны, иногда именуемые в сфере политических наук как справедливые (*just wars*). Кроме того, в качестве уточнения А. Фердросс отмечает, что международно-правовое и военное понятия *нападения* и *обороны* не совпадают: «С точки зрения военной, нападающим является открывшее военные действия государство. Согласно общему международному праву, нападающим считается всякое государство, требующее от другого государства изменения какого-либо положения и намеревающееся добиваться осуществления этого своего требования (законно обоснованного или необоснованного с помощью силы)» [18, с. 420]. Более того, термин “*aggressio, -onis*” f. [*aggredior*] означает 1) нападение; 2) приступ, вступление (ритор.), 3) умозаключение, силлогизм [3]. В настоящее время в

праве различают определение агрессии как акта (акт агрессии) и как преступления (преступление агрессии). Помимо этого, в международном праве содержится термин, который переводится как «вооруженное нападение» (франц. 'une aggression armée'; англ. 'an armed attack') (см. ст. 51 Устава ООН) [17]; а также термин «агрессивная война» или завоевательная война (англ. 'a war of aggression') [4; 23].

Вопросы определения актов агрессии в контексте вооруженного нападения или войны и ее международно-правового определения и регулирования детально истолкованы в доктрине международного права в контексте права войны и его соблюдения в трудах Ф. Аккурсия (1182–1263 гг.), Бальда (1327–1400 гг.), Ф. Витториа (1483–1546 гг.), Б. Айала (1548–1584 гг.), Ф. Суарес (1548–1617 гг.), А. Джентили (1552–1608 гг.), Г. Гроция (1583–1645 гг.), Ф.Ф. Мартенса (1845–1909 гг.), Б. Ференца (1920–2023 гг.) и других специалистов, оказав влияние на изложение определения агрессии в международном праве в настоящее время. Например, Г. Гроций со ссылкой на древнегреческого историка Полибия (ок. 200–120 гг. до н.э.) упоминает понятие *истребительной войны*: «Согласно с нами мыслит Полибий, который в книге высказывается так: "Людям достойным не свойственно вести истребительную войну даже против менее честных врагов, ее можно простираť лишь настолько, насколько это нужно для возмещения ущерба и восстановления утраченного, не подвергая одним и тем же наказаниям невинных и виновных, но ради невинных и щадя виновных"» [2].

Современное содержание определения агрессии, в развитие положений международного гуманитарного права и Гаагских мирных конференциях 1899 и 1907 годов, нашло отражение в Статуте Лиги Наций 1919 года, Пакте Бриана-Келлога 1928 года, Лондонской конвенции 1993 года, Уставе ООН, «Определении агрессии 1974 года», Римском Статуте 1998 года, внутригосударственном праве, согласно положениям международного права (например, ст. 353, ст. 354 действующей редакции УК РФ, уголовном праве

других государств). Статья 10 Статута (Устава) Лиги Наций: «Члены Лиги обязуются уважать и охранять против всякого внешнего нападения территориальную целость и существующую политическую независимость всех членов Лиги. В случае нападения, угрозы или опасности нападения, Совет указывает меры к обеспечению выполнения этого обязательства». В англоязычном тексте документа под термином «нападение» использован термин “aggression” (англ.) и “aggression” (фр.) во франкоязычном тексте документа [24; 14]. В дальнейшем эти положения получили развитие в Пакте Бриана – Келлога, или Парижском пакте 1928 года [6], договоре об отказе от войны в качестве орудия внешней политики государств, который сформировал основы системы коллективной международной безопасности, подтверждая положения Гаагских конференций 1899 и 1907 годов, инициатива о созыве и проведении которых принадлежала Российской империи.

Более точное определение явления содержится в Конвенции об определении агрессии, подписанной в Лондоне 4 июля 1933 года [7]. Текст проекта конвенции об определении нападающей стороны был внесен делегацией СССР на конференции по разоружению в декабре 1932 года и затем был принят и подписан государствами в 1933 году [7]. В статье 1 документа стороны обязались руководствоваться в своих взаимоотношениях определением агрессии, как оно было разъяснено в докладе Комитета по вопросам безопасности от 24 мая 1933 года (доклад Н. Политиса) на Конференции по сокращению и ограничению вооружений, согласно предложению, внесенному делегацией СССР. Статья 2 Лондонской конвенции 1933 года определяет государство как нападающее первым в случае совершения таких действий, как: 1) объявление войны другому государству; 2) вторжение своих вооруженных сил, без объявления войны на территорию другого государства; 3) нападение сухопутными, морскими или воздушными вооруженными силами государства, без объявления войны, на территорию другого государства; 4) морская блокада берегов или портов другого

государства; 5) поддержка, оказанная вооруженным бандам, которые, будучи образованными на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование государства, подвергшееся вторжению, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства. В статье 3 документа отмечено, что никакое соображение политического, военного, экономического или иного порядка не может служить извинением или оправданием агрессии [7].

Контекст данного определения получил дальнейшее развитие в Уставе ООН 1945 года в главе VII «Действия в случае угрозы миру, нарушению мира и актах агрессии» статьи 51 Устава. Кроме того, как виновное деяние (*actus reus*) преступление агрессии упомянуто в рамках вооруженного нападения в статье 51 [17]. Как преступление акт агрессии в контексте определения «агрессивная война» рассматривался в Лондонском соглашении от 8 августа 1945 года при формировании Нюрнбергского международного военного трибунала. Статья 6 (а) Устава Трибунала, содержащегося в приложении к Лондонскому соглашению, утверждает следующее: преступления против мира, а именно планирование, подготовка, развязывание или ведение агрессивной войны или войны в нарушение международных договоров, соглашений или заверений, или участие в общем плане или заговоре, направленных к осуществлению любого из вышеизложенных действий [15]. В дальнейшем практика Токийского международного военного трибунала (Международный военный трибунал для Дальнего Востока, более известный как Токийский процесс) подтвердила приверженность данному определению в своей практике, что оказало влияние на определение оснований для ответственности согласно международному праву по итогам Второй мировой войны.

11 декабря 1946 года Генеральная Ассамблея ООН единогласно одобрила резолюцию 95 (I) в тексте которой речь идет о том, что Устав Нюрнбергского трибунала «открывает путь для достижения договоренности» в целях

обеспечения более надежной защиты человечества от будущих войн. Генеральный секретарь в своем дополнительном докладе о работе Организации (A/65/Add.1), представленном Генеральной Ассамблее 24 октября 1946 года, указал, что «в интересах мира и защиты человечества от угрозы будущих войн важнейшее значение имеет скорейшее включение принципов, которые применялись во время Нюрнбергского процесса, в свод международного права» [10]. Текст резолюции содержит выражение надежды государств на то, что Организация Объединенных Наций подтвердит принципы Устава Нюрнбергского трибунала в контексте общей кодификации преступлений против мира и безопасности человечества и человечности.

Кроме того, определение агрессии раскрывается посредством толкования основополагающих принципов международного права, в частности в контексте принципа неприменения силы или угрозы силой. Согласно толкованию принципа в международных отношениях государства воздерживаются от угрозы силой или ее применения как против территориальной целостности или политической независимости любого государства, так и каким-либо иным образом, несовместимым с целями ООН. По принципу агрессивная война составляет преступление против международного мира, за которое предусматривается ответственность в соответствии с международным правом. Кроме того, в соответствии с целями и принципами ООН государства обязаны воздерживаться от пропаганды агрессивных войн [4]. Декларация о принципах международного права 1970 года содержит указание на определение косвенной агрессии, обязывая каждое государство воздерживаться от организации или поощрения организации иррегулярных сил или вооруженных банд, в том числе наемников, для вторжения на территорию другого государства, от организации, подстрекательства, оказания помощи или участия в актах гражданской войны или террористических актах в другом государстве или от потворствования организационной деятельности в пределах своей территории, направленной на совершение таких актов, в том случае, когда упомянутые акты связаны с

угрозой силой или ее применением. Одновременно в доктрине международного права сохраняется объяснение агрессивных и оборонительных войн в контексте их запрета как акта агрессии [18, с. 420].

На основе положений вышеизложенных источников международного права сформировалось «Определение агрессии» 1974 года, которое носит характер смешанного, содержащего перечень актов агрессии [9]. Определение агрессии 1974 года формировалось исходя из одной из основных целей ООН, направленной на поддержание (обеспечение) международного мира и безопасности для принятия эффективных коллективных мер с целью предотвращения и устранения угрозы международному миру и подавления актов агрессии и других нарушений мира, и в соответствии со ст. 39 Устава ООН о том, что Совет Безопасности ООН определяет существование любой угрозы миру, любого нарушения мира или акта агрессии и делает рекомендации или решает, какие меры следует принять в соответствии со статьями 41 и 42 для поддержания или восстановления международного мира и безопасности [17]. В «Определении агрессии» 1974 года отмечено, что агрессия является наиболее серьезной и опасной формой незаконного (неправомерного) применения силы, таящей в себе в условиях существования различных видов оружия массового уничтожения возможную угрозу мирового конфликта со всеми его катастрофическими последствиями [9]. Следует подчеркнуть, что принцип неприменения силы или угрозы силой в международных отношениях согласно международному праву не абсолютизирован и содержит изъятия, представляющие собой правомерное применение силы, регулируемое правом и не определяемое как акт агрессии [4]. Такие допущения связаны с положениями Устава ООН или любым международным соглашением, заключенным до принятия Устава ООН и имеющим юридическую силу в соответствии с международным правом; а также с полномочиями Совета Безопасности ООН согласно Уставу Организации Объединенных Наций.

Таким образом, *принятием* определения агрессии предполагалось оказать сдерживающее влияние на потенциального агрессора, что облегчало бы констатацию актов агрессии и осуществление мер для их пресечения, а также способствовало бы оказанию помощи жертве агрессии и ограждению ее прав и законных интересов. Кроме того, формулирование основных принципов в качестве руководства для определения агрессии необходимо с учетом всех обстоятельств и в каждом отдельном случае. Согласно статье 1 документа, агрессией является применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства, или каким-либо другим образом, несовместимым с Уставом ООН, как это установлено в настоящем определении, включая уместность понятия «группы государств» вне зависимости от членства их в ООН [9].

Согласно статье 2 документа применение вооруженной силы государством первым в нарушение Устава является *prima facie* свидетельством акта агрессии, хотя Совет Безопасности ООН может, в соответствии с Уставом ООН, сделать вывод, что определение того, что акт агрессии был совершен, не будет оправданным в свете других соответствующих обстоятельств, включая тот факт, что соответствующие акты или их последствия не носят достаточно серьезного характера [9].

Статья 3 «Определения агрессии» 1974 года содержит приблизительный перечень актов агрессии, включая понятия соучастия и косвенной агрессии, отмечая, что любое из перечисленных действий, независимо от объявления войны, в соответствии с положениями статьи 2 документа, будет квалифицироваться в качестве акта агрессии:

а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения

или нападения, или любая аннексия с применением силы территории другого государства или части ее;

b) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства;

c) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства;

d) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы либо морские и воздушные флоты другого государства;

e) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращению действия соглашения;

f) действие государства, позволяющего, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другому государству, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства;

g) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам, или его значительное участие в них.

Вышеприведенный перечень актов не является исчерпывающим и Совет Безопасности ООН может определить, какие акты представляют собой акт агрессии согласно положениям Устава. По «Определению агрессии» никакие соображения любого характера, будь то политического, экономического, военного или иного характера, не могут служить оправданием агрессии и никакое территориальное приобретение или особая выгода, полученные в результате агрессии, не являются и не могут быть признаны законными. Ничто

в «Определении агрессии» 1974 года не должно толковаться как расширяющее или сужающее каким-либо образом сферу действия Устава ООН, включая его положения, касающиеся случаев, в которых применение силы является законным. При толковании положений «Определения агрессии» и ее применении следует учитывать их взаимосвязанность и контекст. Изложенные выше положения являются взаимосвязанными, и каждое положение должно рассматриваться в контексте всех других положений. Положения «Определения агрессии» 1974 года не могут каким-либо образом наносить ущерб вытекающему из Устава ООН праву на самоопределение, свободу и независимость народов, которые насильственно лишены этого права и о которых упоминается в Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом ООН, в частности народов, находящихся под господством колониальных и расистских режимов или под другими формами иностранного господства; а также праву этих народов бороться с этой целью и испрашивать и получать поддержку в соответствии с принципами Устава и согласно Декларации принципов международного права 1970 года. «Определение агрессии» объявляет агрессивную войну преступлением против международного мира, которое влечет ответственность согласно международному праву.

В практике Международного Суда ООН (МС ООН) в деле о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки, 27 июня 1986 г. (п. 197)) содержится подтверждение согласия государств со сложившимся в международном праве определением агрессии. В указанном решении МС ООН отмечено, что в случае индивидуальной самообороны осуществление этого права зависит от того, является ли соответствующее государство жертвой вооруженного нападения. МС ООН отметил, что в настоящее время, по-видимому, существует общее согласие относительно характера актов, которые могут рассматриваться как

составляющие вооруженные нападения. В частности, можно считать согласованным, что вооруженное нападение следует понимать как включающее не только действия регулярных вооруженных сил через международную границу, но также «засылку государством или от его имени вооруженных банд, групп, нерегулярных формирований или наемников, которые осуществляют акты вооруженной силы против другого государства такой серьезности, что они равносильны» (в частности) фактическому вооруженному нападению, осуществленному регулярными силами, «или его существенному участию в нем» [15]. Это описание, содержащееся в статье 3, пункте (g) «Определения агрессии» Резолюции 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН, может быть воспринято как отражающее обычное международное право. МС ООН не нашел оснований отрицать, что в обычном праве запрет на вооруженные нападения может применяться к отправке государством вооруженных банд на территорию другого государства, если такая операция, из-за ее масштаба и последствий, была бы определена как вооруженное нападение, а не как просто пограничный инцидент, если бы она была осуществлена регулярными вооруженными силами. Но он не считает, что понятие «вооруженное нападение» включает не только действия вооруженных банд, когда такие действия происходят в значительных масштабах, но также помощь мятежникам в форме предоставления оружия или материально-технической либо иной поддержки. Такая помощь, согласно решению МС ООН, может рассматриваться как угроза или применение силы, или быть равносильной вмешательству во внутренние или внешние дела других государств. МС ООН отметил, что именно государство, являющееся жертвой вооруженного нападения, должно заявить о том, что оно подверглось такому нападению. МС ООН отметил, что в обычном международном праве нет нормы, позволяющей другому государству осуществлять право на коллективную самооборону на основе своей собственной оценки ситуации. Когда применяется коллективная самооборона, следует ожидать, что государство, в интересах которого

используется это право, объявит себя жертвой вооруженного нападения [5]. То есть, если акт не представляет собой вооруженного нападения, применение силы в качестве самообороны, в том числе коллективное, является неправомерным.

Практика Международного Суда ООН нашла отражение в решении по делу о вооруженных действиях на территории Конго (Демократическая Республика Конго против Уганды; *Armed Activities on the Territory of the Congo, Democratic Republic of the Congo v. Uganda*) 2005 года на основе поданного 23 июня 1999 года Демократической Республикой Конго (ДРК) заявления о возбуждении дел против Бурунди, Уганды и Руанды «за акты вооруженной агрессии, совершенные <...> в грубое нарушение Устава Организации Объединенных Наций и Устава Организации африканского единства» [20]. Помимо прекращения предполагаемых актов, ДРК потребовала возмещения ущерба за акты преднамеренного разрушения и разграбления, а также реституции национальной собственности и ресурсов, присвоенных в пользу соответствующих государств-ответчиков. После устных слушаний в апреле 2005 года суд вынес свое решение по существу 19 декабря 2005 года. Сначала он рассмотрел вопрос о вторжении Уганды в ДРК. После изучения материалов, представленных ему сторонами, суд установил, что с августа 1998 года ДРК не давала согласия на присутствие угандийских войск на своей территории (кроме ограниченного исключения в отношении приграничного региона гор Рувензори, содержащегося в Луандийском соглашении). Суд также отклонил утверждение Уганды о том, что ее применение силы, когда оно не было охвачено согласием, было осуществлением самообороны, постановив, что предпосылок для самообороны не существовало. Действительно, незаконное военное вмешательство Уганды было такого масштаба и продолжительности, что суд счел его серьезным нарушением запрета на применение силы, изложенного в пункте 4 статьи 2 Устава Организации Объединенных Наций. Суд также постановил, что, активно оказывая военную, логистическую,

экономическую и финансовую поддержку нерегулярным силам, действующим на территории ДРК, Республика Уганда нарушила принцип неприменения силы в международных отношениях и принцип невмешательства. Затем суд перешел к вопросу об оккупации и нарушениях прав человека и гуманитарного права. Придя к выводу, что Уганда была оккупирующей державой в Итури в соответствующее время, суд заявил, что как таковая она была обязана, согласно статье 43 Гаагского положения 1907 года, принять все меры в своих силах для восстановления и обеспечения, насколько это возможно, общественного порядка и безопасности на оккупированной территории, соблюдая, если только это не было абсолютно запрещено, законы, действующие в ДРК. Этого сделано не было. Суд также посчитал, что у него есть достоверные доказательства, достаточные для вывода о том, что войска Народных сил обороны Уганды совершили нарушения международного гуманитарного права и права в области прав человека. МС ООН установил, что эти нарушения были приписаны Уганде. Международный Суд ООН 8 сентября 2020 года постановил провести экспертное заключение в соответствии с пунктом 1 статьи 67 своих Правил по некоторым видам ущерба, заявленного ДРК, а именно по потере человеческой жизни, потере природных ресурсов и ущербу имуществу. Постановлением от 12 октября 2020 года суд назначил четырех независимых экспертов для этой цели, которые представили отчет о возмещении ущерба 19 декабря 2020 года.

Совет Безопасности ООН в резолюции 573 от 4 октября 1985 года в ответ на жалобу Туниса против Израиля, который совершил акт агрессии против его суверенитета и территориальной неприкосновенности, что привело к многочисленным человеческим жертвам и огромному материальному ущербу, осудил акт вооруженной агрессии, требующий ответственности совершившего его государства [12]. В резолюции 577 от 6 декабря 1977 года СБ ООН выразил обеспокоенность многочисленными, неспровоцированными и неоднократными актами агрессии, совершаемыми расистским режимом Южной Африки и представляющими собой нарушения суверенитета, воздушного пространства и

территориальной целостности Народной Республики Анголы, повлекшими трагическую гибель людей, повреждение и уничтожение имущества, нарушение экономической инфраструктуры Анголы и ослабление поддержки, оказываемой ею в борьбе народа Намибии за свободу и национальное освобождение. В резолюции продолжающиеся, расширяющиеся и неспровоцированные акты агрессии против Анголы определены как угроза международному миру и безопасности, и СБ ООН просит государства – члены ООН в срочном порядке оказать всю необходимую помощь Народной Республике Анголе в целях укрепления ее обороноспособности, в том числе материальную для срочного восстановления ее экономической инфраструктуры, и требует, чтобы Южная Африка выплатила полную и надлежащую компенсацию за гибель людей и ущерб имуществу в результате актов агрессии [13].

В настоящее время разработка определения преступления агрессии и ответственности за нее связывается с Римским Статутом Международного уголовного суда 1998 года [11], что находит отражение в трудах отечественных и зарубежных специалистов. Важен анализ практики Специального трибунала по Ираку, статья 14 (с) которого содержит положение о «злоупотреблении служебным положением и проведении политики, которая может привести к угрозе войны или использования вооруженных сил Ирака против арабской страны, в соответствии со статьей 1 Закона № 7 от 1958 года с поправками» (“The abuse of position and the pursuit of policies that may lead to the threat of war or the use of the armed forces of Iraq against an Arab country, in accordance with Article 1 of Law Number 7 of 1958, as amended”) [26]. Анализ опыта государств, в том числе России, в определении агрессии согласно международному праву заслуживает отдельного рассмотрения [16].

Следует заключить, что в целом определение агрессии содержится в международном праве, в том числе в контексте понятий «нападение», «вооруженное нападение», «преступление против международного мира,

безопасности и человечности», и требует уточнения в каждом конкретном случае. Специалисты обращают внимание на необходимость уточнения определения явления относительно актов косвенной агрессии, включая возможность их совершения отдельными группами лиц, не связанных с деятельностью государства [22; 21; 1]. Вопросы продолжения работы относительно ответственности в случае совершения агрессии в международном и внутригосударственном праве продолжают сохранять свою актуальность. Сложившаяся практика при определении агрессии в международном праве требует устранения предвзятости в отношении явления и учета характера намерения стороны, умысел (*dolus*) [21]. В контексте вышеизложенного С.В. Черниченко приводит пример термина «политическая агрессия» [19, с. 296] и в этой связи предлагает дополнительное определение агрессии в международных отношениях. Речь идет об идеологической агрессии – «психологической подготовке нарушения мира», предпринимаемой в целях достижения такого результата, которого по каким-либо причинам нельзя получить путем вооруженной агрессии (например, вызвать дестабилизацию обстановки в стране), либо создания морально-политического климата, благоприятствующего последующей вооруженной агрессии. Идеологические меры давления можно в этом случае назвать информационным посягательством на безопасность жертвы посягательства, они создают угрозу миру [19, с. 291]. Одновременно С.В. Черниченко отмечает необходимость разработки более детального разьяснения пропаганды войны, включающего определение идеологической агрессии, в том числе применение определенных видов оружия массового уничтожения (ОМУ). В перечень актов, составляющих идеологическую агрессию, следует включить поддержку на государственном уровне террористической деятельности [19, с. 293–294]. К идеологической агрессии, по мнению С.В. Черниченко, стоит отнести и политические заявления, которые носят предвзятый характер, как, например, обвинение

государства в совершении агрессии в отношении другого государства [19, с. 295].

Вышеперечисленные аспекты во многом могут способствовать упрочению практики международно-правового регулирования системы международной коллективной универсальной и неделимой безопасности в целях добросовестного выполнения субъектами международного права, в первую очередь государствами, на основе общепризнанных принципов и норм международного права обязательств в отношении обеспечения (поддержания) международного мира и безопасности. Следует стремиться к тому, чтобы сделать более эффективной систему безопасности, основывающуюся на Уставе ООН согласно Декларации о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций 1970 года, содержащей толкование основополагающих принципов международного права [4].

Литература

1. *Глотова С.В.* Преступление агрессии: некоторые правовые проблемы определения в Нюрнбергском Уставе и Римском Статуте Международного уголовного суда // Московский журнал международного права. – 2017. – 106(2). – С. 87–96. – URL: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2017-106-2-87-96> (дата обращения: 10.01.2025).
2. *Гроций Г.* О праве войны и мира. Репринт. С изд. 1956 г. – М.: Ладомир, 1994. – 868 с.
3. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. – М.: Рус. яз.-Медиа, 2003. – 846 с.
4. Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 10.01.2025).

5. Дело о военной и военизированной деятельности в Никарагуа и против Никарагуа (Никарагуа против Соединенных Штатов Америки, 27 июня 1986 г. Судебное решение по существу спора (Case concerning military and paramilitary activities in and against Nicaragua (Nicaragua v. United States of America). Merits judgement of June 1986), п. 195. – URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/70/070-19860627-JUD-01-00-EN.pdf>____(дата обращения: 10.01.2025).
6. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Декларация о присоединении Союза ССР к Договору об отказе от войн, заключенному в Париже 27 августа 1928 года. [С переводом на русский язык] // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып V. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 февраля 1928 года и 1 июня 1929 года. – М.: НКВД, 1930. – С. 5–8. – URL: <http://www.docs.historyrussia.org> (дата обращения: 10.01.2025).
7. Конвенция об определении агрессии. Лондон, 4 июля 1933 г. – URL: <https://base.garant.ru/2540221/>(дата обращения: 10.01.2025).
8. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.). – URL: https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/?TSPD_101_R0=08765fb817ab20001c48c80601b5ee29a3ce7f7aabd34416acf1b1e15fa4a0dbb2afad9d039e7e79087146bb43143000c9bf27a509ba29c5bf2821271439dbdb95fc3518cd86ac6646264872caccf04b70b10f73fdaaf58f724cbab7086e878c (дата обращения: 10.01.2025).
9. Определение агрессии 1974 Утверждено резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1974 года. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/aggression.shtml (дата обращения: 10.01.2025).
10. Подтверждение принципов международного права, признанных Уставом Нюрнбергского трибунала. Резолюция ГА ООН 95 5(I), 11 декабря 1946 г. – URL: https://legal.un.org/avl/pdf/ha/ga_95-I/ga_95-I_ph_r.pdf (дата обращения: 10.01.2025).
11. Римский статут Международного уголовного суда. – URL: [https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute\(r\).pdf](https://www.un.org/ru/law/icc/rome_statute(r).pdf) (дата обращения: 10.01.2025).

12. СБ ООН рез. 573, 4 октября 1985 г. (S/RES/573 (1985). – URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/489/52/pdf/nr048952.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
13. СБ ООН рез. 577, 6 декабря 1985 г. (S/RES/577 (1985). – URL: <https://documents.un.org/doc/resolution/gen/nr0/489/56/pdf/nr048956.pdf> (дата обращения: 10.01.2025).
14. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. VIII Действующие договор, соглашения и конвенции, вступившие в силу после 1 января 1933 года. – М.: НКВД, 1935. – URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/nodes/138737-ctatut-ligi-natsiy-28-iyulya-1919-goda> (дата обращения: 10.01.2025).
15. Соглашение между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик, Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии и Временным Правительством Французской Республики о судебном преследовании и наказании главных военных преступников европейских стран оси 8 августа 1945 года. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/901737882?marker=7D20K3> (дата обращения: 10.01.2025).
16. Ст.353, ст.354 // Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 09.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 20.11.2024).
17. Устав ООН. – URL: <https://www.un.org/ru/charter-united-nations/index.html> (дата обращения: 10.01.2025).
18. *Фердросс А.* Международное право. – М.: Издательство иностранной литературы, 1959 – 652 с.
19. *Черниченко С.В.* Права человека, императивные нормы и базовые принципы международного права. Записки юриста-международника. – М.: Научная книга, 2021. – 424 с.
20. Armed activities on the territory of the Congo (Democratic Republic of the Congo v. Uganda). – URL: <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/case-related/126/126-20060203-JUD-01-00-EN.pdf>; <https://www.icj-cij.org/sites/default/files/summaries/summaries-2003-2007-ru.pdf>____(дата обращения: 10.01.2025).
21. *Cassese A.* International criminal law. – Oxford University Press, 2008. – 452 p.

22. *Cassese A. International law.* – Oxford University Press, 2005. – 558 p.
23. Declaration on Principles of International Law concerning Friendly Relations and Co-operation among States in accordance with the Charter of the United Nations (Declaration on Friendly Relations), 1970. – URL: <https://www.jus.uio.no/english/services/library/treaties/01/1-01/friendly-relations.html#history> (дата обращения: 10.01.2025).
24. The Peace Treaty of Versailles, signed June 28, 1919. Part I: The Covenant of the League of Nations. – URL: <https://www.ungeneva.org/en/about/league-of-nations/covenant> Pacte de la Societe des Nations https://libraryresources.unog.ch/ld.php?content_id=32971179 (дата обращения: 10.01.2025).
25. The Statute of the Iraqi Special tribunal. Dec.10, 2003. – URL: <https://www.legal-tools.org/doc/70f869/pdf/> (дата обращения: 10.01.2025).

Мозер А.Е.,

доктор исторических наук,
независимый исследователь и писатель,
преподаватель немецкого языка и координатор
русского языка и культуры в кантоне Цюрих, Швейцария.

Andrey E. Moser,

Doctor of Historical Sciences,
independent researcher and writer,
Coordinator of Russian Language and Culture
in the Canton of Zurich, Switzerland.
E-mail: andreas-moser@gmx.ch

ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ – ВЕРНЫЙ ПУТЬ К ВЗАИМОПОНИМАНИЮ⁶

THE STUDY OF LANGUAGES – THE BEST WAY FOR A MUTUAL UNDERSTANDING

Хотелось бы поблагодарить комитет конференции и Дипломатическую академию МИД России за возможность представить некоторые идеи.

После распада Советского Союза Запад давал обещания новой зарождающейся России в отношении либерализма, демократии, безопасности и сотрудничества. После невыполненных Западом обещаний России пришлось встать на свою защиту не только словами, но и делами.

Сегодня возрождающаяся, уверенная Россия уделяет должное внимание развитию русского языка как внутри страны, так и за рубежом, как это видно из соответствующего Указа Президента Российской Федерации от августа 2024 года [1; 4]. Он выделяет язык как одно из средств восстановления (или установления) взаимопонимания.

Ярким примером взаимопонимания через изучение языков могла бы служить сама Швейцария, которая как бы предназначена для консолидации в условиях многоязычия. Ведь по закону она поддерживает обучение и общение

⁶ Выражаю благодарность преподавателю русского языка и литературы вечерней народной школы Цюриха Маргарите Манукян Мозер за оказанную поддержку в написании этой статьи.

не только на четырех национальных языках, но и на языках иммигрантов, например обучение русских детей.

Требования Министерства образования кантона Цюрих

1. Требования Министерства образования кантона Цюрих

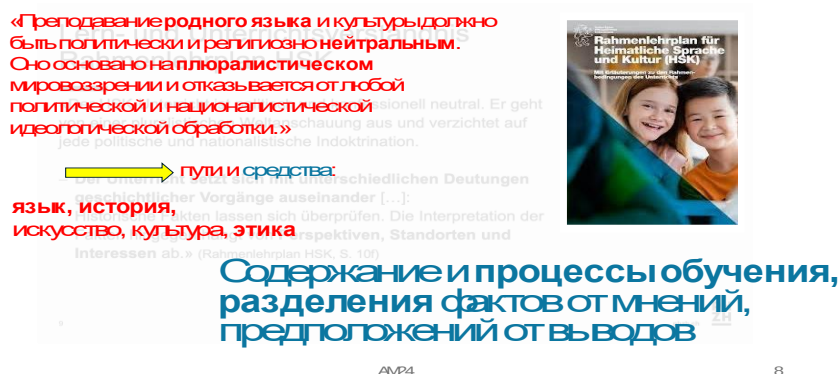

Рис. 1. Требования Министерства образования кантона Цюрих

Государство определяет для себя и для лиц, ответственных в системе обучения, что школы не должны быть идеологизированы. Прежде всего школа должна быть нейтральной и толерантной [6].

Что это значит? Конечно, чтобы понять суть, надо обратиться к фактам. Но отделяет ли государство *факты* от *мнений*? Разделяют ли это сами учащиеся? Эта центральная междисциплинарная компетенция разделения фактов от мнений подталкивает к поиску «истины». Школа оставляет развитие этой ментальной способности ученика на усмотрение преподавателей истории, этики, а также языков.

Как учитель я (как и ожидается от меня) обучаю молодых людей на уроках немецкого языка, например, тому, что такое винительный или родительный падежи. На самом деле речь идет не просто о грамматике, а о гораздо большем — о различных (наддисциплинарных или междисциплинарных) процессах обучения: язык используется для

формирования дифференцированного восприятия мира, идентичности человека и уважения к себе и к другим. Такое воспитание позволило бы подрастающему поколению мирно жить вместе. В этой связи вспомним известную фразу Иммануила Канта: «Собственная свобода ограничивается свободой других».

Как учитель на уроках истории я описываю развитие факта, которое приводит к событию. Я стараюсь научить своих учеников распознавать, что верно в журналистском расследовании, а что нет; что может быть фактом, а что является просто мнением (часто предвзятым) или интерпретацией, ведь доступ к правдивой фактовой информации во время войны затруднен. Я объясняю своим ученикам, что только тогда, когда источники «фактов» становятся доступными со всех сторон, появляется шанс на историческую истину. Тогда попытки заключить мир будут успешными, а результат – прочным. Мир с самим собой, мир друг с другом, мир с другой стороной, то есть с теми, кто думает иначе.

Как учитель на уроках этики я стараюсь описывать ценности разных религий и подчеркивать их значимость для нашей современной жизни. Но должен ли я вникать в вопросы разделения веры от знаний? Лучше нет. Не так ли? Этот вопрос лучше оставить на рассмотрение священнослужителей.

Из вышеприведенных рассуждений вытекает следующее: если основные предположения неверны, искажены, скрыты, то трудно прийти к правильным выводам. И сложно повести учеников по правдивому пути. Научить их не попадать в западню искажения – вот наша задача.

Каждое государство, предостерегая от дезинформации, само оказывает воздействие на распространение определенной точки зрения.

Иностранные державы, как предупреждает Федеральный совет Швейцарии в текущей рекомендации (рис. 2), стремятся «манипулировать восприятием, мышлением и действиями отдельных лиц, групп и обществ» [2; 6]. Согласно этому документу, прежде всего это делают Китай и Россия [2; 4]. Они якобы хотят «подорвать» доверие к швейцарским институтам и средствам

массовой информации, нанося тем самым вред демократическим процессам и национальной безопасности.

«Устойчивость» против таких установок у собственного народа можно выработать и укрепить посредством повышения степени «осведомленности, образования и медиаграмотности» [2, р. 11]. Благодаря всё еще высокому уровню жизни и системе образования, угроза «дезинформации» в отличие от других стран относительно невелика. Выбор слов «осведомленность» или «сенсбилизация» кажется несколько неудачным, так как в медицине аллергическую реакцию следует ожидать только после «сенсбилизации». А в межгосударственных отношениях Запад – Восток такая аллергия уже исторически существует с самого начала. Может, лучше говорить о политической «десенсбилизации» или «детоксикации»?

2. Рекомендации Комиссии безопасности Федерального Совета Швейцарии

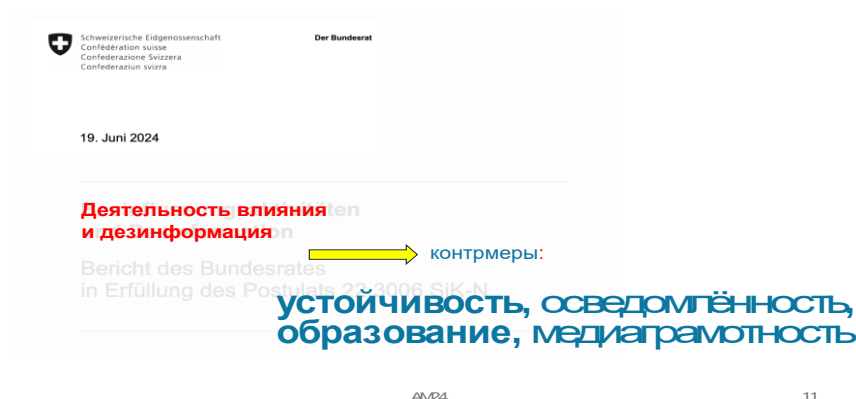

Рис. 2. Рекомендации Комиссии безопасности Федерального Совета Швейцарии

Личные познания из исследования предрассудков

Нам всем следовало бы научиться, что формирование общественного мнения никогда не происходит исключительно по национальным критериям внутри одной страны или нации, а всегда определяется под влиянием других и распространяется через границы, под влиянием стратегических партнеров и их интересов. Важно воспринимать, учитывать, согласовывать или корректировать

свои и чужие ценности и критерии, а также установить правила их взаимодействия.

Проведя исследовательскую работу, я знаю, что даже молодое федеральное государство Швейцария любило прибегать к негативному образу от чужого другого, чтобы выделить, отделить и укрепить себя, свою государственность (рис. 3) [4].

3. Личные познания из исследования предрассудков

Рис. 3. Личные познания из исследования предрассудков

Так было задолго до того, как Россия стала Советской или как началась специальная военная операция. Швейцария (или Европа) уже тогда создавала подобные образы, чтобы удовлетворить собственные потребности. Подобные стереотипы больше говорят о субъективности воспринимающей Швейцарии, чем о самом воспринимаемом объекте – России [5].

Заключение

Стереотипные образы о других странах глубоко укоренились в менталитете Швейцарии и других стран. Повышение уровня осведомленности означает не только проявление осторожности при общении с другими.

Повышение осведомленности – это попытка понять, что из представлений о России тогда и сейчас соответствует фактам, а что является лишь выражением мнения, страха или расхождением ценностей. Мы должны реагировать на страхи и раскрывать ценности и интересы для себя и для других.

В этом познании язык играет ключевую роль. Без умения слушать, мы не понимаем друг друга. Мы говорим мимо друг друга и выбираем неправильные решения и поступки. Без достаточно большого словарного запаса родного языка отсутствует способность дифференцированно воспринимать и уважать свой и чужой мир. Свобода выражения мнений, гарантированная конституцией, может и должна быть приближена к обязанности (или к вероятности) говорить правду. Через изучение иностранного языка незнакомые люди становятся более понятными друг друга и у них возрастает взаимное уважение. Нарративы исчезают или, по крайней мере, регулярно корректируются [3].

Если мы этому научимся сами и научим других, то школа будет не только толерантной и нейтральной, но и правдивой. Швейцария может внести позитивный вклад в эту «специальную языковую операцию». Как скромный учитель немецкого языка, координатор русского языка в школах и издатель маленьких полезных книг я стремлюсь к этому изо всех сил. Последний буклет как раз «О том, как научиться бороться с пропагандой» [3].

4. Общие выводы в пользу конференции

Рис. 4. Общие выводы в пользу конференции

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации «О Совете при Президенте Российской Федерации по реализации государственной политики в сфере поддержки русского языка и языков народов Российской Федерации». Указ No 716. Москва 22.08.2024.
2. Beeinflussungsaktivitäten und Desinformation, Bericht des Bundesrates in Erfüllung des Postulats 22.3006 der Sicherheitskommission des Nationalrates, Bern 19.06.2024.
3. *Graf M., Rand B.* Drei namens Wladimir, Vom Lernen im Umgang mit Propaganda, wortesekundant Verlag, Küsnacht 2024.
4. *Moser A.* Land der unbegrenzten Unmöglichkeiten. Das Schweizer Russland- und Russenbild vor der Oktoberrevolution, Chronos Verlag, Zürich 2006.
5. Nebelspalter, Humoristische Zeitschrift, verschiedene Jahrgänge, Zürich.
6. Rahmenlehrplan für heimatliche Sprache und Kultur (HSK), Bildungsdirektion des Kantons Zürich, Zürich 2023.

РАЗДЕЛ II. РЕГИОНАЛЬНЫЙ РАКУРС: КОНФЛИКТЫ И СОТРУДНИЧЕСТВО

PART II. REGIONAL PERSPECTIVE: CONFLICTS AND COOPERATION

Мариус Вакарелу,

доктор наук, преподаватель,

Национальная школа политических и

административных исследований, Бухарест.

Marius Vacarelu,

Lecturer, PhD (Administrative Sciences),

National School of Political and Administrative Studies, Bucharest.

E-mail: marius333vacarelu@gmail.com

СОТРУДНИЧЕСТВО РАДИ МИРА В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ: ОГРАНИЧЕНИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ

COOPERATION FOR PEACE IN THE EASTERN EUROPE: LIMITS AND OPPORTUNITIES

Very often, the educational process for children encounters a challenge in explaining the two concepts that are so prevalent in human history: peace and war. In fact, it is difficult to explain the necessity of peace when various types of books – both scientific and literary – discuss the idea of competition [3], which in certain contexts can escalate to the level of a small or large-scale war.

As they grow, children will learn more about peace and war, about competitions and their rules. In years to come, they will reach an intellectual maturity that will allow them to understand why peace is necessary, why competitions are always good if they are organized and refereed correctly, and also why war is an essential part of human history. It is precisely the understanding of these concepts, as well as the proportions between them, that will be useful for the adult – the former child – in choosing a profession, developing a career, and participating in the “goings-on of the fortress (community) in which they live”.

As children become adults, they learn more about the connection between geography and conflicts in a historical context [9]. Thus, careful observation will reveal that in certain geographical areas, conflicts are almost nonexistent, or if they do occur, they are resolved quickly – Central America being one of the best examples in this regard. In other parts of the world, however, conflict appears almost as a constant, with Asia and Europe leaving a strong historical imprint – resulting in different human psychology and significant dimensions of loss in human lives and resources wasted in wars that should have been avoided. In any case, maps speak for themselves, favoring certain geopolitical competitions [8], which people then expand to a scale that often exhausts entire countries demographically and economically for decades or even centuries.

A close look at history shows us that the greatest concentration of geopolitical strategy occurs only in Europe and Asia. As a result of this characteristic, a literature has flourished here that analyzes both the political figure and the development strategies of states in relation to the international context. From Sun Tzu to Kautilya, from Machiavelli to Clausewitz, the essential reading list for anyone wishing to have a substantial political career is dominated by European and Asian thinkers, reflecting the tumultuous history of the two continents [2].

Thus, we can say that a child will be educated not only in the spirit of their own country, but will inevitably be confronted with what the wise people of Europe and Asia have thought about the realm of state organization and politics. Therefore, we could say that there is an intellectual triumph of the two continents, albeit – what a pity – due to the numerous examples of harsh confrontations between empires or between smaller but fervent countries striving to achieve their geopolitical goals. Only in the 20th century did Europe register nearly 100 million deaths in the two world wars [5], not to mention their wounded, psychological traumas, and the destruction of property, etc. Unfortunately, the same Europe also experienced other conflicts in the 20th century, some of an internal nature (civil wars), which increased

the number of victims, and at the end of them, geopolitical supremacy shifted to the North American continent.

The effects of these brutal conflicts are largely irreparable, and it would be very useful for other continents experiencing demographic and partially geopolitical expansion to ensure they do not repeat the situations that led to the outbreak of two world wars, which in reality were more “European, with transcontinental extension”. Nevertheless, the amount of resources required today for a good life means that many states are not at peace, as they register deficits in this area of governance, and this can favor cross-border actions, in relation to military and electronic power, as well as existing geopolitical alliances.

Evidently, conflicts were not specific only to the 20th century; rather, the weapons were more lethal, and the leaders were closer to mental diseases, as number of deaths from their countries shows.

In Europe, significant conflicts have been recorded in every century, and starting from the 1500s, they were also waged on other continents, at least by the powers with direct access to the Atlantic Ocean. The eastern part of the continent – conventionally, this includes the countries with Slavic languages, the Baltic States, along with Albania, Greece, Romania, and Turkey [12] – was limited in its geographical size by a special arrangement of the mountains and seas of the area, as well as by a technological backwardness in economy and armament, which meant that confrontations occurred only on their territory, and not in the Americas, Asia, or Africa.

The geographical limitations of the area have led to heightened rivalries and a smaller space for action, resulting in more intense confrontations. In fact, a historical analysis of the last 300 years shows that Eastern Europe has experienced the most open geopolitical confrontations (wars), with the longest duration over time, and – sadly – with the highest number of casualties, more than five times greater than in the western part of the continent [10]. Furthermore, in both world wars, the highest number of casualties occurred in Eastern Europe, the duration of the confrontations

was longer than in the west, and in both cases, the conflict began in one of the countries in this part of the continent.

In reality, in both cases, the fighting started because the Germanic and Slavic spaces clashed from the outset, raising questions about what geopolitical supremacy means in continental Europe, while the Euro-American western space intervened a few months later, engaging in battles across multiple continents. As a result of these confrontations predominantly taking place in Eastern Europe, the economies of these countries were more severely affected, the destruction of property occurred at a greater scale than in the west of the continent, urban development and civil infrastructure were of lower quality and less extensive [11], and life expectancy was significantly reduced [6].

The problem in the region stems from the intense geopolitical rivalries of several countries that have been empires for decades or even centuries. More seriously, these empires reached their maximum extent in Eastern Europe, failing to expand into the western part of the continent. As a result, entire regions have belonged to one empire or another for decades or centuries, or to a country that managed to reclaim them after many years. This leads to overlaps in school textbooks, which in turn become a source of eternal claims or geopolitical disputes that, in tense moments, can escalate to a boiling point and ultimately result in very concrete wars, usually ending with negative outcomes for the entire region.

School textbooks must teach children the truth about their countries, but they have another mission: to educate them – or bring them closer to wisdom. Countries do not operate in a vacuum; their actions are not always correct and certainly not always successful. However, it is a mistake not to educate young people in understanding what has been right and what has been wrong, because: 1) today's children will be tomorrow's political decision-makers, and 2) we cannot always blame neighboring or enemy countries for the negative situations in our lives.

Fundamentally, no one is born a king or a world chess champion, we all have approximately the same weight, we do not know how to speak any language, we

cannot sing or read, but that does not prevent us from accumulating knowledge over time that can make us champions at the Olympic Games. All this knowledge enters our brains through study and effort, and that is why it is necessary for states to educate future adults in the sense of truth, no matter how unpleasant it may be. Otherwise, we will find ourselves in the situation of a lung patient who is not forbidden to smoke because we do not tell him what illness he suffers from: and states have suffered from internal diseases – namely, poor-quality leaders – and the effects of their leadership manifest not once every few decades or even longer, in certain countries.

Major technological transformations typically bring about changes in geopolitics, and in this regard, Eastern Europe is an exemplary space where these changes have been observed throughout history [1]. Thus, the emergence of certain categories of weapons after the 1850s was tested in the wars of the Habsburg Empire (1866) and the Ottoman Empire (1877 and 1912); military transformations and advancements in communication technology had significant effects during the Cold War, among others. The emergence and development of Artificial Intelligence technologies can lead to geopolitical changes [7], and countries in Eastern Europe must carefully analyze their own history, keeping in mind that centuries of harsh confrontations have left behind many vulnerabilities.

A portion of the population is no longer willing to die for leaders or the state, but rather for the well-being of their own pockets and families. In this context, the mission of political leaders is somewhat eased, as the historical memory of these countries is very vivid, and people are well aware that only competition based on work and peace brings about the real progress of homes and families.

Countries in Eastern Europe must first be aware that the major confrontations they were involved in during the 19th and 20th centuries were based on a period of demographic growth, which no longer exists today. In this sense, cold, economic calculations must prevail, especially since most countries in this region only reach the threshold of 20,000 nominal dollars per capita in a few cases, while in the western

part of the continent, levels are at least 40,000 dollars [4]. Economic reasoning is not always sophisticated; it is not spectacular or memorable in poems and legends, but it is real and promotes cooperation.

Europe today is no longer the continent that decides everything that happens in the world, as more than two hundred years of confrontations have demographically weakened a space that still possesses a certain civilizational unity, capable of maintaining a form of cooperation among countries regardless of the will of political leaders. Nevertheless, Europe must avoid the mistakes that have allowed other continents to impose part of their will on countries that have set the tone in culture and science for hundreds or thousands of years, because in the current technological context, the effects would be impossible to eliminate. Since Eastern Europe has had its share of initiative and involvement in the aforementioned conflicts, it is necessary for this lesson to be accompanied daily by the reading of statistics regarding the standard of living, so that the countries in this geopolitical space can reach the place they deserve in the great global equation of the future.

References

1. *Arnold D.* Europe, technology, and colonialism in the 20th century // *History and Technology*. – 2005. – Vol. 21:1. – P. 85–106.
2. *Chandrasekaran P.* Kautilya: politics, ethics and statecraft // *MPRA Paper*. – 2008. – Vol. 9962. – P. 1–22.
3. *Levey Friedman H.* Playing to Win. Raising Children in a Competitive Culture. – Oakland, 2013. – 355 p.
4. GDP per capita, current prices, 2025. – URL: <https://www.imf.org/external/datamapper/NGDPDPC@WEO/OEMDC/ADVEC/WEOWORLD> (accessed: 29.01.2025).
5. *Houdaille J.* Les pertes de guerre, civiles et militaires en Europe depuis 1814 selon un démographe soviétique // *Population*. – 1973. – Vol. 3. – P. 668–673.
6. *Jasilionis D., Meslé F., Vallin J.* Is East-West Life Expectancy Gap Narrowing in the Enlarged European Union? // *Comparative Population Studies*. – 2023. – Vol. 48. – P. 523–552.
7. *Indermit G.* Whoever leads in artificial intelligence in 2030 will rule the world until 2100 // *Brookings Institute Commentary*. – 2020. – URL:

- <https://www.brookings.edu/articles/whoever-leads-in-artificial-intelligence-in-2030-will-rule-the-world-until-2100/> (accessed: 29.01.2025).
8. *Marshall T.* Prisoners of Geography: Ten Maps That Tell You Everything You Need to Know About Global Politics. – London, 2015. – 354 p.
 9. *Miller S., Tir J., Vasquez J.* Geography, Territory, and Conflict // Oxford Research Encyclopedia of International Studies. – 2020. – URL: <https://oxfordre.com/internationalstudies/view/10.1093/acrefore/9780190846626.001.0001/acrefore-9780190846626-e-320> (accessed: 29.01.2025).
 10. *Morys M.* Has Eastern Europe Always Lagged Behind the West? Historical Evidence from Pre-1870 // Review of Income and Wealth. – 2022. – Vol. 68 – P. 3–21.
 11. *Taubenböck H., Gerten C., Rusche K., Siedentop S., Wurm M.* Patterns of Eastern European urbanisation in the mirror of Western trends – Convergent, unique or hybrid? // Environment and Planning B: Urban Analytics and City Science. – 2019. – Vol. 46 (7). – P. 1206–1225.
 12. *White S., Batt J., Lewis P.G.* (eds) Developments in Central and East European Politics 2. – London, 1998. – 321 p.

Деньщиков А.Л.,
кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Alexander L. Denshikov,
Ph.D. in Political Sciences,
Diplomatic Academy, Russian Ministry of Foreign Affairs, Moscow.
E-mail: alexander.denshchikov@gmail.com

ПРОБЛЕМАТИКА НОВЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ В КНР

NEW SECURITY CHALLENGES AND THREATS: CHINESE PERCEPTIONS

В сфере борьбы с терроризмом Китай поддерживает положения универсальных антитеррористических конвенций и Глобальной контртеррористической стратегии ООН, выступает за оказание содействия развивающимся странам в укреплении их антитеррористического потенциала на законодательном, судебном и правоохранительном уровнях во избежание возникновения вакуума безопасности. К важным предпосылкам для искоренения терроризма здесь относят увеличение международными экономическими институтами инвестиций в образование, продовольственную безопасность, общественное здравоохранение и другие сферы жизнеобеспечения в государствах третьего мира.

На площадке Глобального контртеррористического форума (ГКФ) Китай продвигает созвучные с российскими позиции: ГКФ должен оставаться неформальной и деполитизированной площадкой, нацеленной на практическую реализацию в первую очередь Глобальной контртеррористической стратегии ООН и профильных резолюций ее Совета Безопасности. Китай поддерживает деятельность Комитета СБ ООН 1267/1989/2253 по ИГИЛ и «Аль-Каиде», видя в нем практическую возможность продвигать согласованное и по-настоящему глобальное видение борьбы с терроризмом в противовес западным установкам

в этой области. В то же время многостороннее сотрудничество зачастую наталкивается на разногласия между Пекином и Нью-Дели, усугубляемые неоднократным блокированием китайской стороной индийских заявок на листирование граждан Пакистана, подозреваемых в осуществлении террористической деятельности.

В КНР исходят из первостепенной необходимости консолидации международных усилий по подрыву финансовых основ терроризма. Рассматривая Группу разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег в качестве наиболее влиятельной структуры в этой сфере, Китай присоединился к ней в 2007 году. Органом государственной власти, ответственным за борьбу с отмыванием денег и финансированием терроризма, назначен Народный банк Китая, подразделения которого обладают полномочиями по мониторингу и проверке подозрительных денежных переводов, в том числе на предмет финансирования экстремистских организаций.

КНР принимает активное участие в работе органов ООН в сфере наркоконтроля – Комиссии по наркотическим средствам, Управления по наркотикам и преступности и Международного комитета по контролю над наркотиками. Китай противодействует попыткам пересмотра действующего глобального режима контроля за наркотиками и выступает за неукоснительное соблюдение антинаркотических ооновских конвенций.

На площадке Шанхайской организации сотрудничества Китай выступает за формирование устойчивой архитектуры региональной безопасности в Евразии. В этом контексте отводится важная роль обновленной Программе сотрудничества в противодействии терроризму, сепаратизму и экстремизму на 2025–2027 гг. и Антинаркотической стратегии ШОС на 2024–2029 гг. Китайская сторона выступает за нахождение взаимоприемлемых развязок в интересах скорейшей реализации Решения СГГ ШОС о совершенствовании механизмов противодействия вызовам и угрозам безопасности государств – членов ШОС от 17 сентября 2021 г., поддерживая рассмотрение всех

национальных инициатив в этой сфере (Россия – учреждение на базе Региональной антитеррористической структуры (РАТС) ШОС в Ташкенте Универсального центра по противодействию вызовам и угрозам безопасности; Казахстан – создание на основе РАТС Центра информационной безопасности; Киргизия – открытие на базе РАТС Центра по противодействию международной организованной преступности в Бишкеке; Таджикистан – создание Антинаркотического центра ШОС в Душанбе в качестве отдельного постоянно действующего органа).

В Пекине в целом удовлетворены результатами деятельности Рабочей группы БРИКС по антитеррору (РГАТ). В целях консолидации усилий на данном направлении китайцы предлагают наращивать практическое сотрудничество между правоохрнительными структурами и органами безопасности стран объединения по таким направлениям, как противодействие трансграничному перемещению террористов, борьба с финансированием боевиков и использованием ИКТ в преступных целях.

В КНР рассматривают терроризм, этнический сепаратизм и религиозный экстремизм в качестве главных угроз государственной безопасности, способных дестабилизировать обстановку в стране. В соответствии с местным законодательством к организациям террористической и экстремистской направленности относятся: «Исламское движение Восточного Туркестана» (ИДВТ), «Организация освобождения Восточного Туркестана», «Всемирный уйгурский конгресс» и «Информационный центр Восточного Туркестана». Их усилия направлены на отделение Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) от Китая и создание исламского государства Восточный Туркестан.

По данным китайских спецслужб, наибольшую угрозу безопасности КНР на внешнем периметре представляет ИДВТ, силы которого активно действуют в идлибской зоне в Сирии, граничащей с Турцией, откуда движение получает материально-финансовую поддержку (функционируют т.н. «уйгурские гетто»,

существующие по схеме концентрированного проживания, закрытого управления, строгого контроля входа и выхода).

По оценкам Министерства общественной безопасности (МОБ) КНР, одной из наиболее проблемных тем в отношениях с Афганистаном остается вопрос использования его территории (преимущественно провинций Баглан и Сари-Пуль) для подготовки и дальнейшей отправки боевиков из САР в Центральную Азию, Пакистан и реже в саму КНР. Кроме того, члены ИДВТ осуществляют скрытую переброску сил в пограничный с СУАР Ваханский коридор, где пытаются осуществлять атаки на объекты китайских интересов.

Как полагают в Пекине, ИДВТ гибко адаптируется к новым реалиям, постоянно совершенствует систему внутреннего управления и по-прежнему обладает обширными возможностями не только для восстановления боеспособности, но и для наращивания террористической активности.

На внутреннем контуре китайским правоохранителям в целом удастся эффективно бороться с деятельностью радикальных формирований, что позволяет существенно снизить степень теругрозы в целом. Так, с февраля 2017 года в Китае не было зафиксировано ни одного теракта.

КНР уделяет значительное внимание совершенствованию нормативно-правовой базы, затрагивающей вопросы противодействия терроризму и экстремизму. В основе законодательства в данной сфере – Закон КНР о борьбе с терроризмом 2015 г. (в редакции 2018 г.). Согласно указанному нормативно-правовому акту, в систему субъектов борьбы с терроризмом включены Министерство общественной безопасности, Министерство государственной безопасности, Народно-освободительная армия, Народная вооруженная полиция, Народное ополчение, Верховная народная прокуратура, Верховный народный суд и другие учреждения. Координацию межведомственного взаимодействия вышеупомянутых структур обеспечивает Контртеррористический комитет Китая. Партийный контроль за деятельностью правоохранительной системы в целом осуществляет Политико-юридическая

комиссия ЦК КПК. Высшим партийным органом, вырабатывающим решения в соответствующей сфере, является Комиссия ЦК КПК по государственной безопасности.

Регионы страны имеют полномочия на принятие дополнительных правовых актов в рассматриваемой сфере. Так, в наиболее напряженном с точки зрения безопасности Синьцзян-Уйгурском автономном районе с 2017 года действует свод правил по борьбе с экстремизмом, который предоставляет властям широкие полномочия по профилактике соответствующих правонарушений и поддержанию социальной стабильности. В числе запретов: распространение среди населения террористических и экстремистских идей в какой-либо форме, насильное приобщение к религии и исполнению религиозных обрядов, ограничение прав детей на получение образования в государственных учреждениях.

Важное направление профилактической деятельности – взаимодействие с религиозными общинами страны через действующие патриотические ассоциации. Особое внимание уделяется мусульманской умме. В частности, до лидеров мусульман доводится, что верующие должны исповедовать «правильный ислам». Делается упор на «китаизацию ислама» (адаптация к местным реалиям и особенностям), в том числе посредством правильного перевода и верного трактования священных книг, подготовки грамотных специалистов-проповедников, патриотического воспитания масс верующих и т.д.

В сфере государственного наркоконтроля традиционно напряженной остается ситуация в южных провинциях КНР, граничащих с т.н. регионом «золотого треугольника» (Лаос, Мьянма, Таиланд). К концу 2023 года общее количество официально зарегистрированных здесь граждан, употребляющих наркотические средства, составило 4,975 млн человек.

Нормативно-правовую основу регулирования отношений в области обеспечения информационной безопасности составляют сводные законы

«О сетевой безопасности» (вступил в силу 1 июня 2017 г.) и «О безопасности данных» (вступил в силу 1 сентября 2021 г.), закрепившие в качестве ключевого принципа «защиту национального суверенитета в киберпространстве».

В целях пресечения распространения противоправной информации на территории Китая сохраняется жесткий контроль за выпуском печатной продукции и публикациями в интернете. Заблокирован доступ к таким ресурсам, как «Гугл», «Ютуб», «Твиттер», «Фэйсбук», мессенджерам «Вотсап», «Телеграм», «Вайбер», а также к сайтам, материалы которых идут вразрез с политикой центрального правительства и местных властей.

Китайские эксперты полагают, что для эффективного выявления и противодействия деятельности международных террористических организаций требуется выстроить единый глобальный международно-правовой механизм и согласовать подходы различных стран. Кроме того, с учетом влияния транснациональных IT-компаний и медиакорпораций, необходимо укреплять сотрудничество между правительствами и негосударственными субъектами.

В Пекине уделяют серьезное внимание укреплению координации с другими государствами в сфере борьбы с трансграничной преступностью. Компетентные органы КНР в целом жестко ведут борьбу с транснациональными преступлениями в сфере азартных игр и функционирования незаконных казино.

Маслакова-Клауберг Н. И.,
доцент, старший научный сотрудник,
Университет мировых цивилизаций, Москва.

Natalia I. Maslakova-Klauberg,
Ph.D., Assistant professor,
Senior researcher, University of World Civilizations, Moscow.
E-mail: mnleo@mail.ru

ИЗРАИЛЬ И ИРАН: ИСТОКИ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОКСИ- КОНФЛИКТА

THE MIDDLE EAST IN MODERN GEOPOLITICS: ESCALATION OF THE CONFLICT BETWEEN ISRAEL AND IRAN

В современной геополитике развивающийся прокси-конфликт между Израилем и Ираном вызывает особую обеспокоенность у большинства стран в мире. Многие политики считают, что он может не только спровоцировать «большую войну» на Ближнем Востоке, но послужить началом третьей мировой войны в XXI веке. Оценки российских и зарубежных ученых и экспертов сходятся в одном – опасную черту в этом конфликте оба государства уже перешагнули, а перспективы дальнейшего его развития остаются до сих пор туманными.

В чем состоит суть конфликта между Израилем и Ираном, которые являются ключевыми игроками на Ближнем Востоке и от которых зависит геополитическая стабильность и безопасность в этом важном регионе мира?

Прежде всего следует отметить, что Ближний Восток является самым древним в мировой истории, его нередко называют «колыбелью человечества». Здесь, на землях Месопотамии, появились первые древнейшие государственные образования – Аккад и Шумеры. Ближневосточный регион является также родиной двух крупнейших авраамических религий – христианства и ислама.

В целом Ближний Восток представляет собой сложное переплетение тысячелетних исторических событий, в том числе библейских и коранических. Регион представляет многообразие этнокультурных и религиозных традиций стран, входящих в него.

Современный геополитический конфликт между Израилем и Ираном следует рассматривать через призму исторического прошлого обоих государств, а также религиозного наследия.

Иран и Израиль до Исламской революции в Иране в 1979 году считались союзниками, которых связывали тесные экономические отношения и общее противостояние арабским странам региона. С приходом к власти аятоллы Хомейни Иран стал выстраивать политику на основе противостояния сионизму, в результате были разорваны отношения с Израилем.

Современный прокси-конфликт между двумя странами продолжается с начала 1980-х годов. В него вовлечены спецслужбы Ирана и Израиля, а также другие игроки – Ирак, Сирия, Ливан, Палестина и Йемен.

Кроме того, в период происходящей трансформации мировой политической системы у многих государств были реанимированы национально-государственные исторические идеи и лозунги, которые стали частью их внешнеполитического курса. В большинстве своем эти идеи базируются на историческом «великом прошлом». Так, в Польше получил распространение лозунг «Великая Польша – от моря до моря», а Турция стремится стать «центром тюркских народов». И таким примеров можно привести много.

Для анализа конфликта между Израилем и Ираном следует исследовать их историческое прошлое.

Государство Израиль, созданное в 1948 году на основании Резолюции Генеральной Ассамблеи ООН № 181, является еврейским государством. В Декларации независимости Израиля, ратифицированной 14 мая 1948 года, говорится: «Мы провозглашаем создание еврейского государства в Эрец-Исраэль», «... государство, которое будет названо Израиль». Это событие стало

знаковым для евреев во всем мире, поскольку сбылась многовековая мечта о создании независимого еврейского государства на Земле обетованной. Современный Израиль позиционирует себя как центр иудаизма, являясь многонациональным и демократическим государством (парламентская республика). Следует также отметить этнокультурное разнообразие Израиля: 76,9% составляют евреи, 21% – арабы и 2,1% – другие национальности.

Евреи рассматривают «Землю Израиля» как историческую родину, обещанную Богом ветхозаветным патриархам, начиная с Авраама как родоначальника еврейского народа. Начиная с эпохи Второго храма (516 г. до н. э.) понятие «Земля обетованная» стала синонимом Эрец-Исраэль.

На протяжении многих веков, начиная с VIII века до н. э., эта территория оказывалась под властью многих государств: Ассирии, Вавилона, империи Ахеменидов, Македонии и др. С 63 года до н. э. Иудея являлась вассалом Рима и представляла собой римскую провинцию. В Средние века территория Израиля оказалась завоеванной турками-османами во главе с султаном Селимом I. В течение 400 лет, вплоть до 1917 года, земли Израиля были частью Османской империи. Евреи получили особый статус «зимми», что означал «тот, кто согласен жить по шариату». Тем не менее они имели относительную гражданскую и религиозную свободу, поскольку считались «народами Писания».

Здесь следует отметить, что христиане и мусульмане имеют общего праотца Авраама, сыновья которого Исаак и Измаил были фактически двоюродными братьями. В этой связи войны между христианами и мусульманами можно также отнести к «братоубийственной войне».

Во время Первой мировой войны территория Израиля была освобождена британскими войсками и в 1917 году была принята Декларация Бальфура (министра иностранных дел Великобритании), в которой отмечалась благосклонность Британии к «восстановлению национального очага для еврейского народа в Палестине». Лига Наций вручила Великобритании в 1922

году специальный мандат на Палестину с целью «установления в стране политических, административных и экономических условий для образования еврейского национального дома». Лишь после Второй мировой войны удалось создать независимое еврейское государство согласно плану ООН. Однако это вызвало недовольство пяти арабских стран (Сирии, Египта, Ливана, Ирака и Трансиордании), которые объявили Израилю войну. В результате Арабо-израильской войны (1948–1949 гг.) было достигнуто соглашение о создании демаркационной линии, т.н. «зеленой черты». Государство Израиль получило международное признание и официально стало членом ООН.

В 1947 году ООН на Генеральной Ассамблее приняла план раздела Палестины на два государства: еврейское и арабское. Активную роль в этом сыграли США и СССР. Однако арабское государство так и не было создано. Сектор Газа был оккупирован Египтом, а часть территории Иудеи, Самарии и Восточный Иерусалим были аннексированы Трансиорданией.

США рассматривают Государство Израиль как своего стратегического партнера на Ближнем Востоке. В 2017 году США даже вышли из ЮНЕСКО из-за «антиизраильской предвзятости» Организации. Сам Израиль вышел из членства в ЮНЕСКО в 2018 году. Президент США Д. Трамп активно демонстрировал поддержку Израиля и в 2017 году пошел на беспрецедентный шаг, объявив о признании Иерусалима столицей Израиля, что привело к резкой критике со стороны мировых лидеров и ООН. Страны ЕС подтвердили свою позицию о приверженности к созданию палестинского государства со столицей в Восточном Иерусалиме. Вопрос перенесения дипломатических представительств в Иерусалим так и не получил одобрения у большинства государств – членов ООН.

Таким образом, Израиль в своей внешней политике позиционирует себя как союзника США на Ближнем Востоке, проводя при этом самостоятельную политику. Об этом свидетельствуют события 2024 года, когда в своей военной

активности в секторе Газа Израиль не стал прислушиваться к мнению своего «сильного покровителя».

Иран (Персия – до 1935 г.), в отличие от Израиля, является одним из древнейших государств в мире, его история насчитывает почти 5 тыс. лет. С древних времен Персия играла ключевую роль на Ближнем Востоке и входила в число сильнейших государств вплоть до XVIII века. Кроме того, Иран считается центром шиитского ислама в мире. После Исламской революции в 1979 году Иран занял антиамериканскую позицию, стремясь защитить свой национальный суверенитет, в том числе в энергоресурсах. Санкционный режим США и ряда европейских стран так и не смог сломить позиции Ирана. В современной ситуации роль Ирана на Ближнем Востоке повышается с учетом происходящей трансформации в международных отношениях.

Основными причинами конфликта между Ираном и Израилем служат «глубинные вопросы», связанные с историческими и религиозными противоречиями.

Так, иранская сторона считает Израиль нелегитимным государством, поскольку, по мнению Ирана, евреи являются лишь религиозной конфессией, а не народом. Кроме того, иранцы оспаривают принадлежность современных евреев к потомкам Авраама. В целом Иран рассматривает Израиль как проявление империалистической политики Запада по отношению к исламским народам Востока, а значит, это государство считается враждебным. Иранская сторона также обвиняет Израиль в уничтожении и осквернении мусульманских святынь.

В свою очередь, Израиль заявляет об иранском экспансионизме и обвиняет Иран в поддержке террористических организаций. Израильские политики считают, что ядерный арсенал Ирана может привести к бесконтрольному распространению такого оружия на Ближнем Востоке.

Несмотря на то что Израиль и Иран обменялись «показательными ударами», большой конфликт в настоящее время маловероятен. Для его

продолжения необходима комплексная подготовка обеих сторон, включая международную поддержку западных стран во главе с США и одобрение ведущих стран Ближневосточного региона. Война – дело не только опасное, но и очень дорогое. К военному сценарию на Ближнем Востоке большинство стран совсем не готово. То, как будут развиваться события в дальнейшем, будет зависеть уже от новоизбранного президента США в ноябре 2024 года. Однако на Ближнем Востоке по-прежнему будет сохраняться напряженная ситуация, что становится уже привычным делом.

Литература

1. Враг моего врага – мой друг. Почему Иран и Израиль забыли о дружбе и стали злейшими врагами, готовыми начать войну? // Lenta.ru. 17.04.2024. – URL: <https://lenta.ru/articles/2024/04/17/isr-iran/> (дата обращения: 31.04.2025).
2. Звягельская И.Д., Морозов В.М. Израиль — Иран: балансирование на грани? – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/izrail-iran-balansirovanie-na-grani> (дата обращения: 31.04.2025).
3. Израиль vs Иран – следующий акт ближневосточной драмы? 26.12.2024 // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/izrail-vs-iran-parsi/> (дата обращения: 31.04.2025).
4. Иран – Израиль: текущая ситуация и перспективы развития // Россия в национальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/iran-izrail-satanovskij/> (дата обращения: 31.04.2025).
5. Иран и Израиль: текущая ситуация и перспективы ее развития. 22.08.2024 // Россия в глобальной политике. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/iran-izrail-satanovskij/> (дата обращения: 31.04.2025).
6. Месамед В.И. Иран – Израиль: от партнерства к конфликту / В.И. Месамед; Ин-т Ближнего Востока. – Москва: Ин-т Ближнего Востока, 2009. – 375 с.

Гуселетов Б. П.,

доктор политических наук,

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва,

Ташкентский государственный юридический университет, Ташкент.

Boris P. Guseletov,

Doctor of Political Sciences,

The Institute of Social and Political Studies, FCTAS, RAS, Moscow,

The Tashkent State University of Law, Tashkent.

E-mail: bguseletov@mail.ru

ЦЕНТРАЛЬНО-АЗИАТСКИЙ РЕГИОН: КАМО ГРЯДЕШИ

CENTRAL ASIA REGION: QUO VADIS

Тема дальнейшего развития Центрально-Азиатского региона (ЦА) и его взаимодействия с другими мировыми акторами, в первую очередь с Россией, затрагивает ключевые вопросы международных отношений, геополитики и экономического сотрудничества в регионе ЦА. Она представляет собой сложный, многослойный и актуальный вопрос, который требует внимательного анализа с учетом исторических, экономических и культурных аспектов. ЦА занимает стратегически важное положение на пересечении Европы, Азии и Ближнего Востока, и отношения между Россией и этими странами имеют множество аспектов [2].

Перспективы политического диалога между Россией и странами ЦА в последние годы выглядят многообещающими, но при этом подвержены различным вызовам.

Исторический контекст

Исторически страны ЦА (*Казахстан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Узбекистан*) и **Россия** имели множество экономических, культурных и политических связей. После распада СССР в 1991 году страны ЦА стали независимыми государствами, которые начали самостоятельно

отстраивать свои внешнеполитические стратегии. Но они сохранили многие экономические и политические связи с Россией, которая по-прежнему играет ключевую роль в регионе как исторический партнер и стратегический союзник, продолжает быть важным экономическим, культурным и политическим партнером для большинства этих стран, а также имеет большое значение в обеспечении безопасности в регионе [8].

Экономическое сотрудничество стран ЦА с другими мировыми акторами

ЦА остается регионом, в котором пересекаются интересы ряда великих держав. Помимо РФ, на ситуацию в регионе влияют Китай, США, Турция и в меньшей степени страны ЕС. Китай активно инвестирует в экономику ЦА, особенно через проекты, связанные с инициативой «Пояс и путь». В свою очередь, США и страны НАТО также проявляют интерес к региону, в частности, в контексте борьбы с терроризмом и наркотрафиком.

Россия

Экономические интересы являются основным фактором, способствующим развитию политического диалога. РФ остается одним из главных торговых партнеров для стран ЦА, а также крупным инвестором. ЦА предоставляет рынки сбыта для российской продукции, а также ресурсы, такие как нефть, газ и редкоземельные металлы. Сюда входит и экспорт энергоресурсов, продуктов сельского хозяйства и других товаров [4].

Кроме того, *миграция рабочей силы из ЦА в РФ* создает дополнительные экономические связи и взаимозависимости. Миллионы граждан стран ЦА работают в России, что влияет на экономику обоих регионов, особенно в сферах строительства, сельского хозяйства и сервиса. Эти мигранты также являются важным источником денежных переводов в свои страны. В качестве примера можно привести рабочие миграционные потоки из Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана.

Россия и страны ЦА имеют значительный потенциал для расширения экономических связей. Проекты в области энергетики, транспорта и инфраструктуры могут стать основой для углубления политического диалога [1].

США

Факторы, способствующие развитию диалога между странами ЦА с США. ЦА является важным регионом в геополитических интересах США, особенно в свете растущего влияния РФ и КНР в регионе. США заинтересованы в развитии экономического сотрудничества с ЦА, а также в поддержке демократических реформ и улучшении ситуации с правами человека в Центральной Азии. Страны ЦА являются важными партнерами США в борьбе с терроризмом и экстремизмом [7; 5].

ЕС

Экономическое сотрудничество и политический диалог между странами Центральной Азии и ЕС развивается динамично и обладает значительным потенциалом [10].

К факторам, способствующим развитию этого сотрудничества, можно отнести следующие:

— ЦА расположена на пересечении важнейших торговых путей и является богатой ресурсами территорией, что вызывает огромный интерес у стран – членов ЕС. ЕС является крупнейшим торговым партнером стран ЦА и одним из основных доноров помощи.

— ЕС заинтересован в укреплении стабильности и безопасности в регионе, а страны ЦА нуждаются в инвестициях, технологиях и опыте. Обеспокоенность терроризмом, экстремизмом и транснациональной преступностью создает общий интерес в сотрудничестве.

— Усиление региональной интеграции: углубление сотрудничества между странами Центральной Азии способствует диалогу с ЕС.

— Дипломатические усилия: активные усилия ЕС и стран Центральной Азии по развитию двусторонних и многосторонних отношений.

Китай

Перспективы развития экономических связей и политического диалога между странами Центральной Азии с Китаем. Сотрудничество между странами Центральной Азии и Китаем демонстрирует устойчивый рост и обладает огромным потенциалом для дальнейшего развития [6].

Можно выделить следующие ключевые факторы, способствующие развитию этого сотрудничества:

— ЦА является важным связующим звеном между Китаем и Европой, что делает ее стратегически значимым регионом для обеих сторон.

— Китай – крупный инвестор в регионе, вкладывающий средства в инфраструктуру, энергетику и другие отрасли. Страны ЦА, в свою очередь, заинтересованы в получении доступа к китайскому рынку и инвестициям. Между Китаем и Центральной Азией существуют глубокие исторические и культурные связи. Обе стороны заинтересованы в обеспечении безопасности и стабильности в регионе.

Перспективы расширения политической интеграции стран ЦА в евразийские проекты с участием России и Китая. Существует несколько многосторонних форматов сотрудничества, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), БРИКС (РФ, партнеры Казахстан, Узбекистан) и Шанхайская организация сотрудничества (ШОС, РФ, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан). Эти организации служат платформами для координации действий в области безопасности, борьбы с терроризмом и транснациональной преступностью, что актуально для многих стран региона [9].

Дальнейшие перспективы развития евразийских интеграционных процессов. Россия активно участвует в различных интеграционных объединениях, таких как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), что может

способствовать укреплению связей с Центральной Азией. Однако разные уровни экономического развития и интересы стран региона могут создавать трудности.

Укрепление сотрудничества стран ЦА и России в области безопасности и военное сотрудничество. Россия и страны ЦА активно взаимодействуют в области безопасности. Одним из ключевых институтов, обеспечивающих сотрудничество, является ОДКБ. Россия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан и Армения входят в эту организацию, которая направлена на обеспечение коллективной безопасности в случае внешних угроз [3].

К тому же Россия активно поддерживает военно-техническое сотрудничество с Центральной Азией, поставляя оружие, технику и предлагая военные учения. Это сотрудничество имеет особое значение в контексте нестабильной обстановки в Афганистане и угрозы международного терроризма.

Центральная Азия является стратегически важным регионом в контексте безопасности. Сотрудничество в борьбе с терроризмом, экстремизмом и наркоторговлей может стать важной темой для обсуждения.

Перспективы и вызовы для укрепления политического диалога между странами ЦА и Россией. Перспективы развития политического диалога между Россией и ЦА вряд ли будут радикально изменяться в ближайшее время. Ожидается, что Россия сохранит свое влияние в регионе, несмотря на растущую конкуренцию со стороны Китая и других держав. Существует также возможность углубления сотрудничества в области инфраструктурных проектов, торговли, а также экологических и энергетических инициатив.

Вызовы, с которыми сталкиваются эти отношения, включают следующие:

— Снижение интереса к России со стороны стран ЦА, особенно в условиях экономического роста Китая.

— Перемены во внутренней политике стран региона, которые могут повлиять на внешнюю политику, включая ориентацию на Москву или на другие страны.

— Нестабильность в Афганистане, что может усилить угрозы террористической деятельности и наркоторговли, требующие усиленного регионального сотрудничества.

— Демографические изменения и миграция, которые создают напряженность как в странах Центральной Азии, так и в России.

Перспективы сохранения и развития политического диалога можно оценить через несколько прагматических направлений:

— *углубление экономического сотрудничества* – создание новых программ совместного развития, в т. ч. в сфере инфраструктуры, транспорта и энергетики;

— *сотрудничество в области безопасности* – обмен информацией и совместные операции против терроризма и организованной преступности;

— *культурные обмены* – усиление взаимопонимания и доверия через программы обмена, образование и культурные инициативы;

— *адаптация к новым вызовам* – разработка стратегий реального ответа на изменения в международной политике и экономике.

Несмотря на наличие позитивных трендов, существуют и серьезные вызовы. Одним из главных является борьба за влияние со стороны других региональных игроков, таких как Китай, США и др., которые активно развивают свои экономические и политические интересы в ЦА. Это создает некоторую конкуренцию и напряженность в отношениях между РФ и центральноазиатскими странами.

Климатические и экологические проблемы. Вопросы экологии и изменения климата становятся все более актуальными. Сотрудничество в этой сфере может стать новой основой для диалога.

Культурные и гуманитарные связи. Укрепление культурных и образовательных обменов может способствовать улучшению взаимопонимания и доверия между Россией и Центральной Азией.

Заключение

Политический диалог между Россией и странами ЦА имеет большие перспективы для дальнейшего развития, но также сталкивается с рядом вызовов, связанных как с внешними геополитическими факторами, так и с внутренними процессами в этих странах. Учитывая стратегическую важность региона для России и роль ЦА как ключевого элемента евразийской безопасности и экономического развития, можно ожидать, что взаимодействие будет продолжать углубляться, несмотря на растущую конкуренцию со стороны других мировых игроков.

Таким образом, Россия и страны ЦА имеют все возможности для укрепления своего политического диалога. Учитывая общие интересы и историческую привязанность, продолжение взаимовыгодного сотрудничества представляется логичным и необходимым шагом для обеспечения стабильности и процветания в регионе. Очень важно, чтобы как на двустороннем, так и многостороннем уровнях партнеры могли находить компромиссы и выстраивать открытые диалоги, подходя к таким вопросам с учетом интересов всех сторон.

Следовательно, перспективы политического диалога между Россией и странами ЦА зависят от множества факторов, включая экономические, политические и социальные аспекты. Успех этого диалога будет во многом зависеть от способности сторон находить компромиссы и работать над общими интересами.

Литература

1. *Винокуров Е.* Экономика Центральной Азии: новый взгляд. Доклады и рабочие документы 22/3 / Е. Винокуров, А. Ахунбаев, В. Бабаджанян, А. Бердигулова, А. Забоев, А. Кузнецов, А. Малахов, В. Перебоев, Н. Усманов, К. Федоров, А. Харитончик. – Алматы, Бишкек, Москва: Евразийский банк развития, 2022. – URL: https://eabr.org/upload/iblock/d0b/EDB_2022_Report-3_The-Economy-of-SA_rus.pdf (дата обращения: 10.01.2025).

2. *Дуйсен Г.М., Айтжанова Д.А.* Основные тренды развития центрально-азиатского региона в формате новой реальности // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. – Москва. ИНИОН РАН, 2022. – № 5-1. – С. 92–96.
3. *Контуры внешней политики Казахстана и стран Центральной Азии: многовекторность и безопасность: коллективная монография / Под ред. Г.М. Дуйсена.* – Алматы: Дайк-Пресс, 2020. – 372 с.
4. *Кротков В.В.* Отношения России с государствами Центральной Азии на современном этапе // Геоэкономика энергетики. – М.: Институт стран СНГ, 2020. – № 3 (том 11). – С. 97–105.
5. *Лазович М.* США: найти своё место в Центральной Азии. – 2020. – URL: https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/columns/asian-kaleidoscope/ssha-nayti-svoe-mesto-v-tsentralnoy-azii/?sphrase_id=49036242 (дата обращения: 10.01.2025).
6. *Махмутова Е.В.* Китайская «мягкая сила» в Центральной Азии: перспективы и ограничители // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2022. – № 27(27). – С. 268–283. DOI: 10.48647/IFES.2022.14.85.014.
7. *Махмутова Е.* США возвращаются в Центральную Азию, но есть нюансы 05.10.2023. – URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/ssha-vozvrashchayutsya-v-tsentralnuyu-aziyu-no-est-nyuansy/> (дата обращения: 10.01.2025).
8. *Отношение к России в Центральной Азии (история, политика, культура): коллективная монография / отв. ред. Н. П. Космарская; Ин-т востоковедения РАН.* – М.: ИВ РАН, 2021. – 202 с.
9. *Хайдарзода Р.* Перспективы сотрудничества России и Центральной Азии в условиях нового миропорядка. 22.05.2023. – URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/perspektivy-sotrudnichestva-rossii-i-tsentralnoy-azii/> (дата обращения: 10.01.2025).
10. *Laumulin M., Aubakir A.* European Union and Central Asia: new horizons for enhanced cooperation // Central Asia's affairs. – 2021. – № 1. – P. 35–43.

Рудницкий А.Ю.,
доктор исторических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Artem Yu. Rudnitskiy
PhD (Historical Sciences),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: regionalsecurity@mail.ru

АФГАНИСТАН ВО ВЛАСТИ ТАЛИБОВ: РАЗРЕШЕНИЕ КОНФЛИКТА ИЛИ НОВЫЕ ВЫЗОВЫ БЕЗОПАСНОСТИ?

AFGHANISTAN UNDER THE TALIBAN: CONFLICT RESOLUTION OR NEW SECURITY THREATS?

После победы талибов в августе 2021 года и воссоздания Исламского эмирата Афганистан эта страна остается очагом напряженности и нестабильности в Центральной Азии. Еще до «второго пришествия» талибов российские исследователи обоснованно замечали, что Афганистан стал первой страной, где к власти пришли представители «радикального воинствующего исламизма» [5]. Теперь можно добавить, что впервые в истории этого удалось добиться методами жесточайшего террора. В этом заключается одно из существенных отличий «второго издания» эмирата от первого (в 1996–2001 гг.), когда талибы добились успеха в результате гражданской войны.

В настоящее время практически на всей территории Афганистана установлен тоталитарный, теократический и обскурантистский режим. Любая оппозиционная деятельность не допускается, проводятся массовые репрессии, «с политической сцены оказались вытеснены республиканские политики, включая лидеров многих этноконфессиональных общин» [4, с. 142]. Надежды на то, что правление талибов будет не столь бесчеловечным, как прежде, и хотя бы в какой-то степени соответствующим международно-правовым нормам [1;

6; 10; 5], не оправдались. Действие конституции остановлено, принимаются сотни законов, нарушающих гражданские права, прежде всего женщин, которые сегодня полностью исключены из общественной жизни. Недавним свидетельством ужесточения гендерной дискриминации явился запрет любых публичных заявлений и высказываний женщин, что карается уголовным наказанием.

При этом режим талибов располагает значительным запасом прочности. Во многом им удалось уменьшить фракционность в своих рядах и укрепить центральную власть, которую олицетворяет лидер движения «Талибан» (ДТ) Хайбатулла Ахунзада, со штаб-квартирой в Кандагаре, наладить государственное управление, побороть обычную преступность, обеспечить безопасность передвижения по территории страны. Снизилась коррупция, улучшилось экономическое положение (в частности, увеличились доходы от сбора налогов и экспорта минеральных ресурсов, стоимость которого в 2023–2024 годах превысила 1,9 млрд долл. [8]), отодвинулась угроза гуманитарной катастрофы. По линии ООН и двусторонним каналам в Афганистан перекачиваются огромные средства, которые за истекшие три с лишним года составили более 6 млрд долл. В основном они оседают в карманах правителей, но частично всё же доходят до населения.

Если сравнивать запас прочности второго эмирата, по сравнению с первым, то он существенно выше по двум важным показателям. Во-первых, тогда у талибов был серьезный противник в виде боеспособных и многочисленных отрядов «Северного альянса» во главе с Ахмад Шахом Масудом, базировавшихся в Бадахшане и Панджшере. На данном этапе имеются два фронта сопротивления, но их возможности намного скромнее. Во-вторых, первый эмират считался международным парией и поддерживал функциональные дипломатические отношения только с Пакистаном, а международную легитимность сохраняло правительство Исламского Государства Афганистан (ИГА) Бархануддина Раббани. Ныне сколько-нибудь

весомых конкурентов у талибов нет, они располагают монополией на власть и хотя официально не признаны ни одним государством, де-факто со многими наращивают выгодные для себя связи.

Если первый эмират склонялся к автаркии, то второй проводит гораздо более продуманную и гибкую внешнюю политику, цель которой – получать международную поддержку в виде гуманитарной помощи, от торгово-экономического и политического сотрудничества. Мулла Омар, прежний духовный вождь талибов, в каком-то смысле был идеалистом и ради проявления солидарности с исламистами в Чечне, Синьцзяне или странах Средней Азии шел на конфликты с Россией, Китаем и другими регионалами, а ради сближения с «Аль-Каидой» поставил себя под удар со стороны США. Сегодня талибы ведут себя осмотрительнее, не афишируют свои контакты с группировками, подобными «Аль-Каиде», заботятся о своем международном престиже и добиваются признания своей легитимности. Отчасти согласимся с тем, что «Талибан» осознает, что без надлежащей внешней легитимности и признания он не сможет заручиться поддержкой афганцев или присоединиться к соглашениям о сотрудничестве с другими государствами для решения широкого перечня вопросов в области обороны, экономики и социокультурной сфере» [7, с. 38]. Это отчасти потому, что поддержка афганцев от «надлежащей внешней легитимности» особо не зависит, а вот решение многих практических вопросов с этим действительно связано.

Однако не нужно думать, что, оказывая помощь талибам, их можно подвигнуть на смягчение режима. Практика показала, что талибы не намерены «поступаться принципами» и формировать так называемое инклюзивное правительство. Если они откажутся от тоталитаризма и господства одной партии, они перестанут быть талибами. В расчете на одобрение мирового сообщества они спекулируют на тяготах жизни простого населения и одновременно позиционируют себя как противников международного терроризма и даже участников борьбы с этим злом. Это вещь абсолютно

парадоксальная, хотя бы потому что одну из главных должностей в правительстве – министра внутренних дел – занимает Сираджуддин Хаккани, лидер «Сети Хаккани», одной из самых опасных террористических структур в Центральной Азии.

После ухода американцев уровень терактивности в Афганистане резко снизился, что вполне понятно, ведь теракты в основном организовывали и проводили сами талибы, чтобы свергнуть правительство Ашрафа Гани, а после достижения поставленной цели надобность в такого рода действиях отпала. Однако они «держат порох сухим» и позволяют находиться в Афганистане десяткам различных террористических группировок, включая «Аль-Каиду», «Хизб-ут-Тахрир», «Исламское движение Восточного Туркестана», «Джамаат-Ансарулла» и другие. Здесь создала свой филиал сирийская группировка «Хайят Тахрир аш-Шам». Ни в какой другой стране мира не наблюдается столь высокой концентрации «террористического интернационала». С большинством этих группировок верхушка «Талибана» поддерживает тесные контакты и обеспечивает им благоприятные условия для подготовки боевиков и проведения конкретных акций.

Весьма специфичны взаимоотношения ДТ и «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ), представленного в Афганистане ячейкой «Вилайят Хорасан». Они соперничают друг с другом вплоть до вооруженных столкновений, и игиловцы несут ответственность за ряд террористических актов, направленных на то, чтобы нанести ущерб власти талибов. Вместе с тем отношения этих структур не антагонистичны, и, по мнению одного из ведущих российских экспертов по Афганистану А.Н. Серенко, талибы имитируют борьбу с ИГИЛ, чтобы сохранить благорасположение США, которые регулярно выплачивают им щедрые суммы (предположительно по секретным статьям Дохийского соглашения 2020 г.).

Говорить о том, что с территории Афганистана исчезла террористическая угроза преждевременно. Эта угроза направлена преимущественно против

соседних стран – бывших советских республик Средней Азии, Китая, Ирана, России и Пакистана, причем, как это на первый взгляд ни парадоксально, наиболее болезненной и ощутимой она оказалась для последнего. Пакистан десятилетиями покровительствовал талибам, имея в виду укрепление своей национальной безопасности с прицелом на конфликт с Индией. Считалось, что контроль над Афганистаном обеспечивает «стратегическую глубину» линии пакистанской обороны. Кроме того, в Исламабаде строят амбициозные планы – проложить через Афганистан торгово-экономический коридор в Среднюю Азию. Однако создать полностью послушный, «ручной Талибан» так и не получилось.

Одна из причин – исторические пакистано-афганские противоречия, связанные с линией Дюранда, которой англичане в конце XIX века разделили пуштунские племена и которая до сих пор заменяет пакистано-афганскую границу. В Афганистане ее никогда не признавали и поощряли пуштунский национализм, традиционно вызывающий тревогу Исламабада [см. подробнее: 3, с. 45–46]. Пограничные инциденты случались и в период правления муллы Омара, но тогда талибы проявляли определенную сдержанность, сознавая, что Пакистан – единственная внешняя держава, на которую они могли положиться. Сейчас же ситуация изменилась: талибы укрепились, во многом благодаря диверсификации и активизации внешних связей, и подобные инциденты приобрели характер локальных боестолкновений. Их подпитывает и другая причина – содействие афганских талибов своим «собратьям» на территории Пакистана (пакистанским талибам, объединенным зонтичной организацией «Техрик-и-Талибан Пакистан»), ведущим масштабную террористическую войну против федерального правительства.

В Афганистане привольно себя чувствуют уйгурские боевики, которые осуществляют теракты в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая, таджикские, узбекские и прочие исламисты. Это реальная угроза региональной и в более широком плане международной безопасности, купировать которую

можно только скоординированными усилиями – на многостороннем уровне, если не на глобальном, то хотя бы на региональном уровне.

Ничего подобного сегодня не происходит, что прежде всего объясняется глубокой разобщенностью мирового сообщества (в том числе вследствие конфронтации между Западом и Россией из-за конфликта на Украине). Кроме того, не забыт неудачный опыт контртеррористической и антиталибской коалиции начала нулевых, задача которой сводилась не только к устранению террористической угрозы с территории Афганистана, но и к созданию там устойчивого, признанного ООН демократического государства. Однако США и их западные союзники, игравшие ключевую роль в этой коалиции, де-факто лишили в ней права голоса регионалов, принимали решения по собственному усмотрению и ограничились формированием марионеточного афганского правительства, полностью им подконтрольного, но не самостоятельного, не имевшего достаточной опоры в народе, поэтому неспособного без внешней помощи отражать натиск талибов, достаточно быстро оправившихся после поражения 2001 года.

Так или иначе на данном этапе не наблюдается даже признаков согласованного международного подхода в отношении Афганистана. Хотя ни одно государство мира официально не заявило о признании ИЭА, налицо процесс расширения сотрудничества с Кабулом со стороны многих из них, прежде всего в Центральной Азии. Это продиктовано экономическими и геополитическими соображениями и надеждами на то, что именно такой курс, а не конфронтация, послужит укреплению национальной и региональной безопасности и позволит конструктивно влиять на политику ДТ. Ради этого регионалы готовы мириться с нарушениями талибами гражданских прав, и если они вспоминают об «инклюзивности», то только отдавая дань демократической риторике [8].

Подобная картина характерна и для России, испытавшей определенную эйфорию от ухода американцев в 2021 году, воспринятого как серьезное

поражение геополитического соперника. Но у этого события была и обратная сторона. Вашингтон избавился от сильнейшего афганского раздражителя, отвлекавшего его внимание, и смог полностью переключить свое внимание на конфронтацию с Россией на украинском треке. Помимо этого американское присутствие в Афганистане, как бы к нему ни относиться, в какой-то степени препятствовало росту терактивности.

Между тем именно эта сфера является для России приоритетной, и в этом русле следует рассматривать визит в Кабул в начале декабря 2024 года секретаря Совета безопасности РФ С.К. Шойгу, который провел переговоры практически со всеми ключевыми фигурами в руководстве ДТ.

В области торгово-экономического взаимодействия Россию опережают КНР, Пакистан, Туркменистан, Узбекистан и другие более близкие соседи Афганистана, но она в состоянии добиваться нормального политического взаимодействия с Кабулом. Ей нужен если не дружеский, то как минимум нейтральный Афганистан, и ради достижения этой цели пока приходится мириться с внутривнутриполитической практикой талибов.

Вместе с тем не следует забывать, что именно эта практика, продиктованная радикальной исламистской идеологией, обуславливает общее мировосприятие талибов, которые никогда не отвернутся от родственных джихадистских группировок, даже если они будут угрожать странам, с которыми на государственном уровне развиваются добрососедские отношения. Поэтому речь может идти не о полной ликвидации террористической угрозы из Афганистана, в котором заправляют талибы, а о ее ослаблении. Чтобы добиться в этом плане хотя бы относительного успеха, нужны как минимум согласованные действия ведущих государств региона, входящих в Шанхайскую организацию сотрудничества – России, КНР, Пакистана, Ирана, среднеазиатской «пятерки», а также Индии.

Литература

1. Афганистан после смены режима: внутренняя и международная неопределенность. – М., МГИМО, 2022.
2. Андрей Серенко: «Талибы имитируют борьбу с ИГИЛ, чтобы оправдать получение \$40 миллионов» // Asia Plus. Media Group Tajikistan. – URL: <https://asiaplustj.info/ru/news/opinion/20230318/andrei-serenko-talibi-imitiruyut-borbu-s-igil-chtobi-opravdat-poluchenie-40millionov?ysclid=m5kzjhaa4182798089>.
3. Белокреницкий В.Я., Сикоев Р.Р. Талибан и перспективы Афганистана и Пакистана. – М., ИВ РАН, 2014.
4. Князев А.А., Гулам Н.Я. Этнополитическая ситуация в Афганистане: внешнее воздействие и вовлечённость стран-соседей // Постсоветские исследования. Постсоветские исследования. – 2023. – № 4 (6).
5. Пляйс Я.А. Афганистан: талибы снова у власти // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. – 2022. – № 12 (6).
6. Серенко А.Н. Убийство афганского министра по делам миграции – удар по позиции Китая. – URL: https://www.ng.ru/kartblansh/2024-12-24/3_9163_kb.html.
7. Шашок Л.А. О возможности признания нового правительства талибов в Афганистане на международном уровне // Исследования молодых ученых: материалы XXXIII Международной научной конференции, Казань, февраль 2022 г. – Казань : Молодой ученый, 2022.
8. Analysis of the Taliban Regime's resilience in 2024-2025 // Robert Lansing Institute. – URL: <https://lansinginstitute.org/2024/10/16/analysis-of-the-taliban-regimes-resilience-in-2024-2025>.
9. Shehbaz's UNGA speech sparks row with Kabul // The Express Tribune. – URL: <https://tribune.com.pk/story/2378510/shehbazs-unga-speech-sparks-row-with-kabul>.
10. Where is Afghanistan Three Years into Taliban Rule? // United States Institute of Peace. – URL: <https://www.usip.org/publications/2024/09/where-afghanistan-three-years-taliban-rule>.

Сидорова Г.М.,

доктор политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Galina M. Sidorova.

PhD (Political Sciences),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
e-mail: gal_sid@mail.ru

ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ В САХАРО-САХЕЛЬСКОЙ ЗОНЕ

THE SECURITY PROBLEM IN THE SAHARA SAHEL ZONE

Сахель в переводе с арабского языка – это разделительная полоса, береговая линия. В нашем случае – «пояс», разделяющий пустынную зону Сахары и плодородные земли субсахарской Африки. Речь идет о Мали, Мавритании, Чаде, Буркина-Фасо, Нигере, Центральноафриканской Республике (ЦАР) и других странах. В последние два года (2023–2024 гг.) ситуация в этом регионе Африки оставалась крайне напряженной. Причиной турбулентности стали не только застарелые противоречия между этносами и их религиозными различиями, но и активизация различного рода террористических группировок.

В значительной степени на события повлияло свержение режима М. Каддафи в Ливии в рамках «арабской весны» в 2011 году. На ее территории готовились мусульманские военные формирования из разных стран. «Парадоксально, – пишет бывший посол Франции в России, – война в Ливии дестабилизировала Сахельскую зону, туда ринулись ливийские армейские подразделения, обратившиеся в бегство и быстро перекрасившиеся в джихадистов» [6, р. 81]. После физической расправы над М. Каддафи, вместе с обученными бойцами военных формирований, потеряв возможность финансовой подпитки в Ливии, они стали искать ее в окрестных государствах. Процесс «расползания» боевиков был бесконтрольным. Первым государством

Сахаро-Сахельской зоны, где начались волнения, стала Республика Мали. Поскольку граница между Мали и Ливией лишь виртуальная и географически находится в песках пустыни Сахара, боевики легко переместились в Мали, стали заниматься там грабежом местных жителей и получать подачки от международного террористического исламского интернационала. Радикальные исламисты в союзе с кочевыми племенами туарегов захватили север Мали, где началась гражданская война (2012–2014 гг.). По мнению В.Е. Титоренко, «огромные территории по периметру Сахеля стали прибежищем различных террористических организаций и джихадистских групп, сумевших образовать своего рода экстремистский альянс, в котором верховодят боевики Аль-Каиды исламского Магриба» [3, с. 78]. Их задача состоит в разрушении государственности, устранении и порабощении всех несогласных, а также в установлении полного контроля над территорией.

Как известно, зона Сахеля является традиционной «вотчиной» Франции, которая на протяжении длительного времени предпринимала попытки борьбы с террористами. Экс-метрополия отреагировала на события введением военного контингента и провела операцию «Серваль» (2013–2014 гг.), а затем – «Бархан» (2014–2022 гг.). Была предпринята попытка блокировать джихадистов, снизить активность агрессивных исламских группировок, причем не только в Мали, но и по всему сахарскому поясу, включая Мавританию, Чад, Нигер и Буркина-Фасо. Исламисты, в свою очередь, объявили войну Франции, провозгласили цель – «объединение мусульман "от Нила до Атлантики" под салафистским флагом» [3, с. 78].

На какое-то время обстановка в Мали стабилизировалась, однако, даже несмотря на мобилизацию сил ООН и поддержку Евросоюза, Франция так и не смогла обеспечить там мир и спокойствие. Чтобы избежать катастрофических последствий власти, Мали обратилась к России через СБ ООН. Именно тогда западные СМИ сфабриковали миф о том, что русские военные якобы вытеснили французов из Сахаро-Сахельской зоны. В итоге отношения между

Бамако и Парижем серьезно разладились. Был понижен уровень дипломатических представительств, а инициатива с французской стороны по обеспечению безопасности в регионе свелась к нулю. По словам В.Е. Титоренко, который стал очевидцем событий в Сахеле, французские военные помогли армиям стран Сахеля бороться с повстанцами, но не воевали за них, в то время как Париж рассчитывал, что основную тяжесть войны возьмут на себя местные силы. Именно поэтому Франция мобилизовала ресурсы ООН на дорогостоящие миротворческие операции в Мали и ЦАР. «А когда стало ясно, что этого мало, стала уступать "возвращению" России в Африку» [3, с. 78]. В результате французский контингент был во много раз сокращен и полностью отказался от активных действий, ограничиваясь самообороной, а не очисткой территории Мали от бандитов.

Пытаясь как-то реабилитировать себя, Париж стал предпринимать активные действия в поисках сохранения своего военного влияния в регионе. Так, 19 июля 2024 года начальник Генерального штаба французской армии генерал Пьер Шилль принял 13 своих африканских коллег, в том числе начальников генштабов армии Сенегала, Кот-д'Ивуара, Габона, Чада и Джибути, где Франция еще сохраняет свое военное присутствие. Это совещание, которое состоялось недалеко от Ренна, на северо-западе Франции, прошло в условиях передислокации Парижем своих сил в Африке, а также желания Парижа, по словам Шилля, «предложить качественное партнерство» этим странам. Цель встречи – укрепление и пересмотр военного сотрудничества.

В Нигере также наблюдалась сложная военно-политическая обстановка. 27 июня 2023 года там произошел государственный переворот во главе с генералом А. Тчиани. По стране прошла волна протестов против бывших профранцузских властей. Такую же позицию заняли и новые власти. Причин было много. Среди них – не способность Франции справиться с бандформированиями исламистов, а также многолетнее использование

Францией рудниковых месторождений урана и вывоз сырья по демпинговым ценам. Так, в период с 2005 по 2020 год Нигер поставлял около 18% урана для французских АЭС [4, с. 528]. Заметим, что в настоящее время Нигер занимает 7-е место в мире по запасам урана. На страну приходится 5% его мирового экспорта [4, с. 531]. Митингующие граждане выкрикивали антифранцузские лозунги и несли российские флаги [3, с. 85]. После военного переворота Парижу было запрещено вывозить урановую руду и золото, а новые власти потребовали от Франции вывести свои войска. Есть основания полагать, что такая вспышка ненависти к бывшей метрополии и симпатия к России являются признаками второй волны деколонизации.

В ЦАР дестабилизация ситуации произошла вследствие начала гражданской войны в марте 2013 года. Мусульманские повстанцы севера из коалиции Селека захватили столицу Банги и свергли профранцузского президента Ф. Бозизе. Франция начала там контртеррористическую операцию «Сангарис» при поддержке Евросоюза и ООН. Эта операция завершилась в 2016 году, так и не дав позитивных результатов. 85% территории ЦАР осталось под контролем незаконных вооруженных формирований [3, с. 79]. Новый президент Ф.А. Туареда констатировал провал военной операции Франции и обратился за помощью к России. На встрече с С.В. Лавровым в Сочи в октябре 2017 года решался вопрос о поставках в ЦАР стрелкового оружия и направлении инструкторов для обучения армии. В 2020–2021 годах там вновь началась волна переворотов. Прибывшая в республику частная военная компания «Вагнер» вызвала у французов резко негативную реакцию. Париж перекрыл «финансовые краны» стране, что сразу же отразилось на замораживании ряда экономических проектов.

Отличалась в последние годы своими революционными событиями Буркина-Фасо (бывшая Верхняя Вольта). В январе 2022 года мятежники захватили власть и объявили об отстранении президента, а также роспуске властных структур. Сначала лидером был объявлен полковник П.А. Диамба,

немного позднее, в том же году, в результате очередного переворота лидером стал Ибрагим Траоре. Причиной смены власти стала неспособность прежнего режима справиться с джихадистами, терроризирующими местное население. Военное правительство потребовало вывести французские войска, располагавшиеся на территории страны. По данным агентства Reuters, в январе 2022 года было приостановлено действие военного соглашения от 2018 года, которое разрешало присутствие французских военных в Буркина-Фасо. Причем Парижу дали один месяц на вывод контингента. Таким образом, еще одна бывшая французская колония «восстала» против французского присутствия. Эксперты Reuters считают, что «это решение – признак дальнейшего ухудшения отношений между Францией и ее бывшей колонией. Причиной напряженности считается тот факт, что французское военное присутствие в Буркина-Фасо не улучшило ситуацию с безопасностью в стране» [5].

В 2024 году, помимо сложного клубка проблем в Сахаро-Сахельской зоне, добавились действия киевских властей, которые стали поддерживать террористические группировки в Сахеле. На первой министерской конференции форума партнерства Россия – Африка, состоявшейся в ноябре 2024 года, по этому поводу высказался директор департамента по вопросам новых вызовов и угроз МИД России Г. Михно. «Исходим из того, – подчеркнул он, – что подобная практика преступного сотрудничества с международным террористическим конфронтационным абсолютизмом абсолютно неприемлема, и продолжим бороться с этим злом всеми доступными средствами. При этом Запад продолжает проявлять свои неокOLONIALISTские амбиции в отношении Африки» [2]. Еще в августе 2024 года Мали, Нигер и Буркина-Фасо обратились в СБ ООН с просьбой принять меры против действий Украины в Сахаро-Сахельской зоне. Дело в том, что террористы из альянса малийских вооруженных сепаратистских группировок CSP-DPA ездили на Украину обучаться, в том числе и применению дронов. Посол России в Мали и Нигере И. Громыко заявил об открытии Украиной «второго фронта» в Африке, т. к. она

не имеет возможности победить Россию на поле боя. По его словам, Киев поддерживает незаконные вооруженные формирования на континенте [1].

Реакция Мали и Нигера была однозначной. Эти страны разорвали дипломатические отношения с Украиной [1]. Понятно, что всё это делается для создания препятствий российскому присутствию в Африке. Если и дальше украинские политики будут переносить «поле битвы» с Россией в другие точки планеты, то это будет лишь показателем беспомощности и слабости режима Киева. В противовес этому прослеживается позитивная динамика взаимодействия России со странами Африки в свете саммитов Россия – Африка в 2019 и 2023 годах, XVI саммита БРИКС в Казани, а также встречи министров иностранных дел на форуме Россия – Африка в Сочи в ноябре 2024 года.

Таким образом, Сахаро-Сахельская зона Африки остается одним из самых неустойчивых регионов мира. Возникающие здесь вооруженные конфликты, территориальные споры, активность террористических группировок создают опасность не только для Африканского континента, но и для других стран, поскольку потоки мигрантов переселяются в более безопасные районы, включая и европейские страны, что создает определенную нестабильность в странах-реципиентах. Мали, Нигер, Чад, Центральноафриканская Республика, Буркина-Фасо и другие страны пытаются по-своему решить региональные проблемы. Однако это не так просто, т. к. не хватает человеческого ресурса, опыта, сказывается слабость национальных армий.

Литература

1. Военная операция на Украине. Посол России в Мали заявил об открытии Украиной «второго фронта» в Африке. 28 декабря 2024. – URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/676f8e209a79471bc7c3880b?utm_source=news_mail_ru&utm_medium=informer&utm_campaign=rbc_partners&utm_term=4 (дата обращения: 15.11.2024).
2. МИД России обвинил Киев в поддержке террористических группировок в Африке. РИА Новости. 09.11.2024. – URL: <https://news.mail.ru/politics/63573073/> (дата обращения: 10.11.2024).

3. *Титоренко В.Е.* К геополитическим раскладам в Сахаро-Сахельской зоне // *Дипломатическая служба.* – 2024. – А № 1. – С. 75–86.
4. *Титоренко В.Е.* Россия в борьбе за Нигер // *Дипломатическая служба.* – 2024. – б № 6 – С. 528–538.
5. Burkina Faso military government demands departure of French troops. Reuters. 22 January 2023. – URL: <https://www.reuters.com/world/africa/burkina-military-govt-demands-departure-french-troops-national-television-2023-01-21/> (дата обращения: 20.12.2024).
6. *Gliniasty J. de.* France, une diplomatie déboussolée. – P.: Ed. L’Inventaire, 2024. – 205 p.

Тимакова Ольга Александровна,
кандидат политических наук,
Дипломатическая академия МИД России, Москва.

Olga A. Timakova,
PhD (Political Sciences),
Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry, Moscow.
E-mail: o.timakova@dipacademy.ru

СТРАТЕГИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В АФРИКЕ ЮЖНЕЕ САХАРЫ

THE EUROPEAN UNION STRATEGY IN SUB-SAHARAN AFRICA

The preservation of the European Union's influence in Africa at the current stage has been a crucial factor in reinforcing the EU's status as a global actor in international security and development assistance [3]. However, the relationship between the EU and countries in the region cannot be characterized as equal. It is the European Union that has consistently defined the conditions and frameworks for cooperation in the field of security. Over time, the EU's agenda in Africa has shifted from a development assistance strategy to a securitized discourse shaped by the externalization of the EU's domestic political issues.

The EU's strategy focused on interaction with the group of Sahel countries aimed to emphasize the link between security and development policies [6]. The key premise of this cooperation was the condition that development is only possible after achieving security. However, the EU's missions in the region failed to stabilize the area or achieve the EU's foreign policy objectives. Increasingly, the Sahel is being referred to in Europe as the “French Afghanistan” or “Sahelistan”, underscoring the futility of interventions aimed at ensuring Europe's internal security [1; 8].

Moreover, starting in 2020, Sahel countries have been systematically suspending participation in EU initiatives. Almost all programs under the European Strategy for the Sahel have been frozen. Additionally, the “Group of Five for the

Sahel”, supported by European countries, ceased to exist. It was replaced by a new independent structure, the “Alliance of Sahel States”, founded on a mutual defense pact in 2023.

The EU has been compelled to reconsider its strategy in Africa and, specifically, in the Sahel. Although the decision to draft a new strategy has been made, there is no consensus among EU member states on the goals of the EU's foreign policy in the region.

To systematize the challenges undermining the effectiveness of the EU's security policy in Africa, attention must first be given to the overall image of the EU and postcolonial narratives.

A paradox exists in the perception of the EU's policy in Africa. On the one hand, the EU operates under the assumption that it is a postcolonial organization, whose normative power grants it the right to take a leading role in the process of Pan-African integration. On the other hand, any involvement by the EU in African integration can be seen as a continuation of colonial-era practices. This situation creates a need for both the EU and African countries to avoid forms of interaction that appear neocolonial. Furthermore, the EU must potentially shift its engagement beyond EU–African Union relations into a broader framework [16].

However, neocolonial tendencies in the EU's policy can be illustrated by three key factors [4]:

The first factor is the conditions for aid allocation. EU development assistance and other types of financing have always been accompanied by numerous economic conditions, such as trade liberalization, privatization, and, broadly, the implementation of structural economic adjustment programs. Regional actors in West Africa, largely dependent on the EU, are unequal partners with Europe. The reduction or closure of EU programs can weaken the influence of African organizations, as was the case with ECOWAS.

The European Union has also repeatedly used its institutional mechanisms embedded in trade agreements to coerce trade partners in cases where, for example,

human rights violations were recorded [12]. Another example of unfair practices in EU-Africa interactions was the adoption of the Joint Africa-EU Strategy in 2007 and the preferential trade agreements with regional countries. The EU warned African states that they would lose the preferences they had enjoyed since the Lomé Convention if negotiations did not conclude on EU terms [14]. Thus, it can be emphasized that “Africa, through its states or institutions, can play only one role –as an object of international relations, rather than as an active participant” [17].

The second factor is the export of European values. The European Union also sets strict socio-political prerequisites for cooperation programs – acceptance of Western-centric values within society. Such actions are perceived in public opinion as a modern neo-colonial attempt to carry out a “civilizing mission” by European states. For African actors, the security sphere is a key foundation of state sovereignty; therefore, external control, such as that exercised by the EU, is seen as aggressive interference in domestic affairs and as paternalism.

Finally, the third factor is the discourse on Africa as Europe’s “humanitarian burden”. One of the most distinctive aspects of European policy and overall engagement with Africa is its portrayal as an economic burden, considering the colonial past of African countries, which left most nations in a dire socio-economic state. While the EU’s policies are positioned as “development aid” and “good deeds”, they are inevitably perceived as a paternalistic strategy. This situation entrenches inequality in relations between African countries and the European Union, in contrast to other partners – such as Russia, China, and India – who emphasize equality and mutual respect.

The second major issue impacting the effectiveness of the EU’s overall security policy in Africa is the involvement of numerous international actors, ranging from intergovernmental and non-governmental organizations to national states and groups of states [6]. The European Union is not the most active or influential among them.

In general, it is worth emphasizing that while the mediation of extraregional actors and international security initiatives significantly influence the short-term resolution of regional conflicts on the continent, they do not address the root causes of crises or strengthen the overall security environment, offering merely “cosmetic solutions” [15].

When considering the complex security architecture of West Africa, it is essential to note not only the overabundance of external actors, whose actions are poorly coordinated with one another, but also the problem of competing mandates, objectives, and priorities, as well as potentially conflicting strategies for implementing initiatives and projects. The agendas of different actors vary dramatically – from combating terrorism and limiting migration to addressing climate change. This is exacerbated by contradictory statements: some actors insist on expanding their presence, while others consider scaling back their involvement [6]. There is a growing gap between narratives and actual actions, ambitions, and capabilities.

The situation is further complicated by an emerging hierarchy of external actors in the Sahel – with the United States at the forefront – highlighting inequalities in their capacities and resources. Moreover, European countries that participated in operations in Iraq and Afghanistan maintain policies involving only limited military contingents. The prioritization of personnel safety creates a disconnect between the inability to ensure security in the region and the grandiose projects launched by the European Union.

The third issue in the EU’s overall strategy in Africa is of an internal nature. Not only does the European Union act as a unified body, but individual European countries also pursue active policies in Africa, which must be considered in any analysis of EU activity in the region. Many member states possess significantly more comprehensive strategies toward Africa. Germany, France, and the former EU member, the United Kingdom, rank among the world’s top donors [18]. France, as one of the leading providers of development aid in Africa, accounts for up to 18% of

all investments on the continent, according to various estimates. Other EU member states are also involved in African policy, striving to advance their national interests. While these policies are primarily framed as national, they often utilize common or joint EU mechanisms. However, there have been multiple instances where individual member states refused to transfer national initiatives in the Sahel under the EU's supranational governance [13].

All of this hampers the perception of the European Union as a unified foreign policy actor in Africa. Member states, unable to reach a consensus, exploit the EU's complex bureaucratic processes to slow down decision-making. For instance, the EU has yet to agree on a unified list of partner countries in Africa. Moreover, the policy objectives of the European Commission and the European Council often do not align. Political coherence is lacking because decision-making is divided among the EU's supranational and intergovernmental institutions and its member states. This leads to overlapping competencies, a lack of coordination, structural issues stemming from mandate limitations, and inconsistencies in the mechanisms used. Consequently, the EU has gained a reputation as an unreliable actor in the region.

Finally, the fourth issue relates to the broader transformation of the geopolitical landscape: Russia, China, and India are increasing their influence on the continent each year and gaining a reputation as reliable partners.

China, as one of the most significant new actors in the region, warrants special mention. In 2018, China outlined its "Five No's" strategy as a guiding principle for its relations with African countries [9]: no interference in African countries' pursuit of development paths suited to their national conditions; no interference in African countries' internal affairs; no imposition of China's will on African countries; no political strings attached to aid for Africa; and no pursuit of selfish political gains in investment and financing cooperation with Africa.

China does not view most processes in African countries as matters of its own security, except when they directly affect its economic interests or the safety of Chinese citizens abroad [2; 7]. This is evident in its swift response to the piracy crisis

off the coast of Somalia but lack of intervention in the Darfur crisis until it threatened the success of the Beijing Olympics.

The policies of the European Union – and more broadly, those of European states – and those of China inevitably invite comparisons. Experts highlight differences in focus, objectives, implementation efficiency, conditions, and overarching narratives [4]. The EU and its member states position themselves as normative powers, “whose traditional influence and advantages allow them to maintain their global status” [5]. In contrast, China and other non-Western global powers leverage their economic influence to offer the developing world alternative models of development and governance.

All this leads to a more confrontational foreign policy course by the EU toward third countries. As early as 2008, the European Union attempted to establish a framework for trilateral relations with China in Africa, which would have allowed them to define the rules and requirements for cooperation in the region. However, this proposal was negatively received by African actors themselves. In its proposals for trilateral cooperation, the EU focused more on China than on its African partners, creating the impression among the latter that “foreigners had conspired without consulting them to exploit them more effectively” [11]. By 2020, however, European countries were actively promoting the discourse of neocolonialism concerning new actors, accusing them of exploiting African countries, thereby seeking to limit their influence [10].

There is no doubt that the EU has significant geopolitical and strategic interests in Africa, but its influence in the region is waning. The growing role of other powers with competing strategic interests on the continent has resulted in a more multipolar foreign policy approach by most African countries. In recent years, African states have even openly declined cooperation with the EU.

The Sahel region exemplifies a complex geopolitical space where numerous actors pursue their policies. In most cases, their actions are neither coordinated nor synchronized: sometimes they act in parallel, but often their policies and objectives

conflict. This situation exacerbates the fragmentation of the region's security environment and hinders the achievement of sustainable stability.

References

1. *Тимакова О.А.* Взаимодействие Евросоюза со странами Юго-Восточного Средиземноморья: от «кольца друзей» к «кольцу огня» // *Азия и Африка сегодня*. – 2022. – № 2. – С. 29–37.
2. *Тимакова О.А.* Отношения Китая со странами Средиземноморья: военные и политические аспекты // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. – 2021. – Т. 21. – № 4. – С. 700–711.
3. *Тимакова О.А.* Политика Европейского союза в условиях трансформации мирового порядка. – М.: Квант-Медиа, 2024. – 190 с.
4. *Bodomo A.* Africa-China-Europe relations: Conditions and conditionalities // *Journal of International Studies*. – 2019. – № 12 (4). – P. 115–129.
5. China, the European Union, and the international politics of global governance / J. Wang, W. Song (Eds.). – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2016.
6. *Cold-Ravnkilde S.M., Lindskov Jacobsen K.* Disentangling the security traffic jam in the Sahel: constitutive effects of contemporary interventionism // *International Affairs*. – 2020. – № 96 (4). – P. 855–874.
7. *Duggan N., Hodzi O.* The challenges of China-European Union security cooperation in Africa // *Asia Europe Journal*. – 2021. – № 19. – P. 43–57.
8. *Francis D.* The regional impact of the armed conflict and French intervention in Mali. – Oslo: Norwegian Peacebuilding Resource Centre, 2013.
9. Full text of Chinese President Xi Jinping's speech at opening ceremony of 2018 FOCAC Beijing Summit (1) – URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-09/03/c_137441987.htm (дата обращения: 20.01.2025).
10. *Hodzi O., De Jager N., Hartwell L.* 'Unconditional aid': assessing the impact of China's development assistance in Zimbabwe // *South Africa Journal of International Affairs*. – 2012. – № 19 (1). – P. 79–103.
11. *Hooijmaaijers B.* China's rise in Africa and the response of the EU: a theoretical analysis of the EU-China-Africa trilateral cooperation policy initiative // *Journal of European Integration*. – 2018. – № 40 (4). – P. 443–460.

12. *Kaya A.* The EU's China problem: a battle over norms // *International Politics*. – 2014. – № 51 (2). – P. 214–233.
13. *Lopez-Lucia E.* Performing EU Agency by Experimenting the 'Comprehensive Approach': The European Union Sahel Strategy // *Journal of Contemporary African Studies*. – 2017. – № 35 (4). – P. 451–468.
14. *MacDonald S., Lande S., Matanda D.* Why Economic Partnership Agreements undermine Africa's Regional Integration. – Wilson Center & Manchester Trade Collaboration, 2013.
15. *Plank F.* Principal-agent relations, politics of discretion, and the Africa-EU Partnership on Peace and Security // *Journal of European Integration*. – 2023. – № 45 (5). – P. 767–783.
16. *Staeger U.* Resource mobilization in security partnerships: Explaining cooperation and coercion in the EU's partnership with the African Union // *Cooperation and Conflict*. – 2023. – № 58 (4). – P. 502–521.
17. *The Routledge handbook of EU-Africa relations* / T. Haastrup, L. Mah L, N. Duggan (Eds.). – Abingdon: Routledge, 2020.
18. *World Investment Report 2020: International Production Beyond the Pandemic.* – URL: https://unctad.org/system/files/official-document/wir2020_en.pdf (дата обращения: 20.01.2025).

Лилеев И.Л.,

кандидат политических наук,
Институт Международных Отношений и социально-
политических наук МГЛУ, Москва.

Ivan Lileev,

Ph.D.,
Institute of International Relations and Social
and Political Sciences, Moscow State Linguistic University, Moscow.
E-mail: lileich@yandex.ru

РЕГИОНАЛЬНАЯ И КОНТИНЕНТАЛЬНАЯ ИНТЕГРАЦИЯ В АФРИКЕ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ КОНТИНЕНТА

PAN-AFRICAN AND REGIONAL INTEGRATION ISSUES AND ITS IMPACT ON AFRICAN SECURITY

Интеграция государственных и негосударственных образований и формирование на этой основе новых надгосударственных структур в качестве новых акторов мировой политики давно стали одним из ключевых мегатрендов мировой политики. Причем к изменениям во многих сферах ведут не только устоявшиеся, но и формирующиеся интеграционные структуры, не достигшие стадии государственности как в сфере экономики, так и политики [4].

Процесс интеграции в Африке проходил как бы в двух параллельных плоскостях. С одной стороны, это региональная интеграция. В странах Африки функционирует ряд крупных региональных объединений: Экономическое сотрудничество государств Западной Африки (ЭКОВАС), Общий рынок Восточной Африки (КОМЕСА), Таможенный и экономический союз Центральной Африки (ЮДЕАК), Общий рынок Южной Африки (САДК). Есть и иные региональные образования, однако об их влиянии на военно-политическую ситуацию вряд ли возможно говорить. Шли определенные интеграционные процессы и на общеконтинентальном уровне. В принципе идея африканского единства звучала и в названии предшественницы современного

Африканского союза – Организации африканского единства (ОАЕ), созданной в 1963 году. Однако само понятие «единство» имело здесь весьма специфическое содержание. Речь шла главным образом о единстве в борьбе с остатками колониализма на континенте, а также борьбе с апартеидом, с остро стоявшими в то время проблемами. Кроме того, на крупнейших международных форумах, включая ООН, единство африканских стран ощущалось и при голосовании по всем актуальным вопросам повестки дня. Правда, при решении внутриафриканских проблем и межгосударственных конфликтов все было не так гладко. С одной стороны, еще при создании ОАЕ в 1963 году мудрые африканские отцы-основатели избрали принцип *cuti possidetis* («владей тем, чем владеешь») в качестве универсального принципа межгосударственного деления [1]. В противном случае континент превратился в сплошную зону конфликта «всех против всех». Ведь границы между африканскими странами проводились без учета традиционных зон проживания народов Африки. Однако от более чем пятидесяти региональных войн во второй половине XX века это не уберегло. При этом сама общеафриканская организация безучастно наблюдала за этими конфликтами, не имея возможности хоть как-то вмешаться в них [2].

В XXI веке ситуация стала меняться. Именно повышение эффективности организации стало главной причиной трансформации ОАЕ в Африканский союз (АС). Уже при принятии Устава новой организации был заложен тезис о приоритетном направлении межафриканской интеграции и возможности вмешательства организации во внутренние конфликты с гуманитарными целями. В 2000 году был принят протокол о создании всеафриканского парламента – наднациональной властной структуры.

Одновременно содержался и тезис о возможности отделения территорий с подвергающимися дискриминации этническими группами и меньшинствами.

Стремление к расширению миротворческих функций проявилось и в решении о создании сил быстрого развертывания. Тогда же активно зазвучал тезис – давать африканские ответы на африканские вызовы.

Вскоре усилиями Африканского союза при определенной поддержке внешних акторов были проведены и первые миротворческие операции.

Строго говоря, первая миротворческая африканская операция началась еще в 1990 году под эгидой ОАЕ в Либерии и Сомали. И в том, и в другом случае необходимость такого вмешательства была очевидной.

В Либерии к тому времени центральное правительство практически утратило контроль над ситуацией в стране. Число жертв превысило 150 тыс. человек [4]. При этом в большинстве своем это были гражданские лица. Тысячи беженцев из пораженных войной регионов искали спасения в христианских храмах и представительствах международных организаций. Еще в начале 1990 года в столице страны, Монровии, высадилась первая миротворческая группа ЭКОВАС, которая взяла под контроль ситуацию в Монровии, вступив в вооруженные столкновения с отрядами Чарльза Тейлора. В последующие шесть лет усилиями сил АС и ЭКОВАС удалось в какой-то степени стабилизировать ситуацию в стране. Главное, что продемонстрировал либерийский опыт, это возможность успешного противодействия вооруженным отрядам бандитов совместными силами Африканского союза и ЭКОВАС. Подобная решительность показала себя гораздо более эффективной по сравнению с деятельностью миротворцев ООН, не имевших мандат на применение военной силы. С 2018 года начал работать и специальный орган – фонд Африканского союза за мир и предотвращение войн. К тому времени у организации был накоплен уже солидный опыт миротворчества. В частности, уверенно продемонстрировали себя миротворческие силы АС в Бурунди.

Точнее говоря, первая миротворческая миссия наблюдателей была размещена там еще в 1989 году [5]. В 2003 году ее сменила уже более значительная группа миротворцев. В следующий раз Совет мира и

безопасности принял решение об отправке миротворцев в Бурунди в июне 2015 года после беспорядков, вызванных решением президента Пьера Нкурунзизы баллотироваться на третий срок. В декабре 2015 года было принято решение направить туда отряд миротворцев численностью более 5 тыс. человек, однако правительство Бурунди реагировало на него отрицательно.

Следует сказать, что процесс интеграции Африканского континента прошел к тому времени уже ряд последовательных стадий не только в экономической, но и политической, организационной сферах. В качестве верховных исполнительных органов там уже функционировали Ассамблея глав государств и правительств, исполнительный Совет министров иностранных дел, решавший вопросы в сфере экономики, культуры и здравоохранения. С 2006 года начал работу Всеафриканский суд по правам человека и народов. С 2007 года начал функционировать и Совет мудрецов – орган, состоящий из наиболее авторитетных политиков континента, как действующих, так и уже отошедших от дел.

Идея миротворчества не сходит при этом с повестки дня этих структур. Созданные силы быстрого развертывания действуют достаточно эффективно, однако всё в Африке упирается в вопросы финансового обеспечения.

В связи с этим некоторыми представителями Африканского парламента выдвигалась идея отчисления 2% от ВВП государств – членов АС на нужды миротворчества. Звучала и мысль о передаче малоэффективных миссий ООН в Африке под эгиду Африканского союза. Тем не менее исследователями – критиками этой идеи уже тогда выдвигалось предположение, что отдаленность от севера сделает миротворческие операции ООН заложниками интересов внутренних и внеконтинентальных сил, имевших собственные интересы на континенте [3]. В отдельных случаях силы ООН столь малочисленны, что никак не могут повлиять на стихийно возникшую кризисную ситуацию в регионе (пример, события на востоке Конго в январе 2025 года).

Что касается других миротворческих миссий, то, конечно, стоило бы непременно отметить миссии в Судане и Сомали. Механизм создания миссии АС в Судане был запущен в 2004 году: война там шла на протяжении многих лет. На тот момент определенную надежду давали соглашения в Нджамене между правительственными силами и «Движением за справедливость и равенство», контролировать соблюдение которых и должен был Африканский союз. Поначалу миссия состояла из 96 наблюдателей от АС, Чада, Франции и Великобритании и 270 военнослужащих.

Очевидно, что этими скромными силами выполнить мандат, предполагавший в числе прочего снижение уровня военных действий и защиту мирного населения, оказалось невозможным. К концу 2004 года численный состав миссии был увеличен на 7,5 тыс. военнослужащих. В таком составе миссии удалось довольно эффективно выполнить свой мандат, снизив уровень насилия в регионе Дарфур. Однако решить задачу полной защиты мирного населения в таком большом регионе миссия была просто не в состоянии. В очередной раз ожидания превзошли реальные возможности контингента, действовавшего при этом решительно.

Достаточно эффективно с учетом объема поставленных задач осуществлялась и миссия АС в Сомали. Инициатором подключения Африканского союза к сомалийской проблеме был президент Джибути (ранее Французского Сомали) Исмаил Омар Гелле.

Действовал, правда, этот энергичный лидер в соответствии с собственной идеей возрождения Великого Сомали, но определенный процесс по нормализации ситуации в стране ему все-таки удалось реализовать. Было создано временное правительство Сомали. Вновь избранный президент Абдалла Юсуф Ахмед немедленно попросил ввести войска АС в страну. В ответ на это Совет Безопасности ООН ввел свой миротворческий контингент в Сомали. В состав формирований вошло около 8 тыс. военнослужащих из Уганды, Бурунди, Нигерии и Ганы.

С 19 января 2007 года была развернута миссия Африканского союза АМИСОМ. С первых дней своего присутствия в стране формированием АМИСОМ пришлось активно включаться в военные действия против движения «Аш-Шабаб» [3]. В результате тяжелой борьбы активность этой террористической группы снизилась. Однако, конечно, не было возможности решить все вопросы, касающиеся мирной жизни граждан в этих условиях. Принципиально важным моментом в той миссии стало отлаженное взаимодействие миротворцев ООН и АС. Такое же взаимодействие было успешно реализовано в ходе официальной совместной миссии АС И ООН в Дарфуре – ЮНАМИД. К 2020 году миссии, состоявшей из 26 тыс. военнослужащих, удалось в значительной степени нормализовать ситуацию в этом многострадальном регионе, став посредником в переговорах между правительством и повстанцами. Удалось оказать значительную гуманитарную помощь, одновременно решив и пограничный конфликт между Суданом и Чадом.

Как очевидно из вышеизложенного, интеграционные процессы, как общеафриканского, так и регионального масштаба, уже сыграли значительную позитивную роль в укреплении военно-политической безопасности континента. При должном финансировании этот механизм может стать залогом мирного будущего континента, реализующего программу масштабной модернизации на наднациональном уровне.

Возможно, что в дальнейшем приобретенный опыт эффективного миротворчества АС может быть востребован и в других конфликтных регионах планеты, в том числе и географически близких к России.

Литература

1. *Громыко А.А.* Африка в мировой политике. – М.: Наука, 1986. – 238 с.
2. *Лилеев И.Л.* Новый мировой порядок и проблемы африканской безопасности. – М.: Наука, 1994. – 113 с.

3. *Лилеев И.Л.* Старый свет и Африка. – М.: Институт Африки РАН, 2015. – 109 с.
4. *Giseella Muller Brandeck-Bouquet.* Die EU und Afrika. – Frankfurt, 2007.
5. *Isawa Elaigwu.* African Security in a Changing international envirement // Peace keeping as a security strategy in Africa – Chad. Liberia as case studies. – Lagos, 2002.
6. *Marches Tropicaux et Meditterriens.* – Paris, 1996. – №2528.

**ГЛОБАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В
УСЛОВИЯХ КОНФРОНТАЦИИ: ВЫЗОВЫ XXI ВЕКА**

**Сборник материалов международной научно-практической
онлайн-конференции
4 декабря 2024 г.**

Ответственный редактор:

О.П. Иванов, доктор политических наук

Редакционная коллегия:

А.Ю. Рудницкий, доктор исторических наук;

С.И. Миронов, кандидат военных наук;

Н.А. Фаустова, кандидат филологических наук